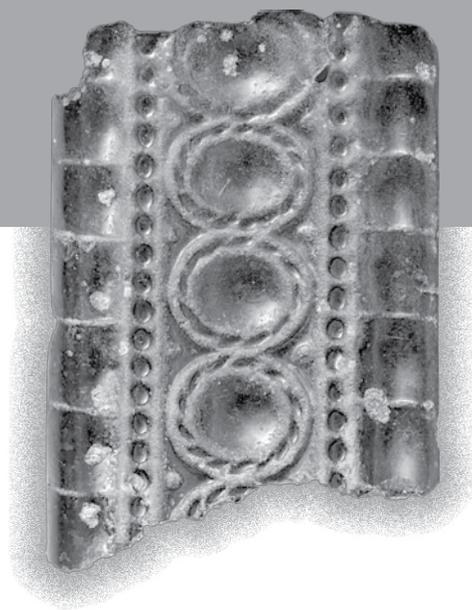

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Центр охраны культурного наследия»

НЯК СИМВОЛЬ

Издательство Томского университета
Томск – Ханты-Мансийск
2014

УДК 903.2(Р571)

ББК 63 4

Н99

Н99 Няксимволь / Отв. ред. **Я.А. Яковлев**. – Томск; Ханты-Мансийск; Изда-во Томского ун-та, 2014. 200 с.: ил.

ISBN 978-5-7511-2291-1

Научно-художественный альбом «Няксимволь» знакомит читателей с одним из самых ярких археологических памятников северо-таёжной части Северного Зауралья и Нижнего Приобья раннего железного века и раннего Средневековья – городищем Няксимволь. Подробно представлены его местонахождение и история исследования. Сделаны выводы о культурной и хронологической принадлежности городища. Включён подробный каталог образцов няксимвольской металлопластики из шести музеев Урала и Западной Сибири. Осуществлён её стилистический и иконографический анализ.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2(Р571)

ББК 63 4

Редактор – **Я.А. Яковлев**

Фотографии – в коллаже на обложке (р. Северная Сосьва): **А.Н. Кондрашёв**;
на форзацах (р. Северная Сосьва около городища Няксимволь): **Д.О. Стародумов**

Издание осуществлено в рамках реализации государственной программы
**«Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском
автономном округе – Югре
на 2014–2020 годы»**

© Я.А. Яковлев (комплектование, текст), 2014

© Д.О. Стародумов, Н.Г. Комова (текст), 2014

© Ю.В. Ширин (текст), 2014

© В.Д. Викторова (текст), 2014

© А.Я. Труфанов, Ж.Н. Труфанова
(текст, рисунки каталога), 2014

© В.Б. Малиновский, вёрстка, 2014

ISBN 978-5-7511-2291-1

Наследие Няксимволя – утраченное или спасённое?

Я.А. Яковлев

НЯКСИМВОЛЬ. Звучание этого слова – мягкое, ласковое, зовущее... Кажется, так мелодично может звучать лишь имя красивой мансийской девушки или благонесущей языческой богини. Но в действительности это мансийское по истокам название¹ носит небольшое поселение², затерявшееся в глухих северотаёжных верховьях Северной Сосьвы (ил. 1). Возможно, этот нежно звучащий топоним так бы и остался безвестным, но вмешались два обстоятельства, которые вместе с сосьвинской водой вынесли «Няксимволь» на широкие просторы Оби, Югры, России (ил. 2, 3). Первое – здесь родился известный ныне российский политик С.С. Собянин. И, второе, – здесь находится древнее городище. Причём не просто городище, коих тысячи, а широко известное – настолько широко, что вошло в региональную энциклопедию Югры³, а список научных публикаций с его упоминанием насчитывает десятки позиций⁴.

Уникальные находки с этого городища, которые, собственно говоря, единственные и принесли ему славу, столь репрезентативны научно и привлекательны эстетически, что даже соседние регионы не считают зазорным использовать их изображения в целях представления своих территорий. Два музея – Свердловской областной и Североуральской городской, – расположенные относительно Северной Сосьвы на противоположной стороне Урала, демонстрируют в своих краеведческих экспозициях няксимвольские раритеты. А рекламная брошюра «Свердловская область», вышедшая многотысячным тиражом уже тремя изданиями, среди областных достопримечательностей ничтоже сумняшея гордо показывает металлопластику из югорского Няксимволя⁵.

¹ Этимологию ойконима Няксимволь см. в статье Д.О. Стародумова и Н.Г. Комовой далее в этой же книге.

² Численность: 1897 г. – 20 мужчин и 14 женщин манси в составе 6 семей; 1985 г. – 122 чел. манси (Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 44); 2014 г. – 589 чел. (Решение Совета депутатов сельского поселения Хулимсунт Берёзовского р-на ХМАО – Югры от 07.05.2014. № 31. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.google.ru/url?url=http://hulimsunt.ru/download/1287402>).

³ Могильников В.А. Няксимволь // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 2. – С. 272.

⁴ См. далее в этой же книге.

⁵ Свердловская область. – Екатеринбург: Квадрат, 2004. – С. 34; Свердловская область. – Екатеринбург: ИД «Уральский следопыт», 2005. – С. 32; Свердловская область. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 34.

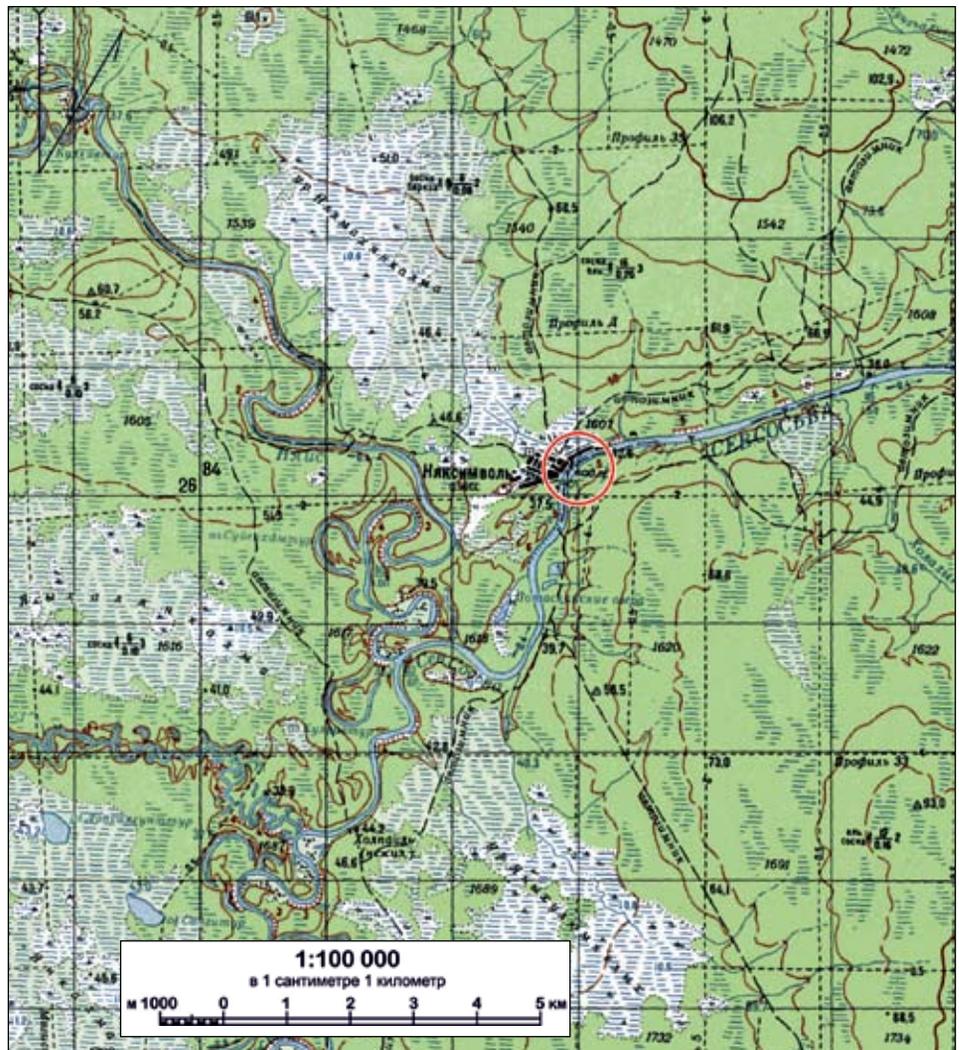

Женский образ, возникающий то ли по слышащейся мягкости звучания топонима, то ли по какой-то иной причине, отразился не только на уровне слуховых ассоциаций, но и во многих местных мифах и преданиях, связанных именно с женщинами (ил. 4)⁶.

Так, рассказывают, что прежде здесь жила девушка, которая смогла наказать за дерзость семь своих братьев сразу. «В Няксимволе семь братьев живут, восьмая сестра. У сестры косы медными птичками украшены. Однажды старший брат баловаться начал, взял лук, пустил стрелу, одну птичку сбил. Девушка вначале ничего не заметила, да

другие два брата над ней смеяться стали. Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам переломился. Тогда четвёртый брат свой лук схватил, стрелу пустил, сразу семь птичек сбил. «Ну что ж, – сказала сестра, – ешьте их, если голодны так. Но потом в лес пойдёте, чтобы вам ни одного зверя, ни одной птицы не добыть!».

Вскоре тяжёлое время настало. Братья в лес пошли, ничего не добыли. Сколько ни лесовали, ни одного косяча найти не могли. Ни зверя, ни птицы в лесу не было. Исхудали братья, из сил выбились. Истожились запасы в чамьях, настал голод»⁷.

Ил. 1. Местонахождение городища Няксимволь

⁶ Об единственном представленном в литературе мужском образе мифического обитателя городища см.: **Копотилов М.** Няксимвольское городище (Предварительное регистрационное описание) // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. – Тобольск, 1930. – № 1 (январь – март). – С. 29–30. Переиздание – см. далее в этой же книге.

⁷ Мифы, предания, сказки хантов и манси. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. – С. 388.

Об этой или иной героине мансийского фольклора идёт речь в другом предании, но известно, что знаменитая богатырша по имени Вершины Казыма Реки Великая Женщина вместе с братьями пришла на р. Казым именно из Няксимволя⁸.

А по записанному А. Каннисто северомансийскому преданию, в лесу около села Няксимволь обреталась *Тан Варп Эква* (Женщина, Делаящая/Скручивающая Сухожилия). Эта «крутильщица сухожилий» сильно осложняла процесс рукоделия няксимвольским женщинам, ибо появлялась около них каждый раз, если те принимались

за изготовление нитей в ночное время. И только хитрость вступившей с ней в состязание отважной молодой вогулки смогла избавить мастериц от этой напасти⁹.

Прародительницей и покровительницей селения – и это показательно! – тоже считалась женщина, хотя соседи по верхней Сосьве предпочитали видеть в этом статусном положении всё же мужские образы (ил. 5). По одной версии, звалась она *Няксимволь-Пауль Най Эква* (Селения Няксимволь Великая Женщина) и представлялась в образе тетёрки¹⁰; по другой – носила имя *Няксимволь Катя Не*¹¹.

Ил. 2. Северная Сосьва в окрестностях Няксимволя. 2007 г. Фото: А.А. Богордаева

⁸ Чернецов В.Н. Вогульские сказки. – Л.: Гослитиздат, 1935. – С. 93–111.

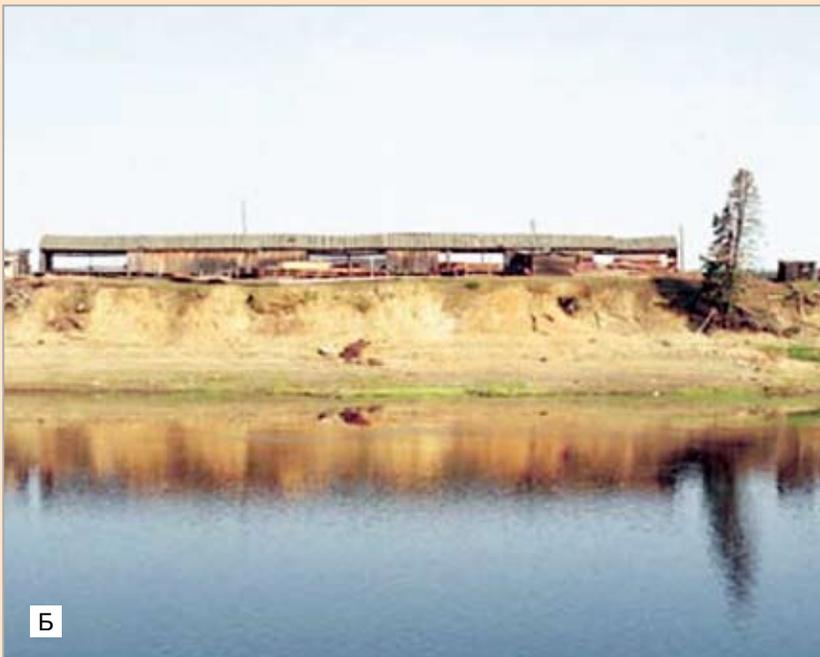
⁹ Kannisto A. Materialiensur mythologie der Wogulen. – Helsinki 1958. / Пер. Р.А. Мосиенко. – ГПНТБ СО АН СССР. Пер. № 14382/1. – Новосибирск, 1988. (Рукопись); Гемуев И.Н., Баудо А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы... – С. 53.

¹⁰ Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Сов. этнография. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – № VI–VII. – С. 172.

¹¹ Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – С. 158.

А

Б

Ил. 3. Здесь когда-то находились городище и хантыйское святилище. А – 1989 г., фото: А.Н. Панфилов; Б – 2003 г., фото: Д.О. Стародумов

Есть ещё одно мансийское предание, согласно которому у женщины-предка, жившей в «городке в устье реки Нейс», была несчастливая женская судьба – она так и осталась незамужней, хотя женихи к ней и сватались¹². И получилось, что напророчили этим сюжетом вогульские волхвы! Местообитание той няксимвольской Евы, известное ныне как Няксимвольское городище, тоже не нашло своего «суженого», растратив себя попусту во времени и лишениях...

Судьбы памятников археологии сродни человеческим судьбам. Когда их вводят в археологическую науку, они рождаются, затем проживают отведённый им срок и, в конце концов, умирают либо под ножом бульдозера, либо под лопатой археолога. При этом жизнь одних длинна и благополучна, а других скоротечна и трагична. Кому-то из них уготована блестящая, полная ярких эпохальных открытий биография, в конце которой возводится мавзолей в виде прогремевшей на весь мир монографии, полихромного альбома или вечной прописки в музейной экспозиции. А кто-то проживает отведённую ему жизнь совсем незаметно, и скромным надгробным камнем ему служит небольшая пыльная коробка с артефактами в музее, а эпитафией – тоненький научный отчёт в архиве. Одни объекты археологического наследия, словно принцы голубых кровей, с самого начала ощущают на себе заботу и охрану. Но принцев всегда мало, и потому других – а таких большинство – ждут все превратности и скорби земной юдоли, нападки, утраты, а то и преждевременная гибель.

¹² Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1965. – Вып.: ДЗ-8. – С. 19.

Можно, конечно – в параллель с человеческими судьбами, – в таких раскладах узреть божье провидение или волю звёзд. А можно – опять же по аналогии с миром людей – атеистически утверждать человеческую волю. Ведь только археолог в состоянии определить судьбу памятника и сделать её счастливой либо, наоборот, горькой. Часто можно услышать, как важно учёному найти «свой» памятник. Только такой счастливый «брак» плодovit открытием, которое в итоге хоть на толику, но обогащает духовное бытие всего человечества. Однако не менее важно, чтобы и памятник встретился со «своим» исследователем. Сколько таких «спящих царевен» не дожались своего «королевича Елисея», не были разбужены – и, в конце концов, погибли прямо во сне, так и не открыв своих тайн и сокровищ?

Городищу Няксимволь – героине (не хочется уходить от женского образа) этого издания – выпала трудная судьба. Без малого уже век оно известно исследователям. И весь этот долгий срок боролось (и пока ещё продолжает бороться!) за своё существование, за лучшую долю. Судьба этого памятника – яркий пример отношения к археологическому наследию в нашей стране – и в СССР, и в нынешней России. На примере Няксимволя можно проследить все общественные процессы и человеческие умонастроения, протекавшие в этом секторе социального развития.

Пора юности городища пришлось на первые три-четыре десятилетия минувшего века – зарю археологических изысканий на севере Западной Сибири. Как и положено для этого периода жизни, всё у Няксимволя было впервые. Первые поступившие в музей предметы¹³. Первая публикация¹⁴. Первое знакомство с археологом¹⁵. Но знакомство разведочное, поверхностное. Сложись тогда ситуация иначе – заложил кто-то из археологов масштабный раскоп, – и кто знает: стоять бы

Ил. 4. Амбарчик *Каль-Нехос* (Самки Соболя) – духа-покровителя манси верховьев Северной Сосьвы. Бассейн р. Няйс, окрестности с. Няксимволь. 1989 г. Фото: А.В. Бауло

¹³ В 1916 г. в Тобольском губернском музее было зарегистрировано поступление четырёх предметов: «Кайло (пест), наковальня, шлифовальная плитка, точильный камень» (ТМ 5394, ТМ 5395, ТМ 5396, ТМ 5397). В конце 1920-х гг. (не «в 1930-х», как указано у В.Н. Чернецова) А.К. Трапезниковым, в 1932–1933 гг. Ф.С. Роголёвым, в 1936 г. неизвестным нам начальником Северососьвинской геолого-поисковой партии в Свердловский краеведческий музей были сданы их любительские сборы с городища. Возможно, были и другие поступления. По крайней мере, в каталоге Е.М. Берс указано: «№ 317. С/М 8934. Коллекция вещей с городища Няксимволь... поступила в музей в период с 1924 по 1930 годы от разных лиц» (Берс Е.М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. – Свердловск, 1959. – С. 72–73. № 317). В 1932 г. после обследования городища В.Н. Чернецов передал свои находки в Музей антропологии и этнографии АН СССР в г. Ленинграде. Историю изучения городища Няксимволь см. в статье Д.О. Стародумова и Н.Г. Комовой далее в этой же книге.

¹⁴ **Копотилов М.** Няксимвольское городище... Переиздание – см. далее в этой же книге.

¹⁵ 1932 г. – В.Н. Чернецов. Библиографию публикаций о Няксимволе, подготовленных на основе полученных в результате этих работ материалов, см. далее в этой же книге.

сейчас красавице Няксимволь в первом ряду на подиуме сибирской, а то и российской археологии.

Но не оказалось вовремя героя, чтобы взять от Няксимволя сокрытую материальную память о предках. И тело городища начало катастрофически стареть – деформироваться от активного передвижения людей и домашнего скота; покрываться оспинами грабительских закопшек, уничтожающих культурный слой; разрушаться язвами картофельных огородов, нивелирующих искусственный рельеф и ликвидирующих остатки фортификации и земляночных углублений двухтысячелетней давности... Особо серьёзный урон, конечно же, был нанесён раскорчёвкой и распашкой территории под сельскохозяйственные насаждения. Казалось бы, культурный слой – во благо городищу, это сама его суть. Но когда огородничество достигло сосвинских берегов, и плодородные отложения городища как нельзя лучше подошли для сельскохозяйственных нужд, этот слой сослужил плохую службу, поскольку именно из-за него выбор пал на археологический объект. «При вспахивании... находили почти целые глиняные сосуды, костяные наконечники для стрел и др[угие] предметы, но сейчас от этих находок ничего не сохранилось», – было написано в 1930 г.¹⁶

Война, как и положено, затянула ожидание. Но и за два последующих десятилетия никто не взглянул на Няксимволь, если не считать скромной экскурсии из окружного музея¹⁷. Надежда на лучшую судьбу забрезжила в 1965 г. Вслед за миллионами советских колхозников, получивших паспорта и легализовавших таким образом свой гражданский статус, право на защиту и опеку государства получило и городище Няксимволь – Постановлением Совета Министров РСФСР оно было внесено в список объектов культурного наследия местного значения¹⁸.

Однако официальное признание прав не спасло городище. Одновременно (!) были приняты два решения: в далёкой столице – охранять городище и, соответствен-

но, запретить на его территории всякую хозяйственную деятельность, в посёлке – поставить на городище лесопилку. Нетрудно догадаться, какое из этих альтернативных решений было претворено в жизнь.

Это было грубое и насильственное применение силы. И после этого территориями городища стали пользоваться все, кому не лень.

Во-первых, на священном месте¹⁹, где более двух тысяч лет обитали божества, а приходившие для общения с ними люди не смели сломать даже ветку, теперь целые стволы разделялись на доски, а брёвнами заваливались остатки фортификационного рва в северо-восточной части²⁰. Обустройство и функционирование пилорамы; неизбежное накопление отходов лесопиления, которые неоднократно горели; наконец, ликвидация остатков сгоревшего-таки в 1980-х гг. объекта лесопереработки самым доступным и дешёвым способом под названием «Трактором в реку» – всё это не могло не убить Няксимволь.

Во-вторых, разрушение культурного слоя происходило не только случайно – в результате хозяйственной деятельности, но и целенаправленно – с целью поиска археологических находок. Кто только не собирал артефакты, часть которых воистину бесценна, из развороченных внутренностей Няксимволя?! В первую очередь, конечно же, местные жители. Кто-то сразу швырял забавные безделицы в реку; кто-то уносил домой, а потом, как водится, терял; кто-то «патриотично» формировал школьный музей, который потом сгорел вместе со школой. Не чурался сбора археологических диковин и заезжий люд, которого с каждым годом промышленного освоения края становилось всё больше и больше. Некоторые из них отдавали потом раритеты в музеи. В первую очередь, находки поступали по прямой территориальной принадлежности – в районный музей в п. Берёзово, и именно там постепенно сформировалась самая крупная из няксимвольских коллекций²¹. Кто-то из жертвователей, по своей ли скромности или по не-

¹⁶ **Копотилов М.** Няксимвольское городище... Переиздание – см. далее в этой же книге.

¹⁷ 1960 г. – обследование бассейна р. Северной Сосьвы Ю.И. Гордеевым. См.: **Еськова М.Г., Туровинина В.Ф.** Археологическая коллекция Ю.И. Гордеева из фондов Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. – Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 2. – С. 255–256. Ил. 3.

¹⁸ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12116595/>

¹⁹ Место расположения городища ещё в 1920-х гг. называлось *Ялын-ма* – Святое место. См.: **Копотилов М.** Няксимвольское городище... Переиздание – см. далее в этой же книге.

²⁰ Информация старожилов.

²¹ Разновременными сборами от разных лиц собрано 348 ед. хр.

радивости музейных работников, остался безымянным. Но некоторые обстоятельства и имена сохранились: 2 марта 1982 г. зафиксировано крупное поступление от работников Няксимвольского промохототделения²²; в 1998 г. – от берёзовского жителя Б.И. Мирошниченко. Однако ж не все опорожняли свои карманы от няксимвольской добычи в райцентре, кое-кто вёз её дальше – до «своего» музея. Так, некто Н.В. Канев дважды – в 1999 и 2000 гг. – передавал свои сборы в музей г. Югорска (ХМАО – Югра). И даже такой весьма удалённый от Северной Сосьвы музей, как Североуральский краеведческий, что расположен в Свердловской обл., совершенно неожиданно пополнился прекрасной археологической коллекцией с Няксимволя от «одного из первооткры-

вателей чёрного золота», как потом было написано в буклете²³. Надо думать, большая часть няксимвольских раритетов разошлась всё же на сувениры, а не осела в музейных коллекциях.

Наверное, всё это время поругания и бесчестия Няксимволь ещё с надеждой ждало «своего» археолога. Увы... Городище совсем потеряло былую внешнюю привлекательность планиграфии и нетронутость культурного слоя. Поэтому все работавшие тогда в бассейне верховьев Северной Сосьвы археологи хоть и не избегали встречи, однако ограничивались только сборами археологических находок с изуродованной поверхности или из рук местных жителей. В 1989 г. на памятнике побывал А.Н. Панфилов (г. Тюмень)²⁴, в 1990 г. – разведочная группа

Ил. 5. Святилище *Тулям-Ур-Ойка* (Пальца-Возвышенности Старик) – духа-покровителя манси верховьев Северной Сосьвы – и личина *менкв-пырисей* (сыновей *менквов*) на этом святилище. Бассейн р. Няйс, окрестности с. Няксимволь. 1989 г. Фото: А.В. Бауло

²² Фонды Берёзовского районного краеведческого музея, КП 400 – 215 ед.хр.

²³ Панина С.Н. Древние сокровища Няксимволя [Буклет]. – Екатеринбург, 2001.

²⁴ Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего отряда Тюменской археологической экспедиции в Берёзовском районе Тюменской области в 1989 году. – Археологический музей Уральского федерального ун-та. - Ф. II-503/1989. – С. 1–34.

А.П. Зыкова и Н.В. Фёдоровой (г. Екатеринбург)²⁵, в 2000 и 2002 гг. – археологи Д.О. Стародумов и А.Н. Кондрашёв (г. Ханты-Мансийск)²⁶.

Две последние поездки дали основания для решения VI научно-методического совета по сохранению и использованию историко-культурного наследия ХМАО о необходимости проведения работ по сохранению Няксиволя (август 2002 г.). И в 2003 г. небольшим археологическим отрядом Государственного музея природы и человека под руководством Д.О. Стародумова был заложен первый раскоп.

К счастью, он не стал последним, ибо чуть позже Служба главного государственного инспектора по охране историко-культурного наследия ХМАО, которая тогда представляла исполнительную окружную власть в этой сфере, перевела вышеуказанное решение методсовета в формат нормативных документов, и работы по сохранению Няксиволя были включены в окружную программу «Культура Югры на 2006–2008 годы». В 2007 г. их провёл всё тот же Д.О. Стародумов. Всего было вскрыто 228 кв. м²⁷.

После этого никакие работы на памятнике уже не велись. И появившиеся у Няксиволя шансы спасти хотя бы остатки своего былого величия и былой красоты вновь стали эфемерными, какими и были всё прошлое столетие. А остались ли основания для ожидания?

Есть два мнения работавших на городище археологов о состоянии культурного слоя и, следовательно, о перспективах дальнейших раскопок. Более оптимистичен А.П. Зыков. Вот что написал он после обследования той части памятника, где стояла пилорама: «Очевидно, неровности рельефа, образованные остатками вала и рва, не очень-то мешали строителям лесопилки. Отходы пилорамы, скопившиеся за 25 лет, покрыли всю округу почти метровым слоем спрессованных гниющих опи-

лок, навсегда законсервировав остатки уникального памятника. Мы убедились в том, что памятник, в общем-то, цел, и действующая лесопилка, которая стоит на его территории, ему не угрожает»²⁸. Прибывший на памятник через полтора десятка лет после этого Д.О. Стародумов предпочёл заложить свой раскоп на периферии городища, вне территории расположения лесопилки. И высказался более осторожно: «Установлено, что культурный слой в центральной части памятника значительно пострадал и находится в переотложенном состоянии... Культурный слой на периферии памятника частично сохранился *in situ*...»²⁹. Этот же вывод исследователь повторяет и в своей новой публикации на следующих страницах «Няксиволя».

Так что рано ещё писать эпитафию бывшей красавице Няксиволю. Но кое-какие итоги трудной и долгой судьбы подвести уже можно.

Прежде всего, выяснилось, что это отнюдь не рядовое городище, то есть не территория, которая предназначалась только для закрытого проживания людей. Прежде всего, на это указывает количественный и качественный состав находок – например, очень высокая доля художественной металлопластики. В том же Берёзовском музее, владеющем сегодня самой крупной из няксивольских коллекций, она составляет 10 % (36 изображений в составе 348 ед. хр.). Для поселения это чрезвычайно много. Конечно, здесь сказались специфика отбора артефактов: в отличие от археологов, любители, стараниями которых преимущественно и были сформированы эти коллекции, игнорируют при сборах самый массовый археологический материал – фрагменты керамической посуды (в сленге нынешних гробокопателей для неё есть даже уничижительное словечко «сопутка»). Более семи десятков известных сегодня только по музейным коллекциям образцов няксивольской металлопластики достаточно

²⁵ Зыков А.П. Дневник полевых работ 1990 г. – Личный архив автора.

²⁶ Стародумов Д.О. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 г. – Ханты-Мансийск, 2003. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Д. 1167. Инв. № 5981; Кондрашёв А.Н. Отчёт о НИР: Обследование состояния городища Няксиволя 1 в Берёзовском районе Ханты-Мансийского округа в 2002 г. – Ханты-Мансийск, 2003. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Д. 831. – Инв. № 4299; Кондрашёв А.Н. Обследование состояния городища Няксиволя 1 в Берёзовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 244–249.

²⁷ Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксиволя 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. – Вып. 10. – С. 137–154. Развёрнутый и переработанный вариант этой статьи см. под авторством Д.О. Стародумова и Н.Г. Комовой далее в этой же книге.

²⁸ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 34.

²⁹ Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксиволя 1... – С. 146–147.

красноречиво указывают на очень специфическое назначение памятника. Общеизвестный сакральный статус этих миниатюрных художественных шедевров раннего железного века не оставляет сомнений, что в духовной жизни населения Северного Зауралья и Нижнеобья поселение Няксимволь занимало особое место.

Пожалуй, только Усть-Полуй мог иметь такое же значение. И это уже следующий пункт няксимвольской биографии. Эти два памятника, словно сёстры-близнецы, которые, как это не раз звучит в обско-угорских мифах, разделены расстоянием, но крепко связаны узами родства.

Они демонстрируют типологическое единство – на основании формальных признаков (наличие элементов фортификации) оба вошли в археологическую науку в качестве городищ. Сегодня исследователи, работающие на Усть-Полуе, предпочитают квалифицировать памятник уже как «древнее святилище»³⁰, что выводит его из списка поселений. Думается, такое семантическое наполнение археологического таксона пора перенести и на Няксимволь; термин «городище», конечно же, для него узок.

Оба памятника демонстрируют чрезвычайно близкий по составу, морфологии, художественным характеристикам инвентарь – металлопластику, украшения, образцы вооружения, бытовые и хозяйственные предметы из кости и пр. Образцы искусства – бронзовые изображения, гравировки на металле и кости, декорированные костяные вещи (гребни, ложки) – и вовсе демонстрируют сюжетно-стилевое единство, позволяющее говорить если не об одних и тех же для обоих памятников мастерах, то уж точно об единой художественной школе.

Общие сюжеты и персонажи изобразительного творчества, обнаруженные на предметах Усть-Полуя и Няксимволя (прежде всего, речь идёт, конечно же, о металлопластике и гравировках), не оставляют сомнения в параллельности мировоззрения и сакральной практики тех, кто сформировал культурные слои на этих объектах.

Даже судьбы этих памятников до удивления схожи. Практически одновременно они вошли в археологическую науку. Оба сильно пострадали в результате хозяйственной деятельности: Усть-Полуй – от строительства и функционирования здания гидропорта, Няксимволь –

от распашки и устройства лесопилки. На обоих, несмотря на понимание и декларирование их важности для исторического изучения высокоширотных территорий, долгое время не велись стационарные археологические раскопки. Пожалуй, только в последние два десятилетия параллельность биографий была нарушена: на Усть-Полуе – пусть сильно пострадавшем и уже многое и навсегда утратившем – начались и активно продолжаются археологические раскопки. На Няксимволе же после многообещающего и плодотворного рывка 7-летней давности опять затишье.

Поскольку территория городища Няксимволь, как уже говорилось, представляла собою сакральное пространство, не обошло его биографию и священное число «7». Так, самые масштабные раскопки Няксимволя случились на 7-м году третьего тысячелетия, да и распределены материалы с этого городища по 7 российским музеям:

- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург);
- Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск);
- Свердловский областной краеведческий музей (г. Екатеринбург);
- Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры);
- Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры);
- Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.);
- Археологический музей Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

Сколько находок расплылось по стране в качестве сувениров «первооткрывателей чёрного золота», сколько уничтожено на месте в огне пожаров, водах Северной Сосьвы и медных трубах производственных показателей лесопилки – одним вогульским духам ведомо (ил. 6). Представляется, что очень и очень немало.

Такая рассредоточенность стала важнейшей причиной того, что уникальные – и это неоднократно признано специалистами – материалы Няксимволя до сих пор не нашли достойного отражения в научной литературе,

³⁰ Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге / Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: [б.и.], 2008. – Вып. 9: Археология Арктики. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012.; Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012.

Ил. 6. Домашние духи-покровители и жертвенное покрывало манси Дунаевых. С. Няксимволь. 1997 г. Фото: А.В. Бауло

а место городища в культурогенезе населения Северного Зауралья и Западной Сибири в эпоху раннего железа и Средневековья не осмыслено. Плодотворное движение в этом направлении было сделано в 1950–1960-х гг., когда в свет вышли ставшие уже классическими работы по древней истории Западной Сибири: в 1953 г. – сбор-

ник «Древняя история Нижнего Приобья» со статьями В.Н. Чернецова³¹ и В.И. Мошинской³², а в 1964 г. – монография В.И. Мошинской «Археологические памятники Севера Западной Сибири»³³. Однако они включили в себя лишь те материалы, что были известны по приобретениям 1920–1930-х гг. и только из двух музеев –

³¹ **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 8, 14, 15 (табл. II–8, 14), 20, 21 (табл. VI–3, 5), 23; **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 131 (табл. IV–9), 147 (табл. IX–6).

³² **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 113, 116.

³³ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1965. – Вып. ДЗ-8. – С. 8, 19, 25, 33, 34, 43, 85–87 (табл. 19–21).

ленинградского и свердловского. Музейные коллекции, сформированные в 1980-е и последующие десятилетия в ходе археологических разведок и любительских сборов, до сих пор в полном объёме не опубликованы. Наиболее яркие или наиболее доступные авторам няксимвольские раритеты были представлены в рекламно-информационной и научно-популярной литературе³⁴, полиграфической продукции музеев (на открытках и карманных календарях) (ил. 7)³⁵, но в научной печати они отметились очень скупо³⁶.

Это надо сказать даже в отношении документированных находок, полученных в ходе археологических раскопок 2003 и 2007 гг. Их выборочное представление дано в достаточно краткой статье информационного характера³⁷, более развёрнутый вариант которой представлен и в этой книге. Однако полное издание новых материалов и, самое главное, их культурно-хронологический анализ в контексте исторического развития Севера Урала и Западной Сибири ещё ждёт своего часа.

Сложившаяся ситуация отражает общую тенденцию современной российской археологии, когда объём полевого материала значительно превышает объём представленного в печати, а количественные показатели научных публикаций и полевых отчётов соотносятся как масштабные цифры на планах. И даже при таком положении дел введение в научный оборот новых материалов Няксимволя является необходимым.

Во-первых, потому что по объёму и разнообразию он значительно превосходит тот, что был получен в до-

военные годы. Достаточно сказать, что в вышеуказанных работах, подытоживающих тот период, представлены лишь два образца художественной металлопластики³⁸, а сегодня их известно уже более семи десятков!

Во-вторых, этого требует нынешнее развитие западносибирской археологии эпохи железа, когда классическая схема культуругенеза и периодизации, разработанная В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской (с привлечением, как было сказано, и няксимвольских материалов тоже), радикально модернизируется, вплоть до замены её отдельных блоков и даже полной отмены. Например, уже открыто звучат заявления о кризисном состоянии средневековой археологии³⁹. И здесь необходим новый яркий материал, который, собственно говоря, на Няксимволе и собран.

В-третьих, вековое уже изучение художественных бронз раннего железного века и Средневековья вышло сегодня от сравнительного анализа их разных территориальных и хронологических групп по критерию технологических и морфологических признаков на уровень корреляции по сюжетно-стилистическим характеристикам и вплотную подошло к синтезу проблем западносибирского культуругенеза, с одной стороны, и проблем изучения урало-сибирской металлопластики, с другой. Пограничное во всех отношениях состояние памятника – территориальное (Северное Зауралье), хронологическое (ранний железный век и переход к Средневековью), культурное (известная дискуссия о месте северотаёжных памятников Зауралья и Нижнеобья в

³⁴ Югорск: от легенды до точки на карте. – Екатеринбург [б.и.], 1997. – С. 32; **Панина С.Н.** Древние сокровища Няксимволя...; **Фарносова В.В.** Берёзово: история и современность. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003. – Вкл. 6 между с. 128 и 129; Свердловская область...; Историческое время: Альбом-каталог Государственного музея природы и человека. – М.: Эпифания, 2006. – С. 28, 32, 214; Берёзово... – С. 32 (рис. 1–4), 33, 34.

³⁵ Как минимум известны календари на 2003 г. (выпущен Берёзовским районным краеведческим музеем) и на 2004 г. (выпущен Свердловским областным краеведческим музеем), открытка из набора (выпущена Музеем природы и человека в 2013 г.)

³⁶ **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 204 (рис. 152); **Кондрашёв А.Н.** Обследование состояния городища Няксимволь 1 в Берёзовском районе... – С. 244–249; **Викторова В.Д.** «Шагающие» медведи // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической науч. конф. – СПб., 2004. – Рис. 2, 3; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamalarchaeology.ru/index.php?func=viewpage&module=subjects&pageid=131&pageno=13>; **Панина С.Н.** Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 98–103; Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 10–25 (кат. № 1–5); **Викторова В.Д.** Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – С. 99; **Еськова М.Г., Туровнина В.Ф.** Археологическая коллекция Ю.И. Гордеева из фондов Музея природы и человека... – С. 255–256. Ил. 3.

³⁷ **Стародумов Д.О.** Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1...

³⁸ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 85 (табл. 19–4, 5).

³⁹ **К.Г. Карачаров.** Сделаем усилие и... приблизимся к истине // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 260.

Ил. 7. Металлопластика Няксимволя в полиграфической продукции музеев

разрезе кулайской проблематики) – делает няксимвольскую коллекцию крайне привлекательной для решения проблем происхождения и генезиса указанного культурного феномена.

Вкладом в решение этих задач и является предлагаемое издание, которое вобрало в себя историю исследования памятника, его культурную и хронологическую интерпретацию, каталог металлопластики с её стилистическим и иконографическим анализом.

Всего в музеях был обнаружен 71 образец металлопластики:

– Берёзовский районный краеведческий музей – 36 ед. хр.;

– Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск) – 15 ед. хр.;

– Североуральский краеведческий музей – 11 ед. хр.;

– Музей истории и этнографии (г. Югорск) – 5 ед. хр.;

– Свердловский областной краеведческий музей – 3 ед. хр.;

– Археологический музей Уральского федерального университета – 1 ед. хр.

Ещё три изображения из музейных фондов, известные в литературе, в публикуемый каталог, к огромному сожалению, не вошли. Большоголового антропоморфа с опущенными вниз руками, опубликованный В.И. Мошинской без указания на место хранения⁴⁰, мог изна-

⁴⁰ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 85 (табл. 19–4).

начально находиться либо в Свердловском музее, где он отсутствовал в составе выданной нам для работы няксимвольской коллекции, либо в Кунсткамере, где в силу разных причин нам поработать не удалось. Два других изображения – обломок орнитоморфа с тремя личинами на груди и профильная фигурка зооморфа с опущенной мордой и длинным хвостом – представлены очень маленькими схематическими рисунками в популярном издании⁴¹. По словам автора текста и автора иллюстрации А.П. Зыкова, эти поделки были переданы жителями с Няксимволь покойному ныне екатеринбургскому археологу В.М. Морозову, который сдал их в музей Уральского университета. Однако в момент работы над каталогом нам они выданы не были.

Каталог няксимвольской металлопластики – цель и основное содержание предлагаемого издания. Однако, помимо него, в содержание вошло ещё несколько публикаций, которые в совокупности монографически представляют городище Няксимволь.

Краткое описание тобольского краеведа **М.П. Коптилова** ценно тем, что знакомит нас с первым описанием памятника – во всей первозданности и целостности последнего. Оно было сделано по материалам А.К. Трапезникова в конце 1920-х гг. и опубликовано в «Бюллетене Общества изучения края при Музее Тобольского Севера» за первый квартал 1930 г.

Раздел, подготовленный **Д.О. Стародумовым** и **Н.Г. Комовой** (г. Ханты-Мансийск), представляет историю исследования памятника и вводит в научный оборот некоторые материалы из раскопок городища 2003 и 2007 гг.

Дискуссионным представляется раздел, подготовленный **Ю.В. Шириним** (г. Новокузнецк) и посвящённый хронологии Няксимволя. Он является ещё одним результатом давно уже разрабатываемой автором схемы генезиса археологических культур Западной Сибири раннего железного века и Средневековья. Не первый раз на этом пути обращается он и к няксимвольским материалам⁴².

О сложной и чрезвычайно дискуссионной сегодня проблеме культурной идентификации археологических памятников на севере Приуралья, Лесного Зауралья и Нижнего Приобья, о взаимодействии глядендовской, синдейской и кулайской культур через призму в том числе и

няксимвольских материалов (прежде всего керамики и металлопластики) говорится в разделе **В.Д. Викторовой** (г. Екатеринбург).

Первым – и давно ожидаемым – опытом систематизации бронзового фигурного литья на основе выделения стилистических и иконографических характеристик стал раздел, написанный **А.Я. Труфановым** и **Ж.Н. Труфановой** (г. Сургут). Показательно, что случилось это на примере Няксимволя. Предложенная публикация открывает новое направление в изучении такого феномена урало-сибирской археологии эпохи раннего железа и Средневековья, как металлопластика.

Этими же исследователями проделана большая работа по подготовке каталога металлопластики – описаний (№ 1–35, 37–71) и рисунков (№ 1–71). Помимо этого, А.Я. Труфановым разработана структура описания каталожного предмета и осуществлено редактирование иллюстративного ряда для этой части издания.

Я.А. Яковлеву принадлежит идея издания; решение организационных вопросов по финансированию и взаимодействию со всеми участвующими в проекте учреждениями, организациями и лицами; разработка структуры издания, подбор тем и авторов; фиксация метрических характеристик изображений и непосредственное участие в процессе их фотографирования в шести музеях Сибири и Урала. Он же участвовал в каталожных описаниях в части указания источника поступления предмета в музей и в составлении библиографии. Также им сделано одно описание (№ 36) и подготовлен данный раздел.

Со стороны Департамента культуры ХМАО – Югры проект курировала **Ю.И. Кизнер** (г. Ханты-Мансийск).

Бескорыстную и многообразную помощь в подготовке издания оказывали коллеги и друзья: **А.А. Адамов** (г. Тобольск), **А.В. Бауло** (г. Новосибирск), **А.П. Зыков** и **К.Г. Карачаров** (г. Екатеринбург), **А.В. Нескоров** (г. Тобольск), **Д.А. Сурков** (г. Ханты-Мансийск).

Теперь чуть подробнее об иллюстрациях в каталоге – для археологов это может быть важно. Главной целью при формировании иллюстративного ряда было стремление дать читателю возможность для формирования собственного визуального представления о металлопластике Няксимволя. Для этого А.Я. Труфановым и Ж.Н. Труфа-

⁴¹ Югорск... – С. 32.

⁴² **Ширин Ю.В.** Хронологические аспекты концепции Обь-Иртышской историко-культурной общности эпохи раннего железа // II Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 420–441.

новой были унифицированы масштабы рисунков и фотографий. Для представления о реальных размерах предметов иллюстративный ряд начинается чёрно-белой фотографией изделия в натуральную величину в сопровождении масштабной сетки. Графика приведена в масштабе 2:1 (исключение составили относительно крупные изделия № 1, 14, 43, 70, на которых детали изображения хорошо просматривались в натуральную величину). Большинство фотографий предметов приведено в масштабе 3:1, за исключением двух изделий (№ 1 и 43), которые в таком виде выходили за пределы полосы набора. Их фотографии приведены в масштабе 2:1.

Миниатюрность большинства публикуемых изделий потребовала разработки методики их рисования. Передать детали изображения в масштабе 1:1 было невозможно. В результате были подготовлены рисунки в масштабе 3:1 (реже 4:1) с последующим уменьшением рисунка до масштаба 2:1.

Изображения, выполненные в туши, в известной степени генерализованы (то есть на них может отсутствовать то, что, по мнению авторов рисунка, не относится к сознательным попыткам древнего мастера показать какие-то детали). Таким образом, рисунки, как и описания, неизбежно отражают авторское видение предметов и могут отличаться от фотографий. Тем не менее полагаться на фотоизображения, как на более объективный источник информации, тоже нет достаточных оснований. Как показал анализ фотографий, которые были сделаны в достаточном количестве и при разных условиях, даже незначительное изменение угла доминирующего освещения в большинстве случаев приводило к изменению рельефа поверхности, отображаемой на фотоснимках.

А в самом конце – риторический вопрос: издание доносит до читателя утраченное или спасённое наследие Няксимволя?

С одной стороны, вроде бы утраченное. Ведь попавшие в музейные хранилища археологические предметы – немые, безголосые, неинформативны. Вырванные из контекста культурного слоя, не прошедшие через процедуру археологических раскопок, утратившие внутреннюю взаимосвязь, они уже никогда не откроют нам тайны своих создателей. В каких сакральных действиях, которые служат открытыми воротами в мир человеческих идей, они участвовали? Образ кого из живых либо вымышленных героев прошлого они запечатлели в веках? Как выглядели капища их создателей, где люди общались с богами и духами?... Ни на эти, ни на другие подобные вопросы эти мелкие осколки некогда большого зеркала, через которое мы – сегодняшние – могли бы заглянуть в прошлое, уже не ответят. И потому их можно считать утраченным наследием.

Однако, как известно, всё познаётся в сравнении. И по сравнению точно с такими же бронзовыми фигурками – которые были изготовлены тем же мастером, использованы в той же мистерии и пролежали два тысячелетия бок о бок в толще культурных отложений, а потом оказались искорёженными огнём пожара или гусеницей трактора, навсегда поглощёнными донным илом или береговым песком Северной Сосьвы, украденными на сувениры или на продажу – герои этого издания, конечно же, олицетворяют собою спасённое наследие.

Теперь мы уже никогда не узнаем, сколько и что именно из этого наследия древних эпох потеряно и для нас, и для наших потомков безвозвратно. Но также нам не дано пока знать, что ещё хранит Няксимволь и в состоянии нам подарить. Какую судьбу будут иметь эти, пока ещё сокрытые от всех материальные фрагменты канувшей в Лету действительности, зависит только от нас – нашей расторопности, нашей совести, нашей гражданской позиции, наконец.

А Няксимволь ждёт...

Няксимвольское городище
(Предварительное регистрационное описание)¹
[1930 г.]

М.П. Коптилов²

От гр. Трапезникова А.К. О[бществ]ом изучения края получено краткое регистрационное сообщение о городище, находящемся близ с. Няксимволь Берёзовского р[айона] Тобольского округа.

Городище расположено в 0,5 км от с. Няксимволь к северо-востоку, на левом высоком обрывистом берегу р. Сев[ерной] Сосьвы.

Высота берега реки 10 м, поверхность по направлению от городища к с. Няксимволь ровная, а на север и северо-восток берег значительно снижается, переходя в 200 м от городища в болото.

Площадка городища имеет в длину по берегу реки 110 м и в ширину от 30 до 40 м. Раньше городище было, несомненно, больше, т. к. ежегодно берег обваливается в реку, и, по словам местных жителей, даже за последние 10–15 лет смыло берега до 15 м.

Городище окружено с береговой стороны валом и рвом, сейчас значительно разрушенным.

Высота вала в настоящее время достигает до 1 м, глубина рва 1,5 м и ширина до 4 м. В середине городища заметен довольно правильный четырёхугольник бхб м с углублением в землю до 0,3 м.

Городище несколько лет назад частично распахивалось, года 2–3 под пашню и огород. При вспахивании, по словам местных жителей, находили почти целые глиняные сосуды, костяные наконечники для стрел и др. предметы, но

¹ Печ. по: **Коптилов М.** Няксимвольское городище (Предварительное регистрационное описание) // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. – Тобольск, 1930. – № 1 (январь – март). – С. 29–30.

² Коптилов Михаил Петрович (1896, г. Тюмень – 15.09.1937, г. Тобольск). Окончил Петроградский историко-филологический институт. С середины 1922 г. – секретарь Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Заведовал культурно-историческим отделом музея. Устанавливал связи с краеведами северных районов, создавал ячейки и филиалы общества, выступал с докладами и писал статьи по истории, статистике, экономике края. Сотрудничал с Уральским областным бюро краеведения, был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. В 1930-х гг. преподавал в Тобольском рыбопромышленном техникуме и в зооветтехникуме. 7 августа 1937 г. был арестован, осуждён и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. (Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 2. – С. 67). (Прим. ред.).

сейчас от этих находок ничего не сохранилось. А.К. Трапезников собрал на берегу реки и на поверхности городища, а также в небольших шурфах, сделанных им для определения глубины залегания культурного слоя, глиняные черепки, железное кольцо, медное украшение, медный обломок какой-то вещи, изделия из кости и обломки кости. Культурный слой с находками залегает на глубину до 0,75 м, почва чернозёмная. Ниже культурного слоя песок. Так как все эти находки А.К. Трапезников выслал в Уральский обл[астной] музей, то сказать о них что-либо определённое можно будет лишь по получении из Свердловска материала по их обработке.

У окружающего русского и зырянского населения названия городища не имеется. Остяки зовут его Ялпын-ма – «Святое место» и передают о нём следующее предание: «Жил когда-то в этом городище весьма богатый и уважаемый остяками князь, на которого напало большое войско самоедов. Князь не мог отбиться от врагов и тайком ночью ушёл с остатками своих войск из городища через болото, считавшееся непроходимым, закопав в городе в большом железном ящике все свои сокровища, не имея возможности захватить их с собой. И часто, – говорят остяки, – и в настоящее время по ночам на месте клада виднеется синий огонёк, но найти клада никто не может».

Князь, говорят, был очень высокого роста и громадной силы. Оставшиеся от него кольчуга и громадный лук со стрелами хранятся будто бы и сейчас где-то в юртах по р. Ляпину, передаваясь потомками этого богатыря из рода в род.

Сейчас во время своих проездов на лодке мимо городища остяки всегда держатся противоположного правого берега; если же когда и проезжают левым берегом, то только без женщин.

Хотя мы и не имеем в настоящий момент под руками собранного на городище материала, но, однако, можно с большой уверенностью сказать, что это одно из старинных остяцких городищ. Об этом говорят и сохранившееся только у остяков название городища, и имеющаяся о городище только остяцкая легенда, и почитание этого места у остяков.

Городище Няксимволь: история исследования

Д.О. Стародумов, Н.Г. Комова

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА

По административно-территориальной схеме памятник расположен в границах населённого пункта – с. Няксимволь Берёзовского р-на ХМАО – Югры, на левом берегу р. Северной Сосьвы, в 5 км к северо-востоку от устья её левого притока р. Наяс.

Городище занимает участок коренной террасы левого берега р. Северной Сосьвы высотой 8,6–10,0 м от уреза воды (измерения 2000 г.). Юго-западная граница памятника проходит в 10,0 м от жилого дома по адресу ул. Береговая, д. 44 (ил. 1).

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое подробное обследование юго-западной части Берёзовского уезда провёл старший лесничий Тобольской губернии А.А. Дунин-Горкавич в 1899 г. Им был собран, систематизирован и опубликован обширный материал по топографии, гидрографии, о населённых пунктах и образе жизни местного населения. О Няксимволе и его окрестностях автор приводит следующие сведения: «Ниже р. Нейса на три версты, на левом берегу р. Сосьвы, около юрт Няксимвольских находится Сосвинская пристань Сибирякова. В недавнее время здесь выстроена церковь и образовалось село Няксимвольское. Кроме вогулов, здесь живут русские и зыряне»¹.

Название села по народной этимологии восходит к мансийским топонимам: то Жаберный плёс (*няхсам* – жабры, *воль* – плёс), то Грязный / Гнилой плёс (*някси* – грязь, *воль* – плёс). Однако, по мнению А.К. Матвеева, историческую основу имеет только первый вариант: «... По-мансийски Няксимволь – *Няхсам воль* ... Посёлок Няксимволь первоначально хотели построить в устье р. Наяса ... но затем из каких-то соображений перенесли ниже по течению Сосьвы. С учётом этих данных можно восстановить первоначальную форму названия в виде *Нягысь сам воль* (*сам* – угол, край, местность), то есть «Плёс у Наяса» ... Когда Няксимволь был перенесён на новое место, первоначальный смысл названия, уже не соответ-

¹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. – М.: Либерия, 1995. – Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. – С. 270–271.

ствующий объекту, забыли, а из *Нягысь сам воль* получилось общепринятое *Няхсам воль* – «Жаберный плёс»².

Первые археологические находки из «юрт Няксимвольских» поступили в Тобольский губернский музей в 1916 г.³, однако документированы в таком качестве лишь сборы 1930-х гг. А. Трапезникова⁴, которые были переданы в Свердловский краеведческий музей.

В этот же музей «в конце 1932 или начале 1933 г.» поступило ещё одно собрание из Няксимволя – на этот раз, по сообщению, В.И. Мошинской, от Ф.С. Роголёва⁵.

В то же самое время – в 1932 г. – участок сбора этих предметов осмотрел В.Н. Чернецов, который отметил, что культурный слой с фрагментами глиняных сосудов на поддонах залегает непосредственно под дёрном⁶.

² **Матвеев А.К.** Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997. – С. 87–88.

³ Устное сообщение А.В. Нескорова (бывшего зам. директора Тобольского гос. историко-архитектурного музея-заповедника по научно-исследовательской работе) Я.А. Яковлеву 04.04.2003. Выражаем последнему искреннюю благодарность за предоставленную информацию.

⁴ **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 131 (табл. IV–9); **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1965. – Вып.: ДЗ-8. – С. 85 (табл. 19).

⁵ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 19.

⁶ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 19.

Ил. 1. **Городище Няксимволь.** Вид с р. Северной Сосьвы. Сн. с юго-востока. 2000 г. Фото: Д.О. Стародумов

В 1936 г. от начальника Северососвинской геолого-поисковой партии всё в тот же Свердловский краеведческий музей поступила очередная партия сборов археологического материала с Няксимвольского городища⁷.

Эти и другие материалы исследований археологических памятников в бассейне р. Северной Сосьвы нашли отражение в статьях В.Н. Чернецова, В.И. Мошинской, И.А. Талицкой и вошли в важную для археологов рабо-

ту «Древняя история Нижнего Приобья», вышедшую в свет в 1953 г.⁸ Именно в ней впервые появляется сообщение о памятнике, расположенном в черте населённого пункта Няксимволь и имеющем в своём названии ойконим «Няксимволь». В.Н. Чернецов отметил наличие в посёлке памятников «Няксимвольское городище и стоянка», осмотренных им в 1932 г. вместе с А. Трапезниковым⁹, и один из них – «Няксимвольскую сто-

⁷ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 19.

⁸ **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 8, 20; **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 113, 116; **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени... – С. 131 (табл. IV-9), 147 (табл. IX-б); **Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 266 (№ 148).

⁹ **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... – С. 8.

янку» – на основании подѐмного материала включил в описание неолитических памятников бассейна р. Северной Сосвы¹⁰. При этом он указал на неизученность стратиграфии памятника, из чего следует, что неолитический слой на месте им не фиксировался¹¹.

В одновременно вышедшей работе «Бронза усть-полуйского времени» тот же исследователь перечислил некоторые предметы из сборов А. Трапезникова с Няксимвольского городища – щитковый перстень, сланцевую модель для отливки конической бляшки, фрагмент ручки медного сосуда¹².

В одновременной статье В.И. Мошинской отмечено наличие в сборах с Няксимвольского городища двух типологических групп керамики раннего железного века, дано описание месторасположения памятника и выраженных в современном рельефе объектов: «Городище Няксимволь расположено близ сел. Няксимволь, на левом берегу Сев. Сосвы в верхнем её течении. Оно находится на мысу, образованном Сосвой и болотом, представляющим старое русло р. Нейса. По форме городище близко к Сортынье II и окружено валом и рвом, концы которых упираются в обрыв берега реки. На городище отмечены следы немногочисленных землянок прямоугольной формы. Культурный слой небольшой мощности (15–20 см) залегает непосредственно под дёрном на всей площади городища. Насыщенность керамикой небольшая»¹³.

В материалах, опубликованных И.А. Талицкой к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья, фигурирует только один памятник, расположенный в черте с. Няксимволь – Няксимвольское городище с датой II в. до н. э. – II в.¹⁴

Сравнение трёх указанных публикаций не даёт чёткого и однозначного ответа на понимание авторами хронологии памятника – это один объект археологического

наследия или всё же два? В пользу первой версии может свидетельствовать отсутствие в более поздних работах указанных авторов упоминания о «Няксимвольской стоянке» и оперирование только названием «городище Няксимволь» раннего железного века¹⁵, а также высказанное В.Н. Чернецовым замечание об отсутствии на памятнике слоя неолитического времени. То есть памятник Няксимвольское городище может являться многослойным и содержать находки периодов неолита и раннего железного века. Этот вывод подтверждают и результаты более поздних (2003, 2007 гг.) работ на указанном объекте археологического наследия¹⁶.

В 1960 г. сборы археологического материала с территории городища были продолжены. На этот раз их осуществил научный работник окружного краеведческого музея (ныне Музей природы и человека в г. Ханты-Мансийске) Ю.И. Гордеев¹⁷.

Тогда же было принято постановление Совета Министров РСФСР, которым Няксимволь был включён в список охраняемых государством объектов культурного наследия¹⁸.

В середине 1960-х гг. на площади памятника была устроена лесопилка, уничтожившая его почти полностью (ил. 2).

В это же самое время, в 1965 г., после трёх десятилетий музейного хранения наиболее представительные няксимвольские находки из фондов Свердловского краеведческого музея были опубликованы В.И. Мошинской в работе, посвященной усть-полуйской культуре¹⁹.

В 1980-х гг. после нескольких пожаров отходы лесопилки вместе со значительной частью археологического культурного слоя трелёвочным трактором сгребли в реку. При этом работниками Промоходотделения была собрана коллекция археологических предметов,

¹⁰ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья... – С. 14.

¹¹ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья... – С. 8.

¹² Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... – С. 131 (табл. IV–9).

¹³ Мошинская В.И. Керамика усть-полуйского времени... С. 113, 116.

¹⁴ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья... – С. 266 (№ 148).

¹⁵ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 19.

¹⁶ Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. – Вып. 10. – С. 137–154.

¹⁷ Акт принятия на постоянное хранение коллекции предметов с городища Няксимволь № 124 от 18.12.1961. (коллекция ХМ-1023 археологического фонда Музея природы и человека).

¹⁸ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12116595/>

¹⁹ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 25, 33, 34, 43, 85–87 (табл. 19–21).

Ил. 2. Городище Няксимволь. Общий вид. Сн. с северо-запада. 2002 г. Фото: Д.О. Стародумов

переданная в Берёзовский краеведческий музей 2 марта 1982 г.²⁰ Другая часть находок пополнила музей национальной средней школы с. Няксимволь. Позже пожар уничтожил и здание школы, и коллекцию. Остальное, что ещё вымывала р. Северная Сосьва, регулярно собиралось местными жителями.

Первыми научными исследованиями на городище, документально подтверждёнными отчётами, стали работы 1989 г. тюменского археолога А.Н. Панфилова²¹. Ими было документировано не только полное уничтожение зафиксированных В.Н. Чернецовым фортификационных укреплений и остатков жилищных котлованов, но и границ памятника в целом²².

Культурные напластования в пределах п. Няксимволь, прежде известные под названием одного объекта археологии – Няксимвольского городища, – А.Н. Панфиловым были разделены на три памятника. Помимо городища, получившего на этот раз наименование Няксимволь 1, в границах посёлка были выделены:

- поселение (?) Няксимволь 2 – в 60 м к северо-востоку от городища Няксимволь 1 на краю «5-метровой террасы р. Сев. Сосьва, между пилорамой и пристанью»;
- поселение Няксимволь 3 – примыкает к городищу Няксимволь 1 с юго-запада²³.

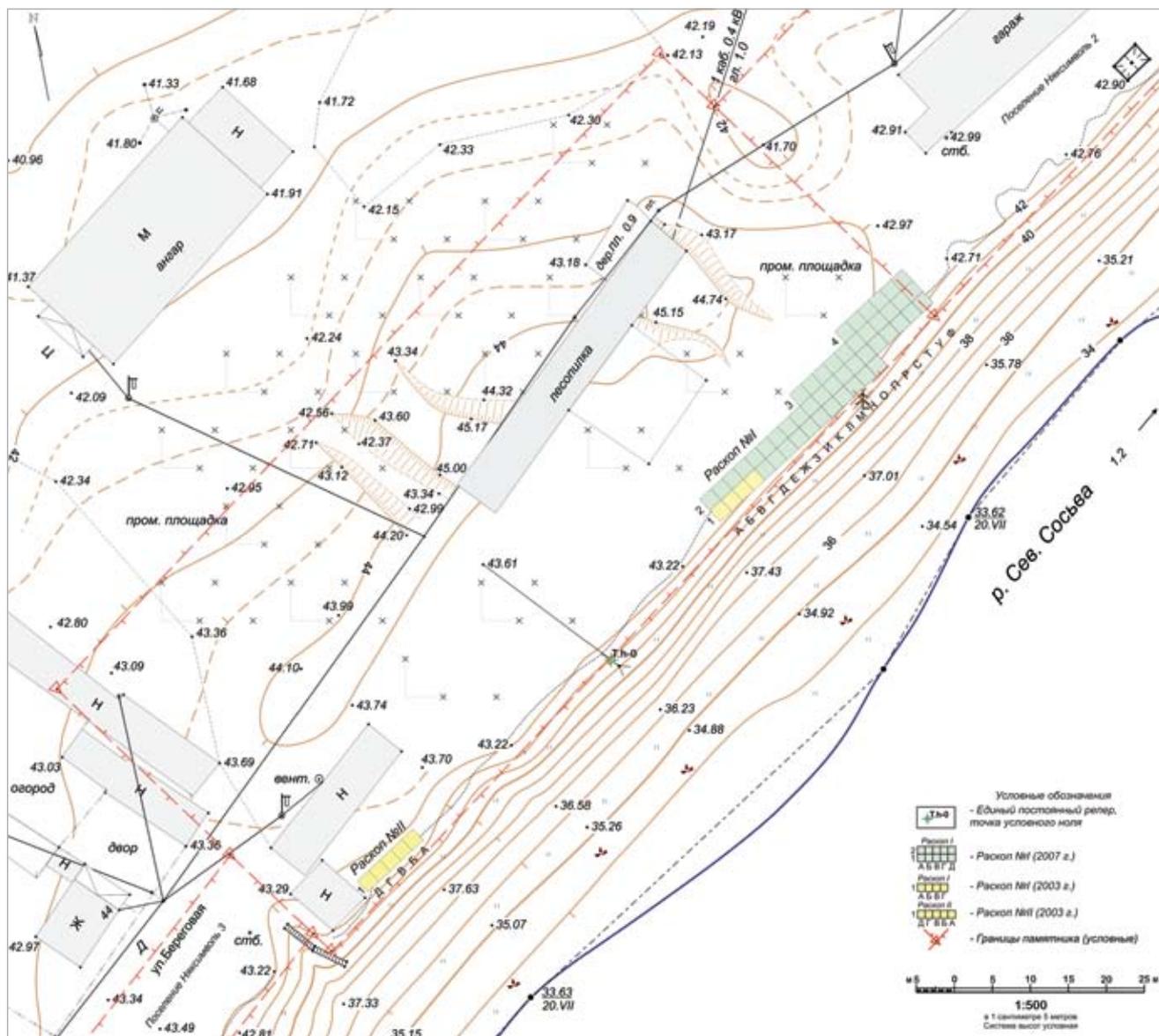
По своим сборам исследователь датировал городище Няксимволь I эпохой Средневековья (ошибочно вклю-

²⁰ Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 ... – С. 140 (ил. 4–1–17).

²¹ Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего отряда Тюменской археологической экспедиции в Берёзовском районе Тюменской области в 1989 году. – Археологический музей Уральского федерального ун-та. Ф. П-503/1989. – С. 1–34.

²² Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего отряда ... – С. 3.

²³ Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего отряда ... – С. 2.

Ил. 3. Городище Няксимволь. Топографический план и схема расположения раскопов 2003 и 2007 гг.

чая в этот период и усть-полуйскую культуру), поселение Няксимволь 2 – неолитическим временем и Средневековьем, а поселение Няксимволь 3 – эпохой бронзы²⁴ (последующие сборы 2000 г. с этого памятника датируются ранним Средневековьем²⁵).

²⁴ Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего... – С. 3, 4, 18. Табл. 10.

²⁵ Стародумов Д.О. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 г. – Ханты-Мансийск, 2003. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Д. 1167. Инв. № 5981. – С. 17.

²⁶ Панфилов А.Н. Отчёт о работах третьего отряда... – С. 13. Рис. 4.

Тогда же был составлен ситуационный план памятника, осуществлена фотосъёмка его состояния на период обследования, зафиксированы масштабы разрушения²⁶.

Ил. 4. **Городище Няксимволь.** Раскоп № 2. Горизонт VI. Квадраты А–В. Разборка культурного слоя объекта в квадратах В1, В2. Сн. с северо-востока. 2003 г. Фото: Д.О. Стародумов

В 1990 г. городище было осмотрено разведочным отрядом Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) под началом А.П. Зыкова²⁷.

Следующие исследования в форме разведочных работ были проведены на памятнике в 2000 и 2002 гг. археологами Д.О. Стародумовым (сотрудником Государственного Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске) и А.Н. Кондрашёвым (ООО «МНПО «Наследие Югры»). Их целью было уточнение данных о городище, особенно в части его физического состояния²⁸. Результатом проведения этих работ стали: съёмка инструментального плана памятника, обнаружение остатков рва, проведение рекогносцировочных раскопок. В частности, было установлено, что на большей части памятника культурный слой в результате антропогенного воздействия разрушен, и только береговая кромка шириной около 2,0 м осталась нетронутой. Сохранившийся слой мощностью 0,10–0,15 м состоит из

углистой супеси и мешанной серо-коричневой супеси, расположенных сразу под дёрном²⁹.

Разведочные работы определили необходимость работ по сохранению объекта археологии, которые были осуществлены в течение двух сезонов. В 2003 г. раскопки были проведены силами Государственного Музея природы и человека. Следующий этап, в 2007 г., вошёл строкой в бюджет окружной программы «Культура Югры на 2006–2008 годы», исполнителем выступило ООО «МНПО «Наследие Югры» (г. Ханты-Мансийск). Руководителем работ в обоих случаях являлся Д.О. Стародумов³⁰.

В результате на городище Няксимволь двумя раскопами было вскрыто 228 кв. м (ил. 3). Установлено, что в центральной части памятника культурный слой пострадал и находится в переотложенном состоянии (раскоп № 1 площадью 208 кв. м). Культурный слой на периферии памятника частично сохранился нетронутым (раскоп № 2 площадью 20 кв. м) (ил. 4).

²⁷ **Зыков А.П.** Дневник полевых работ 1990 г. – Личный архив автора.

²⁸ **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе...; **Кондрашёв А.Н.** Отчёт о НИР: Обследование состояния городища Няксимволь 1 в Берёзовском районе Ханты-Мансийского округа в 2002 г. – Ханты-Мансийск, 2003. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». – Д. 831. – Инв. № 4299.

²⁹ **Кондрашёв А.Н.** Отчёт о НИР: Обследование состояния... – С. 11.

³⁰ **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР: Охранные археологические раскопки городища Няксимволь 1 в 2003 г. (Берёзовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). – Ханты-Мансийск, 2007. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». Д. 905. Инв. № 5496; **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР: Охранные археологические раскопки городища Няксимволь 1 (Берёзовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). – Ханты-Мансийск, 2009. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». Д. 1166. Инв. № 5980.

ОПИСАНИЕ ВИЗУАЛЬНО ВЫРАЖЕННЫХ ОБЪЕКТОВ НА ПЛОЩАДИ ПАМЯТНИКА

Рельефно выраженные объекты (система фортификации, котлованы построек), описанные в 1932 г. В.Н. Чернецовым, к середине 1960-х гг. были почти полностью разрушены. По словам местных жителей, до обустройства лесопилки городище имело внушительные размеры, мощную систему обороны. Это не помешало разбить на территории памятника огороды, при обработке которых регулярно находили изделия из металла и кости. Начатое лесопильное производство окончательно захоронило культурный слой городища под слоем отходов.

Работами последних лет было подтверждено аварийное состояние городища. Так как истинные размеры памятника, включая и его фортификационные сооружения, установить теперь сложно, были условно определены его линейные границы в пределах остатков рва в северо-восточной части и естественной (?) промоины в юго-западной части. Общая площадь памятника определена в 6500 кв. м.³¹

СОСТАВ НАХОДОК, КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКА

В материалах В.Н. Чернецова фигурирует несколько случайных находок из сланца «с Няксимвольской стоянки»: 2 каменных шлифованных тесла, небольшое долото-видное орудие и фрагмент шлифованного наконечника стрелы³². Следует также учитывать сборы А. Трапезникова, среди которых имеются бронзовый щитковый перстень с меандрами³³ и фрагменты керамики раннего железного века. По последним И.А. Талицкая вслед за В.Н. Чернецовым отнесла Няксимвольское городище к памятникам раннего железного века, датировав его II в. до н. э. – II в.³⁴

В ходе работ А.Н. Панфилова в 1989 г. на городище Няксимволь был собран многочисленный подъёмный материал: фрагменты керамической посуды, два больших каменных грузила, бронзовый втульчатый наконечник стрелы, бронзовая пряжка, изделия из бронзы и пр.³⁵ Также у местных жителей были собраны несколько

Ил. 5. **Городище Няксимволь.** Керамический сосуд. Средневековье. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

³¹ Стародумов Д.О. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе... – С. 15.

³² Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья... – С. 15 (табл. II–8), 21 (табл. VI–3, 5), 20, 23.

³³ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... – С. 131 (табл. IV–9). (Прим. авт.). См. ил. 22 в статье Ю.В. Ширина в этой книге. (Прим. ред.).

³⁴ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья... – С. 266 (№ 148).

³⁵ Панфилов А.Н. Отчёт о работах... – С. 14 (рис. 5), 15 (рис. 6), 16 (рис. 7).

Ил. 6. **Городище Няксимволь.** Фрагменты керамических сосудов. Ранний железный век (группа Б–II по В.И. Мошинской). Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

предметов бронзовой металлопластики. Сформированная коллекция была датирована автором «эпохой Средневековья по В.И. Мошинской» – II в. до н. э. – II в.

Из предметов раннего железного века, полученных А.П. Зыковым в ходе полевых работ 1990 г., был опубликован бронзовый кельт. Для него предложена дата I в. до н. э. – I в.³⁶

Материалы, полученные при проведении археологических исследований в 2000, 2002 гг., расширили эту дату, поместив существование городища в рамках раннего железного века в период III в. до н. э. – I в.³⁷

За сезоны работ (2003, 2007 гг.) получена значительная коллекция находок (3163 ед.). Они позволили выделить следующие этапы в существовании памятника:

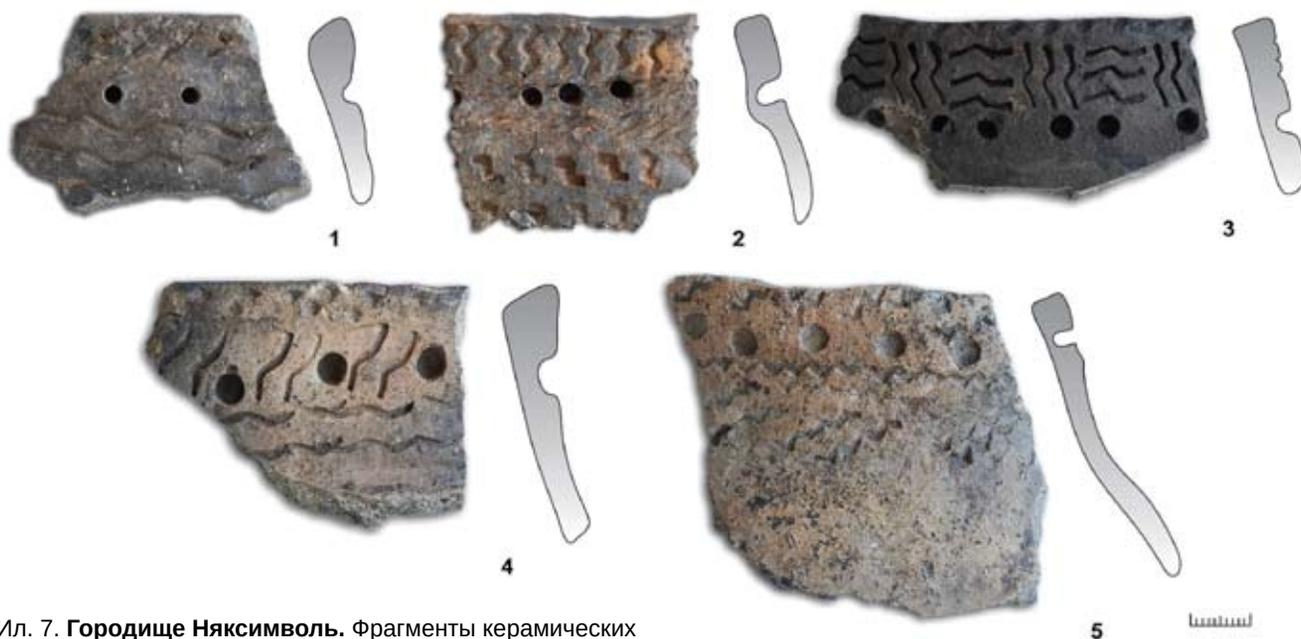
- неолит – энеолит (IV тыс. до н. э. – нач. III тыс. до н. э.);
- ранний железный век (IV–II вв. до н. э. – I в.) – основной комплекс находок;
- Средневековье (III–IV – нач. VI в.).

В лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск) была получена радиоуглеродная (условная, некалиброванная) дата для образца древесного угля из сохранившегося культурного слоя с керамикой раннего железного века – 2240 ± 75 лет. Калиброванные значения этого образца соответствуют календарному возрасту в диапазоне от 387 до 204 г. до н. э. (вероятность 68,2%) или в диапазоне – от 412 до 85 г. до н. э. (вероятность 94,1%).

Керамика. Самый массовый материал коллекции – 2735 ед. Керамика неолита – энеолита представлена обломками одного сосуда, Средневековья – двух (ил. 5), остальная с определённой долей условности может быть отнесена к раннему железному веку (ил. 6–8). Из 44 фрагментов технологической керамики 25 – тигли (ил. 9). Керамика раннего железного века находит близкие анало-

³⁶ **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова А.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – С. 101, 145 (№ 191). Местом обнаружения кельта указано «городище Няксимволь 3».

³⁷ **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе... – С. 15; **Кондрашёв А.Н.** Отчёт о НИР: Обследование состояния...; **Кондрашёв А.Н.** Обследование состояния городища Няксимволь 1 в Берёзовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 244–249.

Ил. 7. **Городище Няксимволь.** Фрагменты керамических сосудов. Ранний железный век (группа А–III по В.И. Мошинской). Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

гии в керамических комплексах святилища Усть-Полуй³⁸ и памятников синдейского типа Верхней Тавды³⁹, в посуде типа перный и ямашор памятников р. Печоры⁴⁰, в материалах поселений Юган-Горт 6 и Юган-Горт 7 Войкарского археологического микрорайона в Шурышкарском р-не ЯНАО⁴¹.

Изделия из бронзы насчитывают 30 ед.: обломок кельта; фрагменты зеркал с гравированными изображениями; зооморфные, антропоморфные, зооантропоморфные и орнитоморфные художественные изделия; бляшки, подвески и неопределяемые предметы.

Изделия из железа: нож с сохранившейся рукоятью из кости животного и наконечник стрелы (ил. 10).

Изделия из серебра (?) представлены бляшкой и пластиной с художественной гравировкой, изображающей бобра и лягушку (ил. 11).

Изделия из стекла: 14 бусин.

Изделия из кости и рога. Коллекция включает в себя 106 предметов: ложку, проколки, наконечники стрел, рукоятки, пластины-накладки на концевые части лука, стержень вертлюга и пр. (ил. 12, 13). Уникальными костяными поделками являются: гребень с парным изо-

³⁸ **Фёдорова Н.В., Гусев А.В.** Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: [б.и.], 2008. – Вып. 9: Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. – С. 34, 35, 87 (рис. 21), 89 (рис. 23); **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры... – С. 107–120; **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 22–25.

³⁹ **Викторова В.Д.** Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – С. 260–261; **Викторова В.Д.** Синдея, городище; Синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – С. 489.

⁴⁰ **Ашихмина Л.И., Васкул И.О.** Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 328–329. Рис. 8–6, 9, 10.

⁴¹ **Косинская Л.А., Дубовцева Е.Н.** Комплексы раннего железного века в Войкарском археологическом микрорайоне // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западносибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 125–130.

Ил. 8. Городище Няксимволь. Миниатюрный керамический сосуд (реконструкция). Ранний железный век. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 9. Городище Няксимволь. Керамический тигель. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 10. Городище Няксимволь. Изделия из железа: 1 – нож с рукоятью из кости; 2 – наконечник стрелы. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

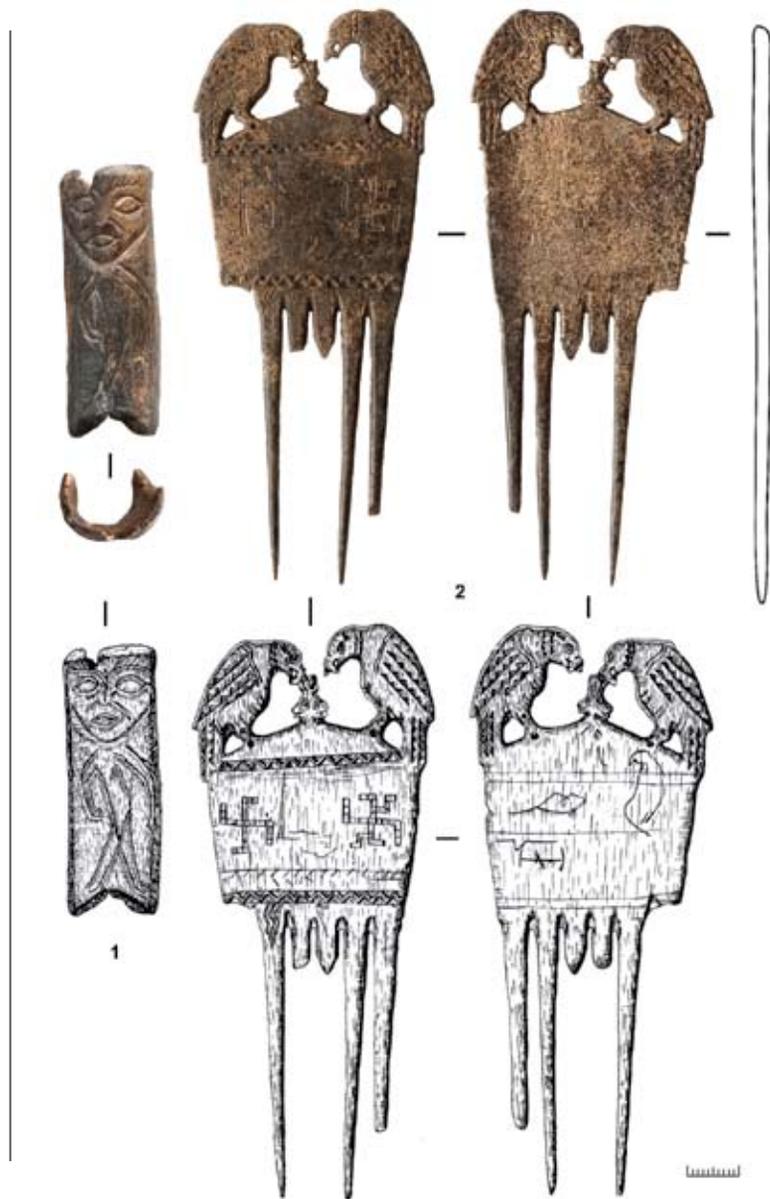
Ил. 11. Городище Няксимволь. Серебряная (?) пластина с гравировкой. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

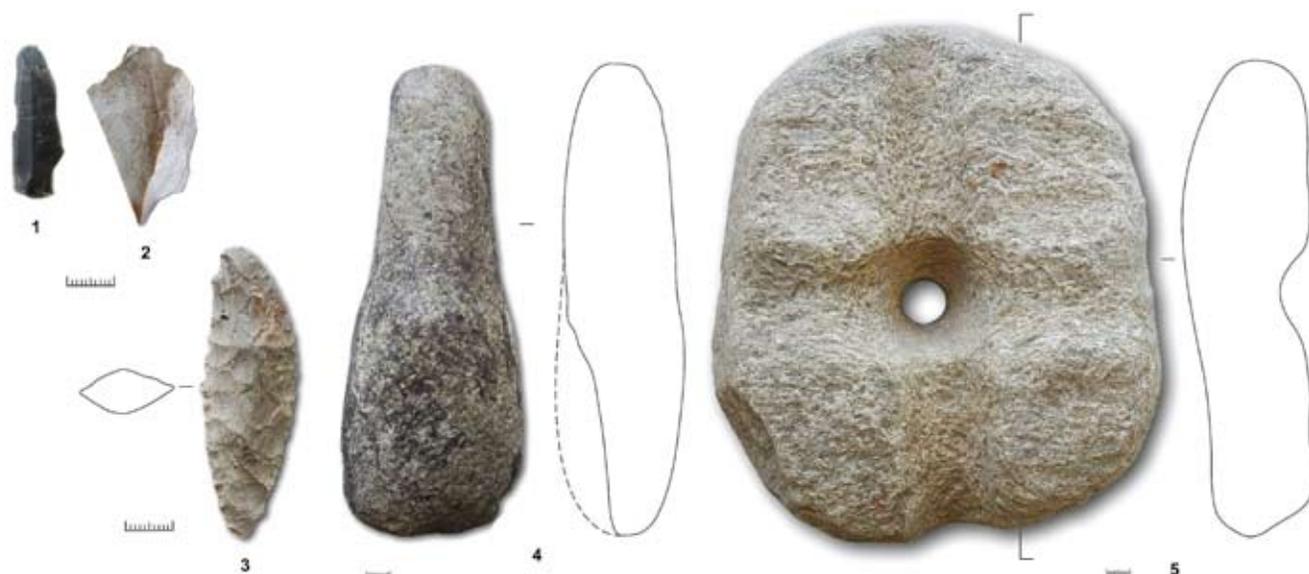
Ил. 12. **Городище Няксимволь.** Изделия из кости: 1 – наконечник остроги; 2–3 – накладки на концевые части лука; 4 – стержень вертлюга; 5–10 – наконечники стрел. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 13. Городище Няксимволь. Изделия из кости: 1 – фрагмент ложки; 2 – игольница (?); 3 – часть орнаментированного изделия; 4 – деталь упряжи. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 14. Городище Няксимволь. Изделия из кости: 1 – кость с изображением антропоморфа; 2 – гребень. Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 15. **Городище Няксимволь**. Изделия из камня: 1 – пластина с ретушью; 2 – отщеп; 3 – бифас (нож); 4 – пест с выделенной рукоятью; 5 – грузило для рыболовной сети. *Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)*

бражением птиц, животных и свастик, а также гравированное на трубчатой кости крупного млекопитающего изображение антропоморфа (ил.14). Последнее стилистически соответствует канонам нижеобской изобразительной традиции, уже достаточно хорошо известной по художественной металлопластике и художественным гравировкам на бронзовых зеркалах⁴².

Изделия из камня представлены как индивидуальными предметами (бифас, песты, грузила), так и точильными камнями/абразивами, пластинами и отщепами с ретушью и без ретуши, сырьём и отходами камнеобработки (гальки, плитки, ядрища/нуклеусы, сколы шлифованных орудий и ребристые сколы) (ил. 15)⁴³.

Остеологические материалы представлены костными остатками промысловых животных (лось, бобр, соболь, заяц, белка) и нескольких видов рыб (карповые, щука, нельма). Найдены также кости собаки и северного оленя.

Наиболее близкие аналогии материалы городища Няксимволь 1 находят в инвентаре святилища Усть-Полуй⁴⁴.

Сегодня, учитывая полученные результаты раскопок, очевидно, что спасательные работы на памятнике необходимо продолжать.

⁴² Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. – Томск: ГалаПресс, 2002; Фёдорова Н.В., Гусев А.В. Древнее святилище... – С. 83 (рис. 17–1).

⁴³ Погодин А.А. Отчёт по результатам типологического и трасологического анализа каменных предметов городища Няксимволь 1. – Екатеринбург, 2011. – Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Без №.

⁴⁴ Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012.

Хронология Няксимволя

Ю.В. Ширин

Одними из первых хронологическую характеристику материалов, собранных на городище Няксимволь, предложили В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. Они включили Няксимволь в число памятников усть-полуйской культуры эпохи раннего железа, выделенной ими для Нижнего Приобья в рамках IV в. до н. э. – II в.¹

Акцентирование внимания на наиболее ранних аналогиях материалам памятников, отнесённых к усть-полуйской культуре, способствовало тому, что хронологические рамки существования этой культуры, первоначально определённые В.Н. Чернецовым относительно широко, были сужены В.И. Мошинской до V–III вв. до н. э.² В частности, из материалов Няксимволя к V–III вв. до н. э. были отнесены: бронзовая прямоугольная поясная накладка с орнаментом из двух полос зубчиков, бронзовый трёхлопастной наконечник с выступающей втулкой³, а также две серебряные с позолотой орнаментированные обкладки фаларов. Для наконечника стрелы из Няксимволя, в числе прочих наконечников усть-полуйской культуры, были указаны аналогии в ананьинских материалах, а серебряным обкладкам – среди находок скифского времени Горного Алтая⁴. К этому же периоду был отнесён и няксимвольский перстень с петлисто-зерневым орнаментом на щитке, аналогичный усть-полуйскому. При этом В.Н. Чернецов высказал мнение, что петлисто-зерневая орнаментация «совершенно исчезает на бронзовых поделках уже в пределах I–II веков нашей эры»⁵. В этом утверждении, в частности, выразилось отрицательное отношение В.Н. Чернецова к предложенной М.П. Грязновым датировке фоминских комплексов Верхнего

¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 149; Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 116.

² Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1965. – Вып. ДЗ-8. – С. 8, 41.

³ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 35–36, 42.

⁴ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 34, 43.

⁵ Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 227.

Приобья, где были изделия с петлито-зерневым орнаментом⁶.

В дальнейшем к уточнению хронологии коллекций из Няксимволя практически не обращались, разве только пересматривали датировку отдельных находок. Так, М.Б. Щукиным фалары из Няксимволя причислены к группе фаларов греко-бактрийского типа и датированы среднесарматским временем⁷, к I в. до н.э. – началу I в. н.э. их отнесла и Н.В. Фёдорова⁸. В музейных публикациях коллекций из Няксимволя сохраняется датировка В.Н. Чернецова с незначительными модификациями⁹. В одной из работ высказано мнение, что «... комплекс из Няксимволя по датирующим предметам – культовому литью, бронзовым трёхлопастным втульчатым наконечникам стрел, кельтам, бронзовым украшениям, керамике и др. – предварительно можно поместить в пределы IV в. до н.э. – III в.»¹⁰. Данный тезис не раскрыт и ничем не конкретизирован. В ряде музейных каталогов, вышедших за последние годы, относительная неопределённость хронологического места металлопластики из Няксимволя нашла отражение в широких рамках предложенной для них датировки – кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс.¹¹

По результатам охранных раскопок памятника Няксимволь 1, проведенных в 2003, 2007 гг., руководителем раскопок Д.О. Стародумовым выделено несколько хронологических комплексов:

- неолит – энеолит (IV тыс. до н.э. – нач. III тыс. до н.э.);
- ранний железный век (IV–II вв. до н.э. – I в.) – основной комплекс находок;
- Средневековье (?) (III–IV – нач. VI в.)¹².

Действительно, так же как и эпонимный для усть-полуйской культуры памятник, городище Няксимволь содержит разновременные, в том числе и раннесредневековые, комплексы. Часто от внимания исследователей ускользает то, что в наиболее полной публикации материалов усть-полуйской культуры, подготовленной В.И. Мошинской для «Свода археологических источников», учтены далеко не все находки с городища Няксимволь¹³. Сложно сказать, связано ли это с тем, что коллекции поступали в разные и зачастую труднодоступные музейные хранилища. Возможно, что на отсутствие в «Своде» заведомо поздних материалов Няксимволя повлияла хронологическая нацеленность издания на усть-полуйскую культуру. Также нельзя исключать и того, что в такой избирательности прямо или косвенно отразилась дискуссия В.Н. Чернецова и М.П. Грязнова по принципиальному вопросу отнесения усть-полуйских комплексов к эпохе раннего железа или Средневековья.

Заниженная хронология, предложенная Д.О. Стародумовым для комплекса раннего железа, судя по всему, вызвана соответствующими датами, полученными в результате радиоуглеродного анализа¹⁴, а также очевидными

⁶ Подробнее об этой дискуссии и её итогах см.: Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – С. 9–13. Этапы трансформации культурно-хронологической канвы усть-полуйской проблематики также рассмотрены в работах: Чиндина Л.А. Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 38–43; Чемякин Ю.П. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – С. 201–203.

⁷ Щукин М.Б. От Индии до Ламанша. О фаларах греко-бактрийского типа, сарматах, кимврах и политике Митридата Евпатора // Античная цивилизация и варварский мир (Тез. докл. IV археологического семинара). – Новочеркасск: [б.и.], 1994. – С. 14.

⁸ Фёдорова Н.В. Импортное серебро в Западной Сибири // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1985. – С. 126. Впрочем, ссылка, сделанная Н.В. Фёдоровой на В.И. Мошинскую, не объясняет происхождение указанной датировки.

⁹ Панина С.Н. Древние сокровища Няксимволя [Буклет]. – Екатеринбург, 2001; Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 98–103.

¹⁰ Приступа О.И. Графические рисунки на металлических дисках из Ханты-Мансийского и Берёзовского музеев // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 96.

¹¹ Художественная пластика железного века Западной Сибири и Урала. Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 6.

¹² Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – Вып. 10. – С. 147.

¹³ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 42, 85–87 (табл. 19–21).

¹⁴ Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ... – С. 151.

Ил. 1. **Городище Няксимволь.** Бронзовый кельт.
Берёзовский районный краеведческий музей

Ил. 2. **Городище Няксимволь.** Бронзовый кельт.
Берёзовский районный краеведческий музей

аналогиями с материалами Усть-Полуя, которые в последних публикациях настойчиво датируются рубежом эр¹⁵.

Типы бронзовой пластики, найденной на Няксимволе, также весьма разнообразны и, соответственно, принадлежат разным эпохам и культурным комплексам этого памятника. Но возможности для её датировки всё ещё ограничены. Весьма проблематично для этого использовать и типолого-хронологические схемы эволюции культового литья, разработанные в западносибирской археологии. И не только потому, что такой подход грешит чрезмерным абсолютизированием тех или иных предварительных выводов без глубокого стилистического анализа и критики источников, а, прежде всего, из-за слабой изученности культового литья Северного Зауралья, обладающего заметным своеобразием. Для того чтобы высказывать те или иные суждения о воз-

можных хронологических группах в бронзовой пластике из Няксимволя, можно обратиться к иным изделиям из собранных на этом памятнике коллекций. При этом мы рассмотрим далеко не все находки, а только те из них, для которых имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют предложить какую-либо хронологическую интерпретацию.

Перечислим эти изделия от наиболее древних, как мы полагаем, к более поздним.

На городище Няксимволь найдено несколько бронзовых кельтов (ил. 1–5)¹⁶. Они относятся к так называемому тобольскому типу (IV группа по В.Н. Чернецову)¹⁷. В.Н. Чернецов предложил для данного типа кельтов период в пределах не ранее III в. до н. э. – I в.¹⁸ Основанием для такой датировки послужили находки кельтов тобольского типа на Усть-Полуе и в кургане на Чувашском

¹⁵ **Фёдорова Н.В.** Усть-Полуй: I век до н.э. // Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – С. 5–7.

¹⁶ Ещё два бронзовых кельта шестигранного поперечного сечения, помимо известных по музейным коллекциям и представленных на этих страницах, известны по устному сообщению А.П. Зыкова. В 1991 г. они были обнаружены им у частных лиц в п. Няксимволе и схематично зарисованы. Судьба этих находок нам не известна. Судя по рисунку, один из кельтов имеет «уши» на втулке и вертикальные подтреугольные отверстия. Втулка другого кельта имеет ровный срез и дефекты отливки на плоскости.

¹⁷ **Чернецов В.Н.** Опыт типологии западносибирских кельтов // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – Вып. XVI. – С. 73–75; **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени... – С. 122.

¹⁸ **Чернецов В.Н.** Опыт типологии западносибирских кельтов... – С. 75.

Ил. 3. **Городище Няксимволь.** Бронзовый кельт.
Берёзовский районный краеведческий музей

Ил. 4. **Городище Няксимволь.** Бронзовый кельт.
Берёзовский районный краеведческий музей

мысу¹⁹. В силу того, что хронология усть-полуйской культуры, предложенная В.Н. Чернецовым, оспаривалась рядом исследователей, для датировки кельтов тобольского типа потребовались иные хронологические ориентиры. И они были предложены Т.Н. Троицкой по результатам исследования кулайских могильников Новосибирского Приобья. Кельты из Няксимволя предварительно могут быть отнесены ко времени, близкому к периоду формирования комплексов Ордынского могильника, – второму этапу кулайской культуры Новосибирского Приобья по Т.Н. Троицкой (I в. до н. э. – I в.), где найдены однотипные изделия. Кельты ордынского варианта тобольского типа по технологии изготовления отличаются от более ранних кельтов этого же типа, известных в могильнике Каменный Мыс. У них выступают вверх боковые грани втулки (по терминологии В.Н. Чернецова — «уши»), что связано с особым способом крепления литейной шишки. При изготовлении

более ранних бронзовых кельтов тобольского типа, подобных тем, которые найдены в кулайском могильнике Каменный Мыс (первый этап кулайской культуры Новосибирского Приобья), литейная шишка крепилась иначе²⁰. В итоге формировался горизонтальный срез втулки, который, впрочем, часто получался неровным из-за некачественных отливок.

Характер декоративного оформления плоскостей кельтов из Няксимволя позволяет разделить их на две группы. Большая часть из них (ил. 1–4), несмотря на наличие «ушей», имеют орнамент, типичный для относительно более ранних кельтов, – например, представленных в комплексах могильника Каменный Мыс²¹.

Только один кельт из Няксимволя (ил. 5) может быть синхронизирован с комплексами относительно более позднего Ордынского могильника. Две группы кельтов из Няксимволя различаются и характером отверстий, оставшихся на плоскостях втулки штифтами при фикса-

¹⁹ **Мошинская В.И.** Городище и курганы Потчеваш // *Материалы и исслед. по археологии СССР.* – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 201 (рис. 3).

²⁰ **Дураков И.А.** В.Н. Чернецов о сибирских бронзовых кельтах раннего железного века // *Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири.* – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – С. 65.

²¹ **Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 86. Табл. X.

ции литейной шишки. У кельтов с более ранними признаками в орнаментации крепёжные отверстия имеют вид двух треугольников, удлинённых по продольной оси кельта и обращённых коротким основанием друг к другу. У няксимвольского кельта с ордынским типом орнамента крепёжные отверстия поперечные, подпрямоугольные, щелевидные (по три на каждой плоскости). О том, что кельтам со щелевидными поперечными пещерками предшествуют кельты с двумя треугольными отверстиями или вертикальной ромбической пещеркой, также можно судить по находкам двух кельтов на кулайском городище Балинское 7²². Весьма вероятно, что между этими двумя кельтами нет большого хронологического разрыва. Один из них отлит по технологии, оставляющей горизонтальный срез втулки, и на его щечках остались одинарные подквадратные пещерки. На втором, где из-за некачественной отливки характер формовки втулки остался неявным, пещерки на щечках вертикальные, ромбические.

О бытовании в Нижнем Приобье бронзовых кельтов с «ушами» на втулке в комплексах рубежа эр свидетельствует находка на Усть-Полуе деревянной рукоятки этого орудия. Она извлечена из заполнения рва, который, по мнению авторов раскопок, был выкопан во второй четверти I в. до н. э.²³ Такие кельты встречаются и в комплексах первых веков н. э. Например, он присутствует в материалах Нивагальского культового комплекса²⁴. Можно предполагать, что в течение II в. бронзовые кельты уже полностью вытесняются железными орудиями.

Наконечники стрел в коллекциях из Няксимволя представлены несколькими типами – как костяными, так и бронзовыми²⁵. Если признать, что некоторые из бронзовых трёхлопастных наконечников могут быть подработанными бракованными отливками, то количество типов сокращается. Все бронзовые наконечники можно разде-

Ил. 5. Городище Няксимволь. Бронзовый кельт. Археологический музей Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

лить на два варианта – с выступающей и скрытой втулкой, с незначительными размерными и морфологическими модификациями. Разница в размерах и форме в основном вызвана степенью сработанности острия и жальцев в результате заточки, а также качеством литья и сохранностью. Предполагаемая датировка для данных типов стрел не исключает их бытования в лесной зоне Западной Сибири до первых веков н. э.²⁶ Среди поздних признаков таких наконечников стрел, присущих и няксимвольским, Л.А. Чиндина называет ромбическое сечение жальцев²⁷, не характерное для стрел более раннего этапа.

²² Баранов М.Ю. Работы Балинского отряда на Приобском месторождении нефти // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2008. – Вып. 6. – С. 167 (ил. 1–1).

²³ Гусев А.В. Деревянная рукоятка кельта с древнего святилища Усть-Полуй // Переходные эпохи в археологии: материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2013. С. 62–64.

²⁴ Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2011. – Вып. 9. – С. 104–105 (ил. 23).

²⁵ Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь... – С. 100 (рис. 1–а, в); Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ... – С. 140 (ил. 4–15–18).

²⁶ Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. – С. 144.

²⁷ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 107.

Пряжка с неподвижным крючком, круглая, щитковая, с одной крепёжной кнопкой, с двумя прорезями (у крючка и у кнопки); рамка украшена псевдошнуром; на щитке по оси – рельефная косичка (ил. 6). Подобные пряжки в группе пряжек Прикамья с неподвижным крючком I–II вв. отнесены к наиболее поздним²⁸.

Круглые бронзовые бляшки с небольшим выступом в центре, оконтуренным по кругу валиком (ил. 7), стилистически совпадают с изделиями из Прикамья первых веков н. э. – щитками эполетообразных застёжек и т. п. К этим же бляшкам, судя по сходству оформления центра, примыкает и круглая бронзовая бляшка с радиальными вырезами (ил. 8). В Прикамье такие бляшки известны от рубежа эр до VI–VII вв.²⁹, но по типу крепёжных петель бляха из Няксимволя ближе к бляхам II–V вв.³⁰ Она украшена стилизованными медвежьими головами того

Ил. 6. Городище Няксимволь. Бронзовая пряжка. Берёзовский районный краеведческий музей

же типа, что на щитке перстня из Красноярского могильника³¹ и на изделиях других восточноевропейских памятников (в группах погребений I–II вв.)³².

Обломки зеркал из Няксимволя представлены несколькими малоинформативными фрагментами, в которых можно угадывать те или иные изделия, известные как зеркала сарматских типов. Стилистика и сюжеты гравировок, нанесённые на некоторых обломках зеркал из Няксимволя, а также на отдельных круглых бляшках (ил. 9), позволяют привлечь для их датировки опыт хронологического анализа других культовых комплексов Нижнего Приобья, где встречены стилистически сходные гравированные и иные изображения культового характера. Прежде всего, в качестве аналогий рассмотрим те комплексы, где стилистическое сходство гравировок позволяет предполагать даже их единое авторство, то есть относительную синхронизацию.

Ил. 7. Городище Няксимволь. Бронзовые бляшки. Свердловский областной краеведческий музей

²⁸ **Голдина Р.Д., Краснопёров А.А.** Конструктивная и хронологическая классификации материалов Ныргындинского I могильника II–III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – Т. 25. – С. 27.

²⁹ **Лещинская Н.А.** Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – С. 117 (рис. 17–16).

³⁰ **Лещинская Н.А.** Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – С. 113 (рис. 13–4).

³¹ **Казанцева О.А.** Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1995. – С. 164 (рис. 2–8).

³² **Лещинская Н.А.** Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2012. – Т. 25. – С. 342 (рис. 3–9).

Один из стилистически наиболее близких комплексов гравировок отмечен на изделиях из Усть-Полуя³³. На этом памятнике найдены и иные культовые изделия в сходной стилистике – из рога, камня и бронзы. Ещё один комплекс гравировок, полностью идентичный няксимвольским и усть-полуяским, представлен на бронзовых зеркалах из Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск)³⁴. Для гравированных зеркал из этой известной коллекции была предложена широкая дата (II в. до н. э. – II в.) с опорой на сарматские аналогии³⁵. Т.Г. Казанцева и Ю.П. Чемякин также отметили, что большинство гравированных изображений эпохи раннего железа в таёжной зоне Западной Сибири связано с позднекулайскими комплексами³⁶. Вполне вероятно, что в Нижнем Приобье зеркала так называемого сарматского типа (среднеазиатского производства?) могли появиться в результате активизации южноуральских позднесарматских групп на рубеже II–III вв. Зеркала и металлические бляхи, аналогичные нижнеобским типам, известны во многих культовых комплексах на юге Западной Сибири, которые датируются не ранее указанного времени (Истяцкий клад, Томский могильник, Ишимский клад, Елькаевский клад). Однако надо иметь в виду: исследователи Средней Азии, где в ремесленных центрах был

Ил. 8. Городище Няксимволь. Бронзовая бляшка. Свердловский областной краеведческий музей

Ил. 9. Городище Няксимволь. Бронзовый диск с гравировками. Свердловский областной краеведческий музей

³³ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуяского времени... – С. 137 (табл. VI–1–3).

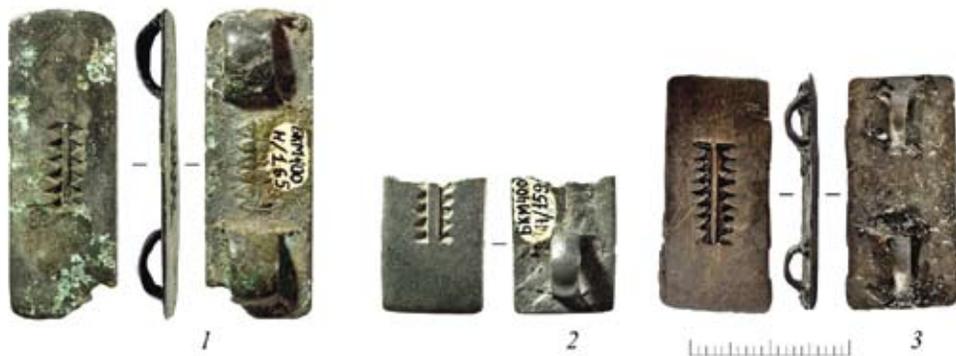
³⁴ Некоторые исследователи не исключают, что все эти зеркала (или большая их часть) были найдены на одном памятнике р. Ляпина, Северной Сосьвы или Казыма. (Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. – Томск: Гала-Пресс, 2002. – С. 12). До настоящего времени единственным претендентом на такое место остается Няксимволь. Мы полагаем, что именно на него и намекают авторы.

³⁵ Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность... – С. 13–17.

³⁶ Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Фёдоровича Генинга. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – С. 109.

Ил. 10. Городище Няксимволь. Бронзовые накладки. Берёзовский районный краеведческий музей

налажен выпуск бронзовых зеркал для экспорта, отмечают долгую, на протяжении многих столетий, сохранность морфологических и технологических признаков некоторых типов зеркал. Выпуск этой продукции продолжался вплоть до середины I тыс., и в качестве самостоятельного датирующего явления применительно к северо-таёжным памятникам бронзовые зеркала использовать не следует³⁷.

Возможности хронологического анализа гравировок няксимвольского типа расширяют известные в Северном Зауралье бронзовые культовые отливки, стилистически сходные по сочетанию признаков (вытянутые лица, носогубные складки и т. д.) с гравировками, например, из Лозьвинского клада³⁸. Несмотря на то, что проблему датировки это не решает, совокупность косвенных наблюдений позволяет полагать, что гравировки няксимвольского типа среди гравировок позднекулайского времени в регионе их бытования – наиболее поздние. Предположительно, эту стилистику можно связывать с распространением комплексов ярсалинского типа. Единичные

находки из Сургутского Приобья бронзовых блях с гравировками этого стиля позволяют рассматривать этот регион как их восточную периферию.

В коллекциях из Няксимволя есть несколько типов бронзовых накладок, которые преимущественно использовались в качестве поясных. Три из них – прямоугольные (одна представлена обломком), с зубчатым орнаментом (ил. 10). Такие накладки с двумя петлями на обороте типичны для памятников Прикамья эпохи раннего железа (I–II вв.)³⁹. Но они встречаются и немного позднее – во II–III вв.⁴⁰ Накладки подобного типа характерны для чегандинских памятников (Удмуртия, Башкирия). Например, они есть в могильнике III Кушулевский (Башкирия), датированном авторами I в. до н. э. – II–III вв.⁴¹, в могильнике Чеганда II (Удмуртия), который Б.Б. Агеев, подтвердив мнение В.Ф. Генинга о четырёх стадиях существования могильника, датировал в интервале от конца II в. до н. э. до II в.⁴² Есть они и в могильниках Нырғында I (Удмуртия)⁴³ и в Уяндыкском I (низовья р. Белой, левый берег)⁴⁴. Последний А.Х. Пшеничнюком

³⁷ Левина А.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. – М.: ИФ «Восточная литература», 1996. – С. 237.

³⁸ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... – С. 158–159 (табл. XV–XVI).

³⁹ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху. Ч. I: Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / Тр. Уральской археологической экспедиции. – Т. 4. // Вопросы археологии Урала. – Ижевск; Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1970. – Вып. 10. – Вкл. между с. 92 и 93 (рис. 20–101).

⁴⁰ Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Изд-во Удмуртского. ун-та, 1988. – С. 46 (рис. 2–24), 50 (рис. 4–11); Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника... – С. 163 (рис. 1–32); Голдина Р.Д., Краснопёров А.А. Конструктивная и хронологическая классификация материалов Нырғындынского I могильника... – С. 330 (табл. 43–11).

⁴¹ Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьаноборской культуры в Башкирии. – Уфа: [б.и.], 1985. – Рис. 2–18.

⁴² Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II // Сов. археология. – М.: Наука, 1976. – №3. – С. 66.

⁴³ Голдина Р.Д., Краснопёров А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме // Материалы и исслед. Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2012. – Т. 22. – С. 293 (табл. 209–15, 16).

⁴⁴ Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьаноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1986. – С. 35 (рис. 6–16).

Ил. 11. **Городище Няксимволь.**
Бронзовая накладка. Берёзовский
районный краеведческий музей

датируется III–II вв. до н. э., возможно, некоторые могилы появились в I в. до н. э., но В.Ф. Генинг датировал могильник II в. н. э.⁴⁵ В Юдашевском могильнике погребения с такими накладками датированы III в. до н. э. – I в.⁴⁶ В Ново-Сосыкульском могильнике, содержащем две хронологические группы могил (I–III вв. и VI–IX вв.), накладки с треугольниками встречены в ранней группе погребений⁴⁷.

Датировка найденных вне комплексов накладок с двумя рядами вдавленных треугольников осложняется наличием сходных типов и в комплексах, дата которых значительно ранее рубежа эр. Так, О.А. Казанцева, рассматривая аналогии накладкам с зубчатым декором из Красноярского могильника I–III вв., перечислила ряд находок в комплексах с более ранней хронологией: «Единичные находки подобных накладок встречены в Ленинском кургане прохоровской культуры (Мошкова М.Г., 1963, табл. 32, рис. 8), в кургане Кадырово IV в Месягутовской лесостепи IV–III вв. до н. э. (Савельев Н.С., 2007, с. 247, рис. 34–15), в Ананьинском (Збруева А.В., 1952, с. 78), Старшем Ахмыловском (Патрушев В.С., 1984, с. 229, 236, 244, 263) могильниках. В коллекциях Гляденовского и Юго-Камского городищ бронзовые

пластинчатые накладки Ю.А. Поляков относит к среднему этапу функционирования гляденовской культуры (Поляков Ю.А., 1980, с. 89, табл. 82)⁴⁸.

Ещё один тип накладок представлен трёхчастной пластиной с четырьмя выпуклостями на среднем продольном поле и двумя глухими гладкими по бокам. Вдоль длинных сторон гладких зон нанесены канты псевдозерни. Накладка с четырьмя петлями на обороте настолько тонкостенная, что несколько выпуклых бляшек на её среднем поле в результате длительного использования изделия протёрлись насквозь (ил. 11). Этот тип накладок представлен многочисленными недокументированными находками по всему Нижнему Приобью и Лесному Зауралью. Ближайшие датированные аналогии известны в материалах погребения 1 нижнеобского могильника Шеркалы IX, где было найдено несколько таких же тонкостенных накладок – одна целая и два обломка⁴⁹. Напомним, что, кроме погребений по обряду ингумации (№ 1–3), на площади Шеркалы IX были исследованы так называемые погребения-жертвенники (№ I–III), которые рассматриваются Л.А. Чиндиной как относительно более ранние в пределах предложенной для могильника общей датировки – I–III вв.⁵⁰ С учётом

⁴⁵ Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху... – С. 58.

⁴⁶ Пшеничнюк А.Х. Юдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1986. – С. 50, 64, 73. Рис. 4–14, 11–20.

⁴⁷ Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сосыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1986. – С. 102, 121. Рис. 7–14, 15.

⁴⁸ Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского I могильника I–V вв. в бассейне р. Тулвы // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2012. – Т. 25. – С. 59.

⁴⁹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... – С. 229 (рис. 23–6, 7).

⁵⁰ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... – С. 51–56.

Ил. 12. Городище Няксимволь. Бронзовая обойма. Берёзовский районный краеведческий музей

Ил. 13. Городище Няксимволь. Фрагмент бронзовой накладки. Берёзовский районный краеведческий музей

всей совокупности известных аналогий⁵¹ погребения-жертвенники на памятнике Шеркалы IX вряд ли более ранние, чем исследованные здесь же погребения по обряду ингумации, для которых, в свою очередь, может быть предложена дата не ранее II в. В Шеркалинском могильнике найдена и бронзовая орнаментированная обойма, стилистически близкая к обойме из Няксимволя (ил. 12). Есть определённое декоративное сходство у этой няксимвольской обоймы и с поясной накладкой из погребения 8 в кургане 2 могильника Абатский 3⁵². Это погребение может быть датировано в пределах второй четверти I тыс.

Прямоугольная ажурная бронзовая накладка с сюжетным изображением и с кантом по периметру в виде полосы, орнаментированной уточками, представлена фрагментом – уголком, в котором уцелела голова человека в профиль (ил. 13). Подобные сюжетные накладки с двумя или тремя персонажами относительно не редкая находка в Лесном Зауралье и Западной Сибири. Но, к сожалению, почти все они представлены недокументированными, внекомплексными находками. Сами накладки могут значительно отличаться по стилю и исполнению, что не исключает и хронологических различий между ними. Обычно изображённые фигуры статичны (как на бляхах из могильника Барсовский VII и Прыговский 2⁵³), но встречаются и весьма динамичные композиции. Ближе всего по стилю к обломку накладки из Няксимволя из более или менее надёжно датированных аналогий можно назвать фрагмент накладки из Нивагальского культурного комплекса⁵⁴.

Серьги или височные кольца представлены двумя вариантами. Один – легко узнаваемый, не смотря на сильную деформацию – в виде разомкнутого проволочного кольца с верхушкой в форме трубочки, спирально свёрнутой из расклёпанного конца проволоки (ил. 14–2). В могильниках на юге Пермского края и в бассейне Вятки они входили в комплексы III в.⁵⁵ Этому типу височников (серег) есть аналоги и в памятниках лесостепной зоны Западной Сибири, где они относятся к III–V вв. и встречаются немного позже.

Второй вариант височных колец представлен фрагментированным изделием с почти полной утратой крючка. Сохранилась только верхушка в виде литой орнаментированной пластины, из трубчатой части

⁵¹ Ширин Ю.В. Хронологические аспекты концепции Обь-Иртышской историко-культурной общности эпохи раннего железа // II Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 430.

⁵² Матвеева Н.П. Погребения середины I тыс. н. э. в Пришимье // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. – Вып. 2. – С. 120 (рис. 4–6).

⁵³ Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 106; Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2010. – №2. – С. 71.

⁵⁴ Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века... – С. 87 (ил. 5).

⁵⁵ Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2012. – Т. 25. – С. 347 (рис. 8–4–6).

Ил. 14. Городище Няксимволь. Бронзовые серьги (височные кольца) и стеклянные бусы. 1, 2, 4 – Берёзовский районный краеведческий музей; 3 – Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

которой выходила влитая проволока крючка (ил. 14–1). Известно несколько конструктивно аналогичных изделий, но с разными формами литых верхушек. К сожалению, почти все они найдены в ненадёжно датированных комплексах, к тому же не исключающих их смешанного состава. Тем не менее велика вероятность, что данные височные кольца следует связывать с позднекулайским периодом. Несколько таких височников известны в культурных комплексах городища Барсов Городок 1/9⁵⁶.

Диаметр кольца у этого типа височников значительно больше, чем у изделий с витой трубкой, – до 8 см. Типологически они могут быть связаны с проволочными височ-

ными кольцами близкого диаметра, но с верхушками в виде плотно закрученной плоской спирали. Два таких серебряных височника найдены в Барсовском III могильнике⁵⁷, ещё два, но уже золотых, – в комплексе Нивагальское⁵⁸. Датировка этих комплексов при всей её неопределённости тяготеет к первым векам н. э. Можно предполагать, что височники с плоской спиралью или синхронны височникам с прилитой верхушкой, или им предшествуют.

Определённый интерес представляют и находки единичных изделий, в которых можно видеть отломившиеся, а прежде прилитые верхушки позднекулайских височных колец. Одна из них есть в материалах Айда-

⁵⁶ **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – С. 193 (рис. 87–16, 25); **Ширин Ю.В., Яковлев Я.А.** Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 41 (ил. 35; 36).

⁵⁷ **Борзунов В.А., Зыков А.П.** Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 109. Рис. 2–3, 4; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность... – С. 189 (рис. 83–5, 2).

⁵⁸ **Карачаров К.Г.** Комплекс предметов раннего железного века... – С. 86 (ил. 4–2).

Ил. 15. Бронзовая серьга (височное кольцо). Недокументированная находка из таёжного Приобья

шинской пещеры⁵⁹. Петлисто-зерновой узор, покрывающий пластину, позволяет ожидать находки височников такого типа и в материалах фоминской культуры этого региона, в бронзовом литье которой петлисто-зерновой узор – обычный декоративный элемент. И действительно, в одном из погребений фоминского могильника Усть-Абинский есть проволочное височное кольцо сходного диаметра, но без верхушки⁶⁰. Кроме того, в сборах из разрушенных погребений здесь был найден зооморфный щиток с забитым окислами трубчатым верхом, который был интерпретирован как вариант пронизки⁶¹. Конструкция и размеры этого щитка позволяют видеть

в нём обломившуюся верхушку височного кольца рассматриваемого типа. Если это так, то усть-абинская находка даёт весьма важную хронологическую опору для определения периода бытования проволочных височных колец с прилитой верхушкой. Усть-Абинский могильник датирован рубежом II-III – III вв.

Ещё несколько зооморфных верхушек, как прилитых к проволочным кольцам, так и отделённых от них, известны среди недокументированных находок из Лесного Зауралья, Северного Урала и Прикамья (ил. 15, 16). Аналогичная ажурная крестообразная верхушка есть в материалах Усть-Полюя. Стиль этих изделий не исключает, что проволочные височники с прилитыми верхушками могли доживать и до середины I тыс. В раннем Сред-

Ил. 16. Бронзовые верхушки височных колец (?). Недокументированная находка из таёжного Приобья (ХМАО)

невековье данный тип височных колец, видимо, выходит из употребления. Няксимвольский височник по декору его верхушки в виде «уточек» можно отнести к группе позднекулайского времени.

На городище Няксимволь найдены серебряные обкладки фаларов с тиснёным узором и участками позолоты (ил. 17, 19). Они сильно повреждены, смяты, есть разрывы и утраты. При реставрации обкладки были исправлены, но при этом расплющены для закрепления на тканевой основе. В результате диаметр изделий сейчас немного больше, чем был диаметр объёмных фаларов. Впрочем, судя по незначительным разрывам у расплю-

⁵⁹ Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 150 (табл. VI–5).

⁶⁰ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э... – С. 227 (табл. LXIII–2).

⁶¹ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э... – С. 221 (табл. LVII–3).

Ил. 17. Городище Няксимволь. Серебряная обкладка фалара. Свердловский областной краеведческий музей

ценных обкладок, фалары не были сильно выпуклыми. Диаметр большей накладки в настоящее время 15,2 см, меньшей 12,9 см. Фалары таких размеров (диаметром около 12 см) могут соответствовать типам упряжи нескольких хронологических групп – от рубежа эр до раннего Средневековья⁶². По характеру торевики няксимвольские фалары предложено относить к кругу изделий среднеазиатских центров⁶³. Исследователи отмечают, что к середине I тыс. украшение упряжи фаларами подобных типов у кочевников прекращается⁶⁴.

Для хронологической характеристики обкладок большое значение могли бы иметь конструктивные особенности самих фаларов, их крепёжных петель, говорящих об устройстве упряжи. Из-за отсутствия этих важных признаков, на которых строятся все основные типологии фаларов, свои выводы мы – так же, как и наши предшественники, – можем основывать лишь на анализе декоративных особенностей изделий. При распрямлении тонких листов обкладок рельефный узор на их лицевой поверхности на многих участках был искажён

⁶² **Мордвинцева В.И.** Классификация фаларов конской упряжи 3 в. до н. э. – нач. 2 в. н. э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // *Античная цивилизация и варварский мир. (Материалы 6-го археологического семинара).* – Краснодар: [б.и.], 1998. – Ч. 1. – С. 62; **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... – С. 134–136.

⁶³ **Щукин М.Б.** От Индии до Ламанша... – С. 14–15.

⁶⁴ **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... – С. 136.

Ил.18. **Городище Няксимволь.** Серебряная обкладка фалара. Центральная часть.
Свердловский областной краеведческий музей

и на прорисовках при их первых публикациях мог быть передан с ошибками. Заподозрив это, мы организовали макросъёмку и целенаправленный осмотр изделий, что позволило подтвердить наши опасения и частично уточнить характер узоров⁶⁵. К сожалению, это удалось сделать лишь частично, поскольку в настоящее время обкладки фаларов установлены в стационарной экспозиции Свердловского областного краеведческого музея, что затруднило работу.

Однако кое-что выяснить всё же удалось. На обкладке меньшего диаметра (ил. 18) выпуклым лепесткам центральной шестилучевой розетки немного изменили форму, а в их центрах появились ранее не существовавшие углубления. От «жемчужинки» в центре розетки осталась половинка, остальная часть расплющена. Сильно изменился кольцевой шнуровой кант вокруг розетки, а также орнамент кольцевого бордюра по кромке обкладки. Установлено, что шнуровой кант состоял не из одного псевдошнура, как показано на опубликованной прорисовке⁶⁶, а из двух, с противоположным наклоном косой насечки, образующей «косичку». Орнаментальный бордюр по краю фалара, изнутри обрамлённый

псевдошнуром, на большей его части расплющен. Сохранились только два небольших участка, но и по ним удалось установить, что в опубликованной прорисовке этого узора допущены существенные отклонения.

На опубликованной прорисовке во внешнем кольцевом бордюре изображён мотив непрерывной «набегающей волны». На самом деле, на этом бордюре выдавлен более сложный узор. Он построен из двух рядов дискретных завитков, которые тоже можно воспринимать как мотив волн, где каждый завиток передает отдельный гребень волны – точнее, двух волн в движении вправо. Основания этих двух рядов волн прижаты к противоположным сторонам бордюра – к внутренней, обрамлённой псевдошнуром, и к внешней, ограниченной ныне слишком сплюснутым гладким валиком.

Сами завитки сейчас выглядят не такими закрученными, как на опубликованной прорисовке. Гребни (завитки) двух разных волн выстроены в шахматном порядке. При этом завитки внутренней волны проработаны более чётко (и они более длинные), а внешние оформлены, как будто, проще (и короче). Последние напоминают «басовый ключ» или зеркальный знак во-

⁶⁵ Уточняющий осмотр серебряных накладок фаларов из Няксимволя в экспозиции Свердловского областного краеведческого музея по нашей просьбе сделал В.А. Борзунов, за что приносим ему нашу искреннюю благодарность. Также мы благодарны заведующей отделом археологии и этнографии указанного музея С.Н. Паниной за оказанную помощь и содействие в этой работе.

⁶⁶ **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 43 (рис. 16).

Ил. 19. **Городище Няксимволь.** Серебряная с позолотой обкладка фалара. Свердловский областной краеведческий музей

проса. Такой вариант декора известен не только в искусстве Средней Азии, где встречается вплоть до раннего Средневековья⁶⁷, но и на изделиях Северной Европы и Южной Швеции (например, на рамках пряжек V в.⁶⁸).

На одном участке удалось разглядеть, что между завитками соседних волн имеются две короткие параллельные насечки. Если это так, то данный узор может представлять схематичную передачу совсем иного мотива — «вьющуюся лозу».

Декоративные особенности более крупной из серебряных обкладок также требуют уточнения. Из-за сильной деформации этого фалара ранее ошибочно считалось, что его

Ил. 20. **Городище Няксимволь.** Серебряная с позолотой обкладка фалара. Центральная часть. Свердловский областной краеведческий музей

⁶⁷ **Шишкин В.А.** Варахша // Сов. археология. – М.: Наука, 1955. – № XXIII. – С. 116 (рис. 10); **Воронина В.Л.** Архитектурный орнамент древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Рис. 1-а; 4-в.

⁶⁸ **Franzén R.** The image of Loki from Proosa in Estonia: a migration period high status buckle with an elevated circular fastening plate in the light of similar buckles recovered in Scandinavia // Fennoscandia archaeological. – Helsinki, 2009. – XXVI – Fig. 3.

Ил. 21. Городище Няксимволь.
Навершие рукояти железного ножа.
Свердловский областной краевед-
ческий музей

центр гладкий, что и передано в опубликованной прорисовке⁶⁹. Но при знакомстве с предметом можно увидеть: в центральном поле, окаймлённом широким рубчатým кантом, сохранились рельеф в форме глаза, нос и рот личины (ил. 20). Она сходна с образами, известными на тиснёных бляшках в уздечных наборах V–VI вв. из восточноевропейских степей и Южного Урала⁷⁰. Прочие декоративные элементы этого фалара также известны в указанных комплексах – заполнение выпуклыми пуансонными точками внутреннего пространства геометрических фигур и выдавленный вафельный узор в крупную клетку. Вафельный узор на золотой фольге из погребений гуннского времени в Восточной Европе известен только в наиболее ранних комплексах – например, таких, как Печь-Усег⁷¹ и Нодьсекшош⁷². Декор седельной обкладки из Печь-Усег отнесён к финалу IV – первой половине V в.⁷³. Всех этих наблюдений, конечно же, недостаточно для окончательного заключения по датировке обкладок фаларов из Няксимволя, но они не исключают возможность отнесения их и к финалу позднесарматской эпохи.

Сломанное железное навершие рукояти ножа из Няксимволя в виде противопоставленных парных волут (ил. 21) имеет аналогии в Холмогорской коллекции и в ряде хронологически близких к ней комплексов Западной Сибири и Лесного Зауралья второй четверти I тыс.⁷⁴

Перстни представлены двумя вариантами одного типа – литыми, с овальным щитком, удлинённым вдоль фаланги (ил. 22). Щитки украшены геометрическими узорами, элементы которых известны на изделиях из бронзы и кости усть-полуийских и кулайских памятников. Несколько перстней этого типа найдено на Усть-Полуе; известны они и среди недокументированных находок, что ничего не добавляет к возможности датировки их появления. Кроме петлисто-зернового и иных криволи-

Ил. 22. Городище Няксимволь. Бронзовые перстни.
Свердловский областной краеведческий музей

⁶⁹ Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири... – С. 43 (рис. 17).

⁷⁰ Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб.: [б.и.], 1994. – Вкл. между С. 192 и 193 (табл. 6–3, 4; 31–5; 35–9; рис. 25–42, 43, 45, 46).

⁷¹ Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // Acta Archaeologica Hungaricae. – Budapest, 1932. – Bd. IX. – Taf. IV–14; V–5, 8.

⁷² Fettich N. La trouvaille de tombe princière hunnique a Szeged-Nagyseksos // Archaeologia Hungarica. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953. – Т. XXXII. – Pl. XIV.

⁷³ Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жёстких сёдел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Труды ГИМ. – Вып. 191: Евразия в скифо-сарматское время. – М.: ГИМ, 2012. – С. 35.

⁷⁴ Ширин Ю.В. К атрибуции одной находки из Национального археологического музея в Варшаве // Stratum plus. – Кишинёв, 2014. – №4. – С. 183–185.

нейных узоров, на нескольких усть-полуйских перстнях этого типа встречены изображения головы медведя с передними лапами⁷⁵.

Сходные по форме перстни – с крупными, вытянутыми вдоль фаланги щитками, но с иными декоративными особенностями (обычно ажурные) – встречаются в Прикамье, где датируются I–II вв.⁷⁶ Вполне вероятна связь прикамских перстней этого типа с изделиями престижного круга на севере Европы, где в первых веках н. э. известны перстни близкой конструкции – с крупными щитками, вытянутыми вдоль фаланги пальца⁷⁷. Впрочем, конструктивные, технологические и декоративные различия прикамских и западносибирских перстней настолько значительны, что не позволяют рассматривать их в качестве хронологически близких аналогий. Хотя эволюционно-типологическая их связь не исключена.

Два перстня, аналогичных усть-полуйским и няксимвольским, найдены в Печорском Приполярье, в могильнике на оз. Пожем-ты⁷⁸. На основании радиоуглеродного датирования комплексы отнесены к первым векам н. э. (не исключая III в.). К сожалению, маловыразительный инвентарь из погребений этого могильника не уточняет хронологию памятника. Впрочем, наличие в этих комплексах керамики бичевнического типа позволяет предполагать, что он возник не ранее второй

четверти I тыс. Декоративные особенности многих перстней с овальными щитками из Нижнего Приобья и Северного Зауралья не исключают вероятность появления этого типа изделий именно в это время, но уверенности в этом нет. Нельзя обойти вниманием и то, что перстни этого типа с теми же декоративными признаками известны в серии раннесредневековых могильников Западной и Южной Сибири. Комплексы, в которых они найдены, датируются V–VIII вв.⁷⁹ Можно отметить только то, что чем к более позднему времени относится комплекс, тем мельче и тоньше входящие в него перстни. Один из наиболее ранних перстней из хорошо датируемых раннесредневековых погребальных комплексов известен в материалах карымского могильника Красноярка IV на правом берегу р. Иртыша в районе устья р. Ишима⁸⁰. Но комплекс, с которым связана эта находка, не древнее позднего V в., а, вероятнее всего, должен датироваться ранним VI в.

В коллекциях Няксимволя есть несколько стеклянных бусин. Понимая всю ненадёжность визуальных аналогий при датировке бус, тем более представленных единичными находками, отметим, что синие бусы с бело-красными глазками (ил. 14–4) и бусины с жёлтыми и зелёными пятнами (ил. 14–3) на тёмном фоне встречаются в раннесредневековых комплексах Прикамья⁸¹.

⁷⁵ **Гусев А.В., Фёдорова Н.В.** Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012. – С. 54 (рис. 32–17, 18).

⁷⁶ **Лещинская Н.А.** Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – С. 105 (рис. 5–10).

⁷⁷ **Håkon Reiersen.** Status Rings as Indicators of Centres in Western Norway in the Late Roman Iron Age // *Arkæologi i Slesvig / Archæologie in Schleswig. Sonderband «Det 61. Internationale Sachsensymposium 2010»*, – Haderslev, Danmark. Neumünster, 2011. – P. 157–170.

⁷⁸ **Селезнёва О.М., Васкул И.О.** Новые данные об этнокультурных связях населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа // *Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии*. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2004. – Вып. 1. – С. 54–55.

⁷⁹ **Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. – Рис. 30–2; **Троицкая Т.Н.** Красный Яр-I – памятник позднего железного века // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 105 (рис. 4–7); **Беликова О.Б., Плетнёва Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – С. 177 (рис. 42–6); **Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б. и др.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – С. 89 (рис. 23–5); **Бобров В.В.** Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеде (Кузнецкая котловина) // *Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции*. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – С. 209 (рис. 1–14).

⁸⁰ **Грачёв М.А., Грачёва О.Е., Данченко Е.М. и др.** Новый карымский могильник в южно-таёжном Прииртышье // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 239–240.

⁸¹ **Голдина Е.В.** О датировке бус Бартымского I селища и Бартымского I могильника // *Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция*. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – Т. 25. – Рис. 7, тип VIIb1a; **Голдина Е.В.** Хронология бус могильников неволинской культуры // *Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция*. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – Т. 25. – Рис. 2–7.

Ил. 23. Городище Няксимволь. Бронзовая застёжка. Свердловский областной краеведческий музей

Одна из бронзовых застёжек, найденных в Няксимволе, имеет вид кольца с петлёй на внутренней кромке и гроздьями из трёх шариков по внешней (ил. 23). Она обнаруживает многочисленные аналогии в Прикамье, где подобные вещи появляются в раннесредневековых комплексах VI–VII вв.⁸² В Зауралье сходные застёжки известны в материалах Перейминского могильника на Андреевском озере, датированного В.А. Могильниковым VII–VIII вв.⁸³

Случайный характер основных сборов на городище Няксимволь, обстоятельства которых зачастую никак не фиксировались, не позволяет со всей определённости разделять находки с этого памятника на хронологически взаимосвязанные группы. В этой связи некоторую помощь может оказать то обстоятельство, что при определении хронологии комплексов, полученных в результате исследования поселений (открытых комплексов), не

менее важным, чем обнаружение датированных аналогий, является выяснение соотношения этих предметов с массовыми материалами данного памятника. Нередко внимательный анализ хронологических особенностей массового материала, в частности керамики, позволяет по-иному отнестись к датирующим свойствам единичных находок. В ряде случаев может быть предложена как группировка поселенческих материалов на отдельные хронологические комплексы, так и широкая хронология для всей совокупности находок. Нельзя исключать и того, что датированные предметы могут не иметь связи с каким-либо из керамических комплексов городища.

Керамический материал из Няксимволя В.И. Мошинская вначале типологически разделила на две группы, сближая их со второй и третьей группами керамики, выделенными ею при классификации керамической коллекции городища Усть-Полуй⁸⁴. Позднее она же от-

⁸² **Смирнов А.П.** Железный век Башкирии // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58. – С. 51 (табл. VI–6–9); **Мажитов Н.А.** Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1981. – (Сер. «Археология СССР с древнейших времён до Средневековья»). – С. 115 (рис. 12–65), 116 (рис. 13–52); **Лещинская Н.А.** Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – С. 115 (рис. 15–5); **Лещинская Н.А.** К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н. э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск: ИД «Удмуртский ун-т», 2002. – С. 60 (рис. 6А–12).

⁸³ **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. – С. 168 (табл. XIII–12, 13); **Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – (Сер. «Археология СССР с древнейших времён до Средневековья»). – С. 167.

⁸⁴ **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры... – С. 116.

метила, что в керамике городища Няксимволь присутствуют все три группы керамики усть-полуёйской культуры⁸⁵. Эти группы керамики В.И. Мошинская считала хронологически последовательными, что в дальнейшем не подтвердилось. Более того, 1-я группа керамики была отнесена к раннему Средневековью.

К сожалению, лишь единицы памятников Северного Зауралья исследованы археологами и подвергались раскопкам крупными площадями. Эти памятники обычно содержат смешанные, разновременные комплексы. Памятники данного региона в силу территориально обусловленных особенностей преобладающих контактов крайне сложно соотносить и друг с другом. Всё это объективно затрудняет культурно-хронологическую характеристику археологических комплексов таёжного Зауралья. Примером может служить расположенное несколько южнее поселение Туманское I, исследованное В.Д. Викторовой в 1962 г.⁸⁶ Раскопки данного поселения позволили получить инвентарные комплексы, сходные с материалами как городища Няксимволь, так и городища Усть-Полуй. Отмеченное сходство комплексов особенно наглядно выражено в изделиях из кости⁸⁷. В то же время керамические комплексы поселения Туманское I обладают рядом своеобразных признаков, вызванных близостью южно-таёжных культур Зауралья и Прииртышья.

Для установления хронологического соотношения предметных комплексов Усть-Полуя и Няксимволя заслуживает внимания результат анализа взаимовстречаемости керамических и предметных комплексов на многослойном поселении Туманское I. Понято, что в силу открытого характера поселенческих комплексов установление такого соответствия не может быть абсолют-

но точным, но выявленные тенденции также очень показательны. В.Д. Викторовой на поселении Туманское I выделено несколько групп керамики эпохи железа. Синдейский и туманский типы относятся к эпохе раннего железа, тынский, молчановский и ряд других – позднего (VI–VIII вв.).

По мнению В.Д. Викторовой, синдейский тип керамики присутствует на городище Няксимволь и на Усть-Полуе (в составе второй группы керамики)⁸⁸. Характерная особенность орнамента синдейской керамики – парные оттиски – невольно вызывает ассоциации с парными композициями, часто встречающимися в ранней культовой пластике Няксимволя. Как считают В.Д. Викторова и В.С. Морозов, синдейский тип керамики в IV–V вв. сменяется туманским, который бытует до VI в.⁸⁹ Следует отметить, что в туманском типе керамики присутствуют признаки керамических комплексов Нижнего Приобья как ярсалинского, так и карымского этапов. Датировка ярсалинских и карымских комплексов и их роль в культурогенезе таёжного Приобья и Прииртышья – весьма актуальные темы, всё чаще привлекающие внимание исследователей, но раскрываемые пока только на уровне рабочих гипотез⁹⁰. Признание наличия определённых ярсалинских керамических традиций в карымских материалах позволяет ожидать, что карымские комплексы вряд ли древнее IV в. Впрочем, предлагаемая нижняя хронологическая граница для карымских комплексов пока условна. Она всецело зависит от позиции исследователей по верхней хронологии предшествующих комплексов соответствующих территорий. Для карымских материалов можно отметить одну интересную особенность. При всей очевидности, что истоки этой культурной традиции можно

⁸⁵ Мошинская В.И. Археологические памятники... – С. 24.

⁸⁶ Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костице // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 126–153.

⁸⁷ Алексашенко Н.А. Изделия из кости и рога Туманского I селища // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 153–166.

⁸⁸ Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костице... – С. 136.

⁸⁹ Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 176.

⁹⁰ Чемякин Ю.П. О ярсалинском этапе в древней истории таёжного Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. – № 3. – С. 314–318; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таёжного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – Вып. 10. – С. 155–216; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таёжного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. – №1. – С. 34–46.

найти в материалах IV в. и даже более ранних периодов, почти все известные карымские погребальные памятники тяготеют к поздней части хронологического интервала отводимого для этого этапа – к V–VI вв., а некоторые даже к VII в. Возможно, исключением является Ипкульский могильник, некоторые комплексы которого могут быть наиболее ранними среди карымских погребений⁹¹.

Таким образом, даже без учета древнейшего поселенческого комплекса, выявленного на городище Няксимволь в ходе охранных раскопок, в коллекциях этого памятника можно выделить несколько хронологических групп инвентаря. Одна группа (меньшая часть коллекций) объединяет раннесредневековые изделия и не менее двух групп, видимо, не только хронологически, но и культурно разнородных, могут быть выделены для эпохи раннего железа. При этом некоторые типы предметов из Няксимволя могут иметь широкие хронологические рамки бытования. Они могут быть включены как в один из ранних комплексов, так и в наиболее поздний.

⁹¹ **Чикунова И.Ю.** Металлические изделия Ипкульского могильника // Вопросы истории Сибири. – Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2014. – Вып. 9. – С. 105–110.

Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций

В.Д. Викторова

Есть на Северном и Среднем Урале участки, где сходятся верховья европейских и азиатских рек. В таких местах проходят пути ежегодных кочёвок лосей через хребет, и с древних времён эти тропы были освоены охотниками. По ним же шли потоки миграций и устанавливались связи между народами двух континентов. Такой была Северная дорога между территориями, где сходятся истоки Волги (Камы, Вишеры), Северной Двины (Вычегды), Печоры – с одной стороны Урала, и верховья обских притоков Туры, Тавды (Южной Сосьвы, Лозьвы, Пельма), Конды и Северной Сосьвы – с другой. Широтная дорога разветвлялась в меридиональном направлении вплоть до бассейна Исети.

Следы миграций и связей древнего населения на Северной дороге нашли своё отражение в смешении артефактов различных культур на памятниках эпох камня и раннего металла¹. Дорога продолжала использоваться и в последующие эпохи. В данной работе разговор пойдёт о месте памятника Няксимволь на Северной дороге в культурогенезе эпохи раннего железного века.

По описанию В.И. Мошинской² городище Няксимволь расположено на мысу левого берега реки Северной Сосьвы в её верхнем течении. Автор приводит сведения о многочисленных раскопках на памятнике, начиная с 1930 г., А.К. Трапезниковым, Ф.С. Рогалиным, В.Н.Чернецовым. В последние годы раскопки на памятнике проводили исследователи из Уральского госуниверситета и Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск)³.

Раскопки городища исследователями из разных учреждений стали причиной того, что полученные коллекции теперь хранятся в разных музейных хранилищах: Свердловском областном краеведческом музее, Уральском федеральном университете, Музее антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург), в музеях Ханты-Мансийска, п. Берёзова (ХМАО – Югра) и г. Североуральска (Свердловская обл.).

¹ **Викторова В.Д.** Северная дорога контактов и миграций // Научный вестник. – Салехард: [б.и.], 2005. – Вып. 4: Обдорья: история, культура, современность. – С. 19–30.

² **Мошинская В.И.** Археологические памятники Северо-Западной Сибири // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1965. – Вып. Д3-8. – С. 19.

³ **Стародумов Д.О.** Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 137–154.

Отправными точками рассуждения будут материалы Гляденовского костыща, Сопляского клада, Туманского святилища, из кладов Лозьвинского и Вуграсян-Вад, с городищ Няксимволь и Усть-Полуй. С европейской стороны – это памятники гляденовской культуры, с азиатской – синдейской и кулайской. В одной из последних работ Ю.П. Чемякин отнёс комплексы с памятников синдейского типа к кулайской культурно-исторической общности начала саровского этапа⁴.

Для кулайской культурно-исторической общности характерна триада: керамика, орнаментированная штампом «уточка», культовое литьё и оружие. На сосудах Среднего Приобья преобладают и в различной степени варьируются гребенчатый и фигурные штампы в виде «уточки» и «птички». К сожалению, столь тщательного анализа керамики с памятников усть-полуйского варианта кулайской культуры на сегодняшний день нет. Тип 3 (или А), выделенный В.И. Мошинской, оказался не однородным⁵.

Своя триада – керамика, металлопластика, оружие – характерна и для гляденовской культурно-исторической общности. Ю.А. Поляков, проанализировав керамические комплексы шести племенных образований культурно-исторической общности, определил, что в них, за исключением тулвинской группы, преобладает резной (насечковый) способ орнаментации с различной степенью сочетания со шнуровым, гребенчатым и ямочным⁶. Отметим, что на керамике 7-го (северного) варианта насечки весьма часто расположены попарно⁷.

Составляют ли памятники Северного Зауралья синдейского типа самостоятельное культурное образование или являются вариантом кулайской культуры?

Наиболее представительны комплексы этого типа с городища Тыня I и святилища Туманского, где их количество с каждого памятника превышает 100 экз. В основной своей массе керамика отличается как от гляденовской, так и от кулайской посуды по двум существенным признакам. Первый из них – профилировка сосудов. У сосудов синдейского типа плоские венчики, прямая или даже иногда вогнутая шейка, чётко переходящая в округлое тулово и нередко образующая ребро на внутренней стороне ёмкости.

Второй существенный признак – декоративный. Это орнаментальная композиция по шейке, состоящая из двух горизонтальных поясков, между которыми расположены узоры или пояска ямочек.

И морфологические, и орнаментальные особенности сосудов – это следы заимствования у пришлого из Среднего Зауралья населения кашинской культуры (потомков иткульских металлургов). Более того, на обоих памятниках есть от 13 до 15 процентов керамики кашинского типа⁸.

Новациями на фоне этих сосудов являются элементы традиционной местной орнаментации, выраженные в замене окаймляющих гребенчатых поясков штампованными отрезками или отпечатками шнура и узоров между этими поясками двоянных отпечатков фигурных штампов в виде «змейки», «птички» или череды ямочек⁹.

Вторая, значительно меньшая группа сосудов декорирована насечками и неглубокими ямочками с плоским дном¹⁰. Её происхождение можно связать с гляденовским кругом находок. Тем более что с керамикой северного варианта этих памятников перекликается такой приём, как двоянные насечки. Этот же приём использовался и

⁴ **Чемякин Ю.П.** Кулайская культурно-историческая общность // II Северный Археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 380.

⁵ **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 107–120; **Мошинская В.И.** Археологические памятники Северо-Западной Сибири...

⁶ **Поляков Ю.А.** Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники: тип. Купца Тарасова, 2001. – Вып. 1. – С. 10–19.

⁷ **Васкул И.О., Холопов М.И.** Поселение-святилище первой половины I тыс. н. э. Мьелдино на верхней Вычегде (по материалам раскопок 1999–2001 гг.) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: Изд-во КомиНЦ УрО РАН, 2005. – Вып.17: Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – С. 34–46. Рис. 3–5.

⁸ **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 126–153. Рис. 6–6, 7.

⁹ **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костыще... – С. 132 (рис. 5–2), 133 (рис. 6–3, 5, 8, 10).

¹⁰ **Викторова В.Д., Морозов В.М.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 173–192. Рис. 1–2; **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костыще... – С.132 (рис. 5–4), С. 133 (рис. 6–4).

при декорировании сосудов отпечатками «змейки» и «птички»¹¹.

Что касается «уточек», то она на синдейских памятниках совсем другая, нежели штампованные отпечатки на кулайских сосудах. Композицию по шейке составляют фигуры, нанесённые тремя перпендикулярно расположенными оттисками гребенчатого штампа между двумя горизонтальными поясками¹².

И вряд ли следует искать аналоги этим «уточкам» в Западной Сибири. Традиция изображать вполне узнаваемых водоплавающих на сосудах аятской и липчинской культур, а также писаницах зародилась у населения Среднего Зауралья ещё в эпоху энеолита. Она продолжала бытовать на сосудах коптяковской культуры эпохи бронзы, но изображение постепенно схематизировалось в «уточку». На сосудах гамаюнской культуры череду «уточек» помещали по перегибу шейки вместо традиционных ямочек.

Керамика синдейского типа распространилась по всей Северной дороге от Печоры¹³ до Конды¹⁴ и Ляпина¹⁵. Отдельные фрагменты сосудов синдейской культуры есть и на Нижней Оби (в составе типа 3 по В.И. Мошинской)¹⁶. В целом именно этот тип последующими авторами обозначен как кулайский. В своё время В.И. Мошинская к этому типу отнесла 20,5 % керамики с городища Няксимволь¹⁷.

Стратиграфия залегания керамики с городища Няксимволь позволяет установить, что в его нижних горизонтах находилась керамика синдейского типа (13 сосудов), орнаментированная ямочками между двумя рядами гребенчатых или шнуровых оттисков. Среди них в единственном экземпляре встречен сосуд, декорированный попарно расположенными отпечатками «уточек».

Основная масса нестратифицированных находок с городища, хранящаяся в различных музеях, представлена фрагментами 143 сосудов. В результате статистическо-

го анализа выявилась следующая картина: гребенчатым штампом орнаментировано почти 50 % сосудов, фигурными («змейка», «уточка», «птичка») – 22 %, насечками – 12 %, шнуровым способом – 10 %, только ямочками – 6 %. Основная часть сосудов украшена простыми узорами – горизонтальными оттисками и поясками косо нанесённых отпечатков гребенчатого штампа или таким же образом расположенными насечками. Реже встречается горизонтальный или вертикальный зигзаг, ещё реже – сложные узоры, спускающиеся от шейки до середины тулова.

Рассмотрим две группы керамики с точки зрения композиции.

Первая группа имеет два варианта размещения узоров. К первому варианту принадлежат 20 % сосудов, орнаментированных двоякими фигурами отпечатков гребенчатого штампа, насечек фигурных штампов в виде «змейки» и, особо отметим, в виде «уточек» и «птичек» (ил. 1). Вспомним, что этот принцип декорирования характерен только для керамики северной группы гляденовской культуры и для сосудов синдейского типа. Второй вариант композиций, составляющий 10 %, также принадлежит сосудам синдейского типа. Это ямочки, расположенные между двумя рядами гребенчатых (7 экз.), шнуровых (4 экз.) или змеевидных (4 экз.) оттисков.

Непосредственно ко второй (кулайской) группе можно отнести сосуды, орнаментированные горизонтальными поясками отпечатков «уточек» и креста, а также фрагменты, декорированные гребенчатым штампом в виде шахматного узора и проташенной волной. В сумме они составляют 12 %. Но, может быть, к этому комплексу принадлежит и какая-то часть керамики, орнаментированная простыми узорами гребенчатого штампа.

Стратиграфические показатели как на Конде, так и на Северной Сосьве свидетельствуют о том, что синдей-

¹¹ **Викторова В.Д.** Туманское 1 поселение, святилище, костыще... – С. 129 (рис. 1–3).

¹² **Викторова В.Д.** Туманское 1 поселение, святилище, костыще... – С. 129 (рис. 1–6).

¹³ **Канивец В.И.** Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – Рис. 25–2, 3, 4.

¹⁴ **Каменский С.Ю.** Разведка в окрестностях г. Урай и р. Евра в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 387; **Каменский С.Ю., Жирных Е.А.** Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 168–178. Рис. 1–2, 4, 6.

¹⁵ **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культывые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 167 (рис. 114), 169 (рис. 115), 170 (рис. 116).

¹⁶ **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры... – С. 109 (табл. II–2–5, 11).

¹⁷ **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры... – С. 24.

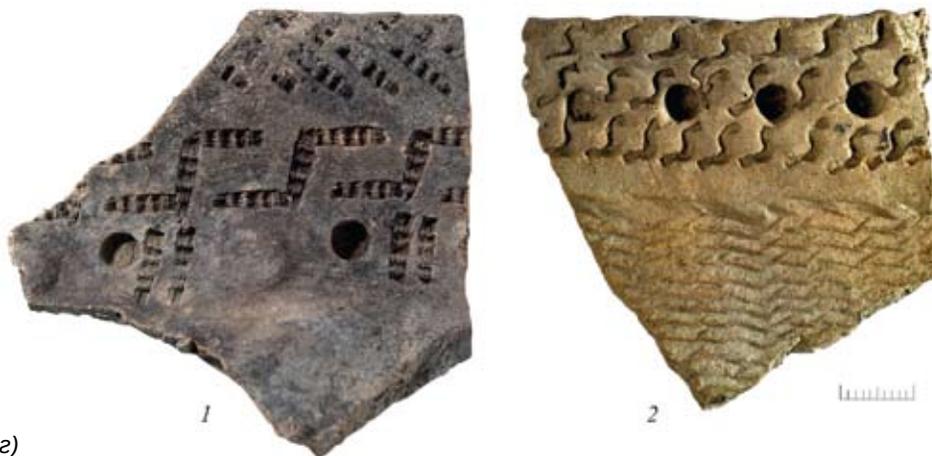

Ил. 1. Городище

Няксимволь. Фрагменты керамической посуды.

1 – Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск);

2 – Археологический музей Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

ский комплекс принадлежит к более раннему периоду строительства городищ, а кулайская керамика появилась на них позднее.

По поводу такого широкого распространения керамики синдейской культуры на памятниках Северного пути можно предложить следующую версию. Носители этой культуры были потомками металлургов Иткульско-го металлургического центра, вобравшими более чем полуторатысячелетний опыт металлургического производства. Так что вполне могли установиться обширные связи по обмену производственным опытом. Но не исключены и миграции отдельных кланов металлургов к северо-востоку.

Культурная многокомпонентность, фиксируемая на сосудах синдейской культуры как Зауралья, так и из бассейна Северной Сосьвы, могла быть связана с трансуральским пушным путём с севера Западной Сибири до Прикамья и дальше на юг, в мир степных кочевников.

Вторая часть триады кулайской культуры – металлопластика. Следует отметить, что действительно в культовых металлических фигурках и гравировках Северного Урала и Западной Сибири раннего железного века есть общие черты. Они проявляются в технологии: более ранние предметы изготавливались небрежно (на них сохранились заусеницы, излишки металла от литника), позднее абрис изделия дополнительно обрабатывался, поверхность полировалась. Временная разница наблю-

дается и в передаче деталей образа. Как правило, в ранний период они наносились в виде невысокого и узкого валика, а вот позднее появились фигурки, выполненные в высоком рельефе и включившие в себя детали в виде узких желобков, псевдошнуров и перлов.

Рассмотрение специфических черт металлопластики и гравировки изделий с Северной дороги начнём с антропоморфных изображений, которые представлены в виде фигур и личин.

Антропоморфные фигуры первого типа переданы в позе стоящих. По абрису фигур остались заусеницы. Над головами одиннадцати изображений из Лозьвинского клада¹⁸, пяти фигурок из сборов Н.А. Гондатти с Вишеры¹⁹ и трёх предметов с Северного Урала²⁰ размещены фигуры сов или филинов. У наиболее проработанных отливок заметна трёхпалость рук и ног. Детали как антропоморфных изображений, так и птиц переданы узкими валиками. На непропорционально вытянутых лицах видны дуговидные или косо расходящиеся брови. От них отходит длинный валик носа с косо спустившимися складками щёк. Глаза и рот обозначены кружками или овалами. Широкие торсы, декорированные ребрами «в ёлочку» или косо заштрихованной полосой, создают ощущение силы мужских особей. Кажется бы, что четыре фигурки с тонким, как прут, телом могли принадлежать женщинам, но у изображений с Северного Урала чётко обозначена принадлежность к мужскому полу.

¹⁸ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 158 (табл. XV-1-7), 159 (табл. XVI-1-4).

¹⁹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... – С. 161 (табл. XVIII-1-5).

²⁰ Прошлое Урала в фотографиях: каталог фотоархива Ин-та истории материальной культуры РАН. – Екатеринбург: Виролл ЛТД, 1993. – Раздел II. С. 127 (фото 1).

К этой же группе находок относится композиция из двоянных антропоморфных фигур со святилища Черёмухово 2 (бассейн Южной Сосьвы). Над фигурами возвышается изображение филина или ушастой совы. Лики антропоморфов в два раза длиннее остальной части тела. У них три круглых глаза (один – общий для двух персонажей), два длинных носа, два круглых рта, три видимых руки, четыре ноги. Детали головы птицы – два круглых глаза, круглый рот²¹.

Антропоморфный персонаж с Туманского святилища (бассейн Лозьвы) над головой имеет две профильные фигурки боровых или водоплавающих птиц. У вытянутой личины от изогнутых бровей спускается вниз длинный нос, переходящий в щёчные линии; круглые, рядом поставленные глаза; овальный рот. Руки ластообразные (крылья?)²². У второй фигуры – плоско срезанный затылок, длинный нос, хорошо выраженные щёки и круглый рот, но плохо удавшиеся при отливке глаза. Личина завершается бородой. Рёбра, руки и ноги моделированы волнистыми линиями²³.

Территория распространения находок антропоморфных фигур первого типа ограничена верховьями р. Тавды, что совпадает с основной локализацией синдейской культуры, но, похоже, распространение пластики первого типа было несколько шире ареала населения синдейской культуры. Как уже было сказано выше, западнее подобные фигурки известны с Вишеры. Восточнее найдены зеркала с гравировками, хранящиеся ныне в Музее природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Гравировки, в которых В.Н. Чернецов видел мифологических предков, иконографически сопоставимы с металлопластикой. У них такие же удлинённые лики с овальными глазами, сопряжёнными с длинным носом (он переходит в изгибы щёк), круглые рты, трёхпалые руки. Над головами персонажей возвышаются фигуры или головы хищной птицы, медведя или символ дерева.

Ил. 2. Городище Няксимволь. Бронзовая орнаментированная пластина. Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.)

В отличие от этих мужских фигур филины с головы до ног облачены в «маскарадные костюмы»²⁴.

Если соотнести с антропоморфами первого типа человекообразных персонажей в масках с головами животных на боках «шагающих» медведей и на лбу маски из Няксимволя, то граница этого типа фигур распространится до припечорского региона²⁵. На боках двух медведей из Усть-Полуя фигуры изображены в виде хоровода антропоморфов, взявшихся за руки²⁶. На лбу личины и на боках медведей из Няксимволя и Канинской пещеры согнутые фигуры следуют одна за другой. Маски зооморфных изображений более или менее читаемы на боках двух последних зверей: это головы копытного, пушного и птицевидного.

В кулайской бронзовой пластике есть антропоморфные фигуры, над головами которых изображены птицы, головы птиц или растения²⁷. Но, во-первых, они переданы совсем в ином – скелетном – стиле и без ног. Также для них характерно иное (Т-образное) расположение бровей и носа, не соблюдается канон вытянутой личины.

²¹ Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – Вып. 4. – Рис. на обложке; Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 177, 318–319.

²² Викторова В.Д. Туманское 1 поселение, святилище, костнице... – С. 146 (рис.15–11).

²³ Викторова В.Д. Туманское 1 поселение, святилище, костнице... – С. 146 (рис.15–12).

²⁴ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуяского времени... – С. 155 (табл. XIII–1, 2), 157 (табл. XIV–2, 4).

²⁵ Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 158–173.

²⁶ Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – С. 17 (кат. № 16), 22 (кат. № 31).

²⁷ Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 15 (рис. 3), 16 (рис. 4), 17 (рис. 5).

Ил. 3. **Городище Няксимволь.** Бронзовые нашивки.

1 – Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск); 2–4 – Берёзовский районный краеведческий музей

Во второй тип выделены сидячие антропоморфные персонажи с тремя лучами над головой. Две более крупные фигуры изготовлены небрежно, с заусеницами по абрису; три фигуры меньших размеров отлиты более тщательно. Персонажи сидят с согнутыми коленями и согнутыми в локтях поднятыми вверх трёхпальными руками. От фигур первого типа они отличаются ещё и тем, что их головы не вытянуты, а почти пропорциональны, имеют овальную или подтреугольную форму. А вот моделировка деталей аналогична фигурам первого типа: брови, если они есть, изогнуты, круглые глаза близко поставлены. От носа отходит линия щек, рот круглый, на туловище обозначены рёбра, ниже которых в виде кружков отмечены пупки. Все фигуры мужские.

Сразу же обратим внимание на то, что у этих пяти фигур, обнаруженных В.Н. Чернецовым на севере Урала, вместе с тремя изображениями первого типа и профильной фигурой бобра²⁸ нет никаких параллелей в кулайском литье. Зато есть прямой аналог – фигурка из Сопляского клада бассейна Печоры (здесь же найдены ещё четыре трёхрогие личины, а также коллекция Ваэра с девятью такими же трёхрогими личинами). Но об этом ниже.

Появление фигур с тремя лучами может быть связано с миграцией какой-то группы населения в Северное

Зауралье. По этому поводу можно предположить следующую гипотезу. Как уже было сказано выше, наиболее значительной была миграция населения кашинской культуры. В символах фигур – трёх лучах – можно усмотреть преемственность с многолучевыми²⁹ и даже трёхлучевыми³⁰ навершиями над антропоморфными изображениями с памятников, оставленных предками населения кашинской культуры – металлургами Иткульского очага. Идея трёхлучевого образа позднее была разработана населением бассейна Печоры. И вряд ли для этих изображений (как и большего числа находок Сопляского клада) будет справедливой столь поздняя дата – VI–VIII вв.³¹ Для пластики VII–VIII вв. на Печоре (Ухтинский и Троицко-Печорский клады) и в тундровом святилище Хэйбидя-Пэдар характерен пермский звериный стиль. На этом (следующем) этапе развития образа фигура с трёхлучевым навершием (правда, профильная) тоже изображена в сидячей позе³². Есть изображения людей в полный рост с подобным нимбом³³, а также профильные личины (скальпы?), приносимые в жертву³⁴.

В третий тип выделены антропоморфные изображения с укороченным телом; их иногда относят к личинам – настолько непропорционально велика их голова по отношению к туловищу. У фигуры с горы Лубной

²⁸ Прошлое Урала в фотографиях... – Раздел II. С. 127 (фото 1).

²⁹ Викторова В.Д. Клады на вершинах гор... – С. 27 (рис. 27–1, 2), 161 (рис. 28–1, 4), 167 (рис. 31–7).

³⁰ Викторова В.Д. Клады на вершинах гор... – С. 161 (рис. 28–6).

³¹ Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 43.

³² Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. – СПб., 1906. – Т. 8. Вып. 1. – № 106.

³³ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 102 (рис. 151).

³⁴ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 96 (рис. 104).

(Среднее Зауралье) плоско срезан верх головы, на лице Т-образное соотношение бровей и длинного носа. У неё короткие ноги и руки в виде округлых выступов³⁵. С р. Конды есть одиночное и парное антропоморфные изображения. У одиночной фигуры верхнюю часть приотсрэнной головы горизонтально пересекают три валика, нос длинный, глаза и рот круглые. Хорошо выделены короткое туловище, руки и ноги. У изображения двух сидячих антропоморфов по лбу проходят две горизонтальные линии, от которых под прямым углом вниз спускается длинный нос. Глаза и рот круглые. Руки и туловище короткие, ноги раздвинуты в позе «шагата»³⁶.

Следующий пункт подобных находок – Усть-Полуй. В отличие от предыдущих антропоморфов, у которых детали схематично переданы узкими валиками, изображения с этого святилища изготовлены более реалистично и в более высоком рельефе³⁷. У одного из них овальной формы лицо, над головой хохолок из полосок (шапочка? нимб? волосы?), изогнутые брови, большие глаза с выделенными зрачками, хорошо выраженный пропорциональный нос, рельефно выделенные щёки, толстые губы. От короткого туловища выступают отходят условно переданные конечности. Вторая фигура изготовлена менее тщательно, над её головой видна ушастая личина с «улыбающимся» ртом³⁸.

Для кулайской пластики такие изображения не характерны. Есть только антропоморфные фигуры без

ног, с руками, поднятыми вверх³⁹ или опущенными вниз⁴⁰ от квадратных плеч.

Личины раннего железного века делятся на два типа, приуроченных к памятникам двух разных районов. Первый район – лесная полоса Западной Сибири, включая бассейн р. Северной Сосьвы⁴¹. В верховьях р. Тавды, Конды, Туры они пока неизвестны.

Кулайские личины, как правило, изогнуты в профиле, их внешняя поверхность нередко обработана до лощения, детали лица разнообразятся и почти всегда изготовлены высоким рельефом, верх головы приотсрэнный (шлем?), плоский или с завершением в виде диадемы или фигур птиц⁴².

Ко второму типу относятся личины с западной стороны Северной дороги. В бассейне р. Печоры известны три личины из Сопляского клада и десять – из коллекции Ваэра. Ещё 2 экз. обнаружены на святилище Мыедино I–IV вв.⁴³ У них круглые (реже – овальные) очертания лиц, глаза овальные, нос в виде вытянутого треугольника, рты полукруглые или круглые. У одной из личин на двух крайних лучах обозначены глаза⁴⁴, у другой – профильные изображения двух зооморфных голов с торчащими вверх ушами⁴⁵. На трёх личинах из коллекции Ваэра изображены головы лосей⁴⁶.

Выше уже было сказано о том, что изображения с тремя лучами над головой традиционно сохранились в пластике пермского звериного стиля VII–VIII вв. на

³⁵ Мищенко О.П. К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – Вып. 4. – Рис. 2–7.

³⁶ Югорск: от легенды до точки на карте. – Екатеринбург: [б.и.], 1997. – С. 32.

³⁷ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 22 (кат. № 33).

³⁸ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 22 (кат. № 32).

³⁹ Спицын А.А. Шаманские изображения ... – С. 137 (рис. 445), 138 (рис. 451).

⁴⁰ Чиндина Л.А. Древняя история Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 222 (рис. 17–5).

⁴¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени ... – С. 147 (табл. IX–3); Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси ... С. 100 (рис. 93); Гемуев И.Н. Мироззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 204 (рис. 152); Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 98–103.

⁴² Чиндина Л.А. Древняя история Приобья в эпоху железа ... – С. 241 (рис. 35–1–6); Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства ... – С. 21 (рис. 8–4–7).

⁴³ Васкул И.О., Холопов М.И. Поселение-святилище первой половины I тыс. н. э. Мыедино на верхней Вычегде ... – Рис. 6–8, 9.

⁴⁴ Спицын А.А. Шаманские изображения ... – С. 135 (рис. 429).

⁴⁵ Спицын А.А. Шаманские изображения ... – С. 136 (рис. 432).

⁴⁶ Розенфельд Р.Л. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений // Сов. археология. – М.: Наука, 1974. – № 3. – С. 190–196. Рис. 1–1, 5, 8.

р. Печоре. Можно добавить, что этот образ продолжал бытовать до X–XI вв. Подобная личина в окружении пушных и копытных изображена на круглой подвеске из святилища в Уньинской пещере⁴⁷. И, как результат связей приуральского и западносибирского населения в тундровом районе Приуралья, на поселении Море-Ю оказалась личина кулайского типа⁴⁸.

В ряду зооморфных изображений ведущими фигурами являются бобр и выдра. Есть ли местные корни у этих образов?

Возможно, самыми ранними (неолитическими?) являются два каменных артефакта. Первый представляет собой навершие в виде головы бобра (некоторые исследователи полагают, что это может быть голова медведя) из святилищного комплекса с Кокшаровского холма⁴⁹.

Второе изображение выполнено в виде тесла, завершающегося головой с тупым носом и маленькими развёрнутыми назад ушами. Абрис головы и штрихи по выпуклой части изделия (спине) создают впечатление плавущего зверя – выдры или бобра⁵⁰.

К нео-энеолитическому времени относятся следующие находки. С Аятского озера известна фигурка бобра, выполненная в мелкой кремнёвой пластике⁵¹. Зубы жи-

вотных есть в двух погребениях из грота на Камне Дождевом. Основная масса просверленных зубов выдры (73 экз.), видимо, некогда украшала одежду погребённой женщины. В области бёдер мужского погребения лежали резцы бобра, вероятно, в своё время прикреплённые к поясу⁵².

Итак, есть факты почитания бобра и выдры на памятниках лесного Зауралья в эпохи камня и раннего металла. В раннем железном веке значимость этих зверей в мифо-ритуальной практике значительно возросла. Металлические фигурки бобров и выдр найдены по всей Северной дороге от р. Вишеры (находки Н.Л. Гондатти⁵³) – в бассейне р. Лозьвы (Лозьвинский клад⁵⁴ и Туманское святилище⁵⁵), в находках В.Н. Чернецова на Северном Урале⁵⁶.

Фигурки бобров гравированы на зеркалах, хранящихся в Музее природы и человека (г. Ханты-Мансийск)⁵⁷. На р. Ляпине фигурки с прикладами сохранились на мансийских святилищах или в сундуках с сакральными предметами⁵⁸.

Остатки жертвоприношений в виде костей бобра, наряду с костями медведя и лося, встречены в пещерных святилищах по р. Вишере⁵⁹, Печоре⁶⁰, Лозье⁶¹. Фигуры

⁴⁷ **Канивец В.И.** Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // *Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: [б.и.], 1962. – Вып. 1. – Рис. 12.*

⁴⁸ **Грибова Л.С.** Культовая бронзовая пластика Хэйбидя-Пэдары // *Тр. Ин-та языка, лит-ры и истории КомиНЦ УрО АН СССР. – № 33: Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. – С. 95 (рис. 3–2).*

⁴⁹ **Шорин А.Ф.** Святилище на холме // *Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 87–108. Рис. 12.*

⁵⁰ **Панина С.Н.** Культовые предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // *Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 256.*

⁵¹ **Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б.** Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // *Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1998. – Вып. 23. – С. 216–227. Рис. 2–1.*

⁵² **Сериков Ю.Б.** Исследование грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // *Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1993. – Вып. 21. – С. 130–131.*

⁵³ **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени... – С. 161 (табл. XVIII – 6–10).

⁵⁴ **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени... – С. 159 (табл. XVI – 6, 7).

⁵⁵ **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костыше... – С. 146 (рис. 15–1, 2, 7).

⁵⁶ *Прошлое Урала в фотографиях... – Раздел II. Фото 10.*

⁵⁷ **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени... – С. 155 (табл. XIII–4), 157 (табл. XIV–3, 4).

⁵⁸ **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси... – С. 13 (рис. 8), 107 (рис. 98–6), 162 (рис. 109); **Старков В.Ф.** Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // *Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 208–219. Рис. 3.*

⁵⁹ **Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Фадеева Т.В.** Пещера в Камне Дыроватом // *Культовые памятники горно-лесного Урала. Приложение 4: Кадастр культовых памятников. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 271.*

⁶⁰ **Чаиркин С.Е.** Канинская пещера // *Культовые памятники горно-лесного Урала. Приложение 4: Кадастр культовых памятников. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 264.*

⁶¹ **Чаиркин С.Е.** Ушминская (Шайтан-яма, Лозьвинская) пещера // *Культовые памятники горно-лесного Урала. Приложение 4: Кадастр культовых памятников. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 265–266.*

зверей изготовлены небрежно, без дальнейшей обработки после выемки из формы. По иконографическим особенностям фигурки делятся на три типа. К первому типу принадлежат многочисленные металлические подделки, найденные от р. Вишеры до р. Ляпина. По абрису это профильные изображения с широкой агрессивно раскрытой пастью, четырьмя трёхпальными лапами и плоским лопатообразным хвостом у бобров и прямым хвостом у выдр. Туловище и в том, и в другом случаях либо тонкое, либо широкое. Детали фигур – кружки глаз, рёбра, косая сетка хвоста бобра – моделированы узкими валиками.

К этому же иконографическому типу принадлежат изображения бобров на зеркалах из Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), нанесённые гравировкой.

Ко второму типу отнесены фигурки бобров из сакральных мест манси с р. Ляпина. Они отличаются от вышеописанных как технологически, так и морфологически. Так, изображения с культового места Сат-Виклы и из сундука заброшенного мансийского дома хорошо проработаны. Их можно рассматривать в двух ракурсах – в профиль и «видом сверху». Аналог плывущей фигурки Сат-Виклы, детали которой моделированы желобками, можно найти в изображениях бобра или выдры с могильника Барсов Городок VIII–IX вв.⁶² В третий тип выделены объёмные изображения голов бобра (навершия жезлов?). Четыре из них, изготовленные в двух различных формах, найдены на Туманском святилище⁶³, одно – на мансийском святилище Йибы-ойка на р. Ляпине⁶⁴, два – на р. Нюрсе в Нарымском Приобье⁶⁵. У головок изображений бобров с р. Лозьвы и Ляпина выделены маленькие округлые уши, круглые или овальные глаза и широко раскрытые пасти с чётко обозначенными

резцами. Морды бобров с р. Нюрсы более схематичны, но пасти тоже раскрыты.

Функциональным аналогом этих наверший может быть полая голова щуки из состава Холмогорского клада⁶⁶ и медведя – из Кривошеинского клада⁶⁷. Менее реалистично выглядят и поэтому определены как хтонические существа навершия из Саровского культового места⁶⁸.

Изображения бобра (правда, малочисленные) известны и в находках с памятников кулайской культуры лесного Приобья. Даже по неполной на сегодняшний день подборке фигур бобров Н.В. Полосьмак и Е.В. Шумаковой⁶⁹ можно увидеть как черты сходства, так и различия изображений из двух регионов. Общее наблюдаются только по двум признакам – раскрытой или полураскрытой пасти и декорированию хвоста косой сеткой. Различия более существенны. Из предыдущего изложения понятно, что в западносибирских памятниках отсутствует третий тип фигурок. Как правило, и в металлической пластике, и в гравировке изображения переданы не в профиль, а в ракурсе «вид сверху». Для кулайских древностей характерно парное изображение бобров⁷⁰. Этот сюжет пока не встречен в памятниках на Северной дороге.

Образ бобра в представлениях обских угров, как это справедливо отметил Я.А. Яковлев, многозначен и полифункционален⁷¹. Его различные функции в обрядовой деятельности, по всей вероятности, возникли в разное время.

Какие же из них могут быть экстраполированы до раннего железного века или даже до нео-энеолитического времени?

Жезл с навершием в виде головы бобра с Кокшаровского холма мог служить символом власти лица высоко-

⁶² **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова А.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – С. 84, 135 (кат. № 81).

⁶³ **Викторова В.А.** Туманское 1 поселение, святилище, костыще... – С. 146 (рис. 15–1,2).

⁶⁴ **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси... – С. 13 (рис. 8).

⁶⁵ **Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.** Очерки семантики кулайского искусства... – С. 47 (рис. 26).

⁶⁶ **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – С. 113 (кат. № 40).

⁶⁷ **Фёдорова Н.В.** Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Наука, 2000. – Рис. 8.

⁶⁸ **Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 142–149 (кат. №. 59–62).

⁶⁹ **Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.** Очерки семантики кулайского искусства... – С. 45 (рис. 24), 46 (рис. 25).

⁷⁰ **Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.** Очерки семантики кулайского искусства... – С. 45 (рис. 24).

⁷¹ **Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам... – С. 237, 241.

го социального статуса из рода Бобра. Возможно, эта традиция сохранилась до раннего железного века. Навершия с головами бобров использовались в каких-то ритуальных действиях на Туманском святилище.

В погребениях Камня Дождя как резцы бобра на поясе мужчины, так и зубы выдры на одежде женщины могли быть и символами принадлежности к определённой роду, и оберегами.

Сакральная значимость образов медведя, лягушки, бобра и выдры как оберегов сохранилась до нашего времени в орнаментальных розетках манси⁷². Первый помещался на священных рукавицах, остальные – на женских сумках.

Трёхрогие фигуры весьма похожи на лягушек. В фольклоре северных коми в качестве прародительницы людей фигурирует лягушка. В материалах второй половины раннего железного века с Туманского святилища этот образ представлен в виде трёхпалой лягушки с личиной на спине⁷³.

В Приуралье образ лягушки сохранился в виде случайной находки, относящейся к VII–VIII вв.⁷⁴ Интересно отметить, что вторая фигура лягушки входила в состав находок со святилища VIII–IX вв., обнаруженного на притоке р. Вишеры⁷⁵.

Остатки черепов и резцов бобра – немногочисленные в пещерных святилищах по сравнению с черепами медведей и рогами копытных – свидетельствуют о том, что водных зверей приносили в жертву в каких-то особых случаях.

В композициях фигур бобров и выдр с антропоморфными изображениями в находках с Вишеры и Лозьвы, а

также на зеркалах из Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) действительно можно увидеть трёхчастную картину мира, в которой водные звери могут быть соотношены с Нижним миром.

Продолжение этого мифологического текста просматривается в плакетках с Вишеры. Хотя публикаторы⁷⁶ относят их к пермскому звериному стилю, по составу персонажей они явно инородны. Бобр и выдра занимают место под мощными костистыми ногами женского персонажа. Композиционно объединённая с бобром женская фигура – трёхглава, над ней размещены головы трёх хищных птиц. Женская фигура, опирающаяся на изображение выдры, фланкирована двумя змеевидными персонажами. Над головой фигуры расположен солнечный диск в сопровождении двух лесных птичек⁷⁷. Авторы полагают, что в этом женском образе запечатлена знаменитая Золотая баба⁷⁸. Заметим, что обе фигурки под ногами антропоморфа выполнены в профильном ракурсе.

Вторым лесным образом в металлической пластике является изображение медведя. Четыре из пяти западно-сибирских типов этого образа (по типологии Н.В. Фёдоровой⁷⁹) присутствуют на памятниках по Северной дороге. Анализ фигур в её западной части (с Гляденовского костыща и Сопляского клада) даёт представление об ещё большем типологическом разнообразии.

Помимо типа 1 (медведь-зверь), где полые фигурки зверя изображены с головой, вытянутой вперёд⁸⁰, и головой, опущенной вниз⁸¹, есть фигуры медведя, сидящего на задних лапах⁸²; трёхпалое распластанное изображение, животного, опирающегося лапами на две распорки⁸³; лежащий медведь с головой, уложенной на лапы⁸⁴.

⁷² Шешкин П.Е., Шебалина И.Д. Мансийские орнаменты. – СПб.: Филiaal изд-ва «Просвещение», 2001. – С. 90–92 (№ 252–257).

⁷³ Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костыще... – С. 146 (рис. 15–5).

⁷⁴ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – С. 86 (рис. 55).

⁷⁵ Теплоухов Ф.А. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды Пермской учёной архивной комиссии. – Пермь, 1897. – Вып. III. – С. 138 (табл. 1–6).

⁷⁶ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея...

⁷⁷ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея... – С. 135 (№ 137).

⁷⁸ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея... – С. 44.

⁷⁹ Фёдорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири... – С. 40.

⁸⁰ Спицын А.А. Гляденовское костыще // Зап. Императорского Русского археологического общества. Нов. сер. – Т. 12, вып. 1–2. 1896. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – Табл. IX–10.

⁸¹ Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. VI–19; Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). – Сыктывкар: Изд-во КомиНЦ УрО РАН, 2002. – (Научные доклады/ КомиНЦ УрО РАН; Вып. 451). – С. 42 (рис. 15–5).

⁸² Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. VI–13.

⁸³ Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. VI–16.

⁸⁴ Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. IX–23.

Тип 4 (медведь-человек) – зверь на задних лапах с личиной на груди и опущенными вниз лапами/руками, украшенными «браслетами», – входит в состав Соплясского клада⁸⁵. В этой же позе, только с повернутой вбок головой, в композиции на круглом зеркале изображен медведь из Шиховского могильника. На его груди прочерчены круглые глаза, нос и рот намечены чёрточками, личина завершается бородой⁸⁶.

Из этого ряда выпадает, но также относится к изображениям медведя-человека ещё одна находка из Соплясского клада. Это медведь, сидящий в позе человека, с расставленными и согнутыми в коленях ногами/лапами, согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками/лапами⁸⁷. Поза повторяет изображения антропоморфных фигур с трёхлучевыми навершиями.

Тип 5 – медведь в «жертвенной» позе на полукруглых бляхах из Гляденовского костыща – фигура животного на четырёх лапах изображена en face. Его округлая спина обведена кантом псевдошнура⁸⁸. В одном случае видны все четыре лапы медведя⁸⁹. Учитывая различные варианты естественных поз медведя и неестественную (в виде распластанной шкуры), можно предположить о зарождении у населения западного склона Урала мифов о медведе-человеке/предке и медвежьего праздника с различными циклами ритуалов. Но канон ещё не устоялся, не у всех изображений видны «браслеты» на передних лапах.

На восточной стороне Северной дороги металлопластика в виде медвежьих фигур найдена на городище Няксимволь и на святилище Усть-Полуй. Последние относятся к третьему типу, характерному только для этого памятника: хищные птицы возвышаются над фигурами медведей с «браслетами» на лапах и антропоморфными изображениями на боках⁹⁰. Эта композиция, как и хищная птица, клюющая голову лося/олени на костяной булавке⁹¹ и навершиях ложек⁹², рассматривается В.Н. Чернецовым как утверждение символов пришлого (кулайского?) населения на территорию Северного Приобья.

Ил. 4. Городище Няксимволь. Бронзовые наконечники стрел. 1–3 – Берёзовский районный краеведческий музей; 4 – Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск); 5 – Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры)

⁸⁵ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 135 (рис. 428).

⁸⁶ Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века... – С. 43 (рис. 16–4).

⁸⁷ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 136 (рис. 431).

⁸⁸ Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. VI–3, 15, 23, 25; X–9.

⁸⁹ Спицын А.А. Гляденовское костыще... – Табл. X–29.

⁹⁰ Усть-Полуй: I век до н. э.... – С. 17 (кат. № 16), 22 (кат. № 31).

⁹¹ Усть-Полуй: I век до н. э.... – С. 56 (кат. № 147).

⁹² Усть-Полуй: I век до н. э.... – С. 48 (кат. № 122, 123).

Ил. 5. Городище Няксимволь. На-
вершие рукояти
железного кинжа-
ла. Свердловский
областной крае-
ведческий музей

Фигура медведя-человека с этого же памятника выгля-
дит как трёхголовый медведь, стоящий на задних ногах/
лапах⁹³. А изображение медведя в «жертвенной» позе
уже канонизировано по кулайским стандартам на пря-
моугольной пластине⁹⁴ и на эполетообразной застёжке⁹⁵.

В особый тип выделяются уже представленные выше
изображения медведей с антропоморфными фигурами
на боках – свидетельство распространения ещё одного
мифа о медведе-человеке/предке и хозяине леса. Важ-
но отметить, что этот миф был распространён только
у населения, обитавшего на территории от Печоры до
Нижней Оби.

С Гляденовского костяка насчитывается свыше 200
экз. птицевидных изображений – боровых, водопла-
вающих, ночных и дневных хищников. Особенность

орнитоморфов с Северной дороги заключается в явном
преобладании ночных пернатых хищников – филинов
и сов. Они есть на святилище с верховьев Вычегды⁹⁶, в
составе Сопляского клада⁹⁷. Как уже говорилось выше,
голова или фигуры филинов/сов возвышаются над ан-
тропоморфными изображениями с р. Вишеры, Южной
Сосьвы и Лозьвы. Они известны и в восточной части
Северного пути: на городище Соровой Мыс⁹⁸, на святи-
лище Усть-Полуй⁹⁹.

Интересно проанализировать локализацию изо-
бражений птиц с личинами на груди. Этот образец
пластики возник на территории кулайской культурно-
исторической общности¹⁰⁰. Подобные изображения
есть на святилище Усть-Полуй, встречаются на р. Конде.
Пока они неизвестны в Северном Зауралье на памятни-
ках синдейской культуры. Два экземпляра отливок птиц
с личинами на груди известны из Сопляского клада¹⁰¹,
четыре – с Гляденовского костяка¹⁰².

По-видимому, в Приуралье эти фигурки попали в
результате обменных связей с населением кулайской
культуры.

Обмен шёл и в обратном направлении. И следствием
его было проникновение образа медведя в жертвенной
позе в кулайскую культуру. Таким же путём по Север-
ной дороге распространились из Приуралья много-
численные прямоугольные бляшки, декорированные по
центру двумя полосками треугольных вдавлений. Их ге-
незис связан с ананьинской культурой Приуралья. Они
продолжали бытовать и на памятниках гляденовской
культуры. На городище Няксимволь найдено несколько
экземпляров таких бляшек (ил. 3). Одна находка извест-
на со святилища Усть-Полуй¹⁰³.

Третья часть триады – предметы вооружения. Ко-
стяные наконечники стрел – повсеместная находка на

⁹³ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 16 (кат. № 14).

⁹⁴ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 17 (кат. № 18).

⁹⁵ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 26 (кат. № 44).

⁹⁶ Васкул И.О., Холопов М.И. Поселение-святилище первой половины I тыс. н. э. Мыедино на верхней Вычегде... – Рис. 6–17.

⁹⁷ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 135 (рис. 427).

⁹⁸ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... – С. 147 (табл. IX–5).

⁹⁹ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 16 (кат. № 15), 17 (кат. № 16), 20 (кат. № 27).

¹⁰⁰ Викторова В.Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2002. – С. 74–92.

¹⁰¹ Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 136 (рис. 435, 436).

¹⁰² Спицын А.А. Шаманские изображения... – С. 89 (рис. 55, 56, 60, 61).

¹⁰³ Усть-Полуй: I век до н. э. ... – С. 16 (кат. № 13).

Ил. 6. Городище Няксимволь. Бронзовые кельты. 1–4 – Берёзовский районный краеведческий музей; 5 – Археологический музей Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

святилищах Гляденовском, Туманском, Усть-Полуйском. Костяные панцирные пластины пока известны только с двух святилищ – Усть-Полуйского¹⁰⁴ и Туманского¹⁰⁵. На Туманском святилище найдены две костяные накладки на колчан¹⁰⁶.

Бронзовые наконечники стрел усть-полуйского типа в коллекции со святилища Усть-Полуй составляют 7 экз. На памятниках по Северной дороге они встречены единично: на городище Няксимволь (ил. 4), на святилище Туманском, на Гляденовском костыще. Так же единичны и волютообразные навершия кинжалов: на Усть-Полуе, Няксимволе (ил. 5), в Лозьвинском кладе. Находки богато орнаментированных кельтов маркируют дорогу связей только от Усть-Полуя до Няксимволя (ил. 6).

* * *

Известно, что чем шире связи населения, тем богаче его культура. Бассейн р. Северной Сосьвы оказался на дороге контактов населения двух континентов. С запада (гляденовская, синдейская культуры) в этот район проникали и предметы, и мифологические тексты. Свой поток информации и изделий шёл и с востока – из области усть-полуйского варианта кулайской культуры. В результате такой циркуляции идей и определённых предметов от Северного Приуралья до Нижней Оби сложились общие, только этим культурам присущие мифологические сюжеты и мифо-ритуальная практика. В них особое место занимали образы бобра, медведя, филина. Установились свои иконографические каноны в передаче антропоморфных и зооморфных персонажей.

Вместе с тем в каждом отдельном регионе – в бассейнах р. Печоры, в верховьях р. Южной Сосьвы и Лозьвы, а также в бассейнах р. Северной Сосьвы и Ляпина мифологические тексты по-своему перерабатывались, формировались свои варианты мифо-ритуальной практики.

¹⁰⁴ Усть-Полуй: I век до н. э.... – С. 61–63 (кат. № 170–176).

¹⁰⁵ Викторова В.Д. Туманское 1 поселение, святилище, костыще... – С. 142 (рис. 11–5, 6, 18).

¹⁰⁶ Викторова В.Д. Туманское 1 поселение, святилище, костыще... – С. 144 (рис. 13–7).

Стилистика и иконография металлопластики Няксимволя

А.Я. Труфанов, Ж.Н. Труфанова

И в том полупрозрачном теле
Уродцы странные сидели.
Д. Самойлов «Струфиан»

Приступая к характеристике няксимвольской коллекции, мы отдаём себе отчёт в её возможной хронологической и культурной неоднородности. Тем не менее мы осознанно подошли к её рассмотрению с позиции условного «синхронизма». Полагаем, что процедура формального анализа, выстроенная по линии «морфология – стилистика – иконография», приведёт её к той степени дифференциации, которая необходима для последующего сравнительного анализа *групп* изображений в дополнение к методу подбора отдельных аналогий отдельным предметам.

МОРФОЛОГИЯ

Всего с городища Няксимволь происходит 70 изделий бронзовой металлопластики¹, образующих три группы.

Группа 1. Антропоморфные изображения (35 экз.).

Подгруппа 1. Личины (10 экз.).

Подгруппа 2. Фигуры (25 экз.).

Группа 2. Зооморфные изображения (34 экз.).

Подгруппа 1. Условно-зооморфные изображения (9 экз.).

Подгруппа 2. Изображения бобров (16 экз.).

Подгруппа 3. Изображения медведей (2 экз.).

Подгруппа 4. Орнитоморфные изображения (6 экз.).

Подгруппа 5. Инсектоморфные изображения (1 экз.).

Группа 3. Древовидные изображения (1 экз.).

Прежде чем перейти к характеристике изображений, дадим информацию параметрического свойства. Во Введении уже говорилось о крайне небольших

¹ Изделие кат. № 36 ввиду предположительного характера наличия на нём изображения исключено из общего числа рассматриваемых изделий.

размерах изделий. Для конкретизации этой характеристики мы взяли за основу максимальную длину/высоту изделия. Среднее арифметическое по этому показателю составило 3,69 кв. см. Средняя толщина изделий составила 0,29 см. Ниже мы вернемся к этим цифрам.

ГРУППА 1

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Составляют 50 % от общего числа изображений. Представлены личинами и фигурами.

Подгруппа 1. Личины – 10 экз. (28,6 % от общего числа антропоморфных изображений).

Эту подгруппу образовали шесть «классических» личин, то есть по сути уплощенных изображений головы антропоморфного персонажа en face (кат. № 1, 2, 4–6, 7), одна крайне редуцированная фигура, морфологически идентичная личинам (кат. № 3), и два полых объёмных изделия (формально их можно назвать головами), у которых проработана только лицевая часть (кат. № 8, 9)².

Три личины имеют явные признаки ажурности, представленные в разной степени – от отверстия для передачи рта (кат. № 2) к отверстиям на месте глаз и рта (кат. № 6) до «максимально» ажурного изображения (кат. № 7).

Морфология личин

Все личины (7 экз.), так или иначе, построены на основе вертикально поставленного овала. В зависимости от формы этого овала персонажи можно охарактеризовать как «круглоголовые» (1 экз. – кат. № 2), «остроголовые» (2 экз. – кат. № 1, 4) и «плоскоголовые» (2 экз. – кат. № 3, 5). У последних овал лица усечён сверху и абрис верха головы, таким образом, приближен к горизонтальному. У двух изображений верх головы не подлежит однозначному определению из-за необработанности литника, располагавшегося в этой части изделия (кат. № 6, 7). Линию подбородка терминологически можно определить у всех девяти изображений. В

пяти случаях он близок понятию «плавный» (кат. № 1, 5–7, 10)³, в трёх – «приострѐнный» (кат. № 3, 4, 9), в одном случае – подчеркнуто «раздвоенный» (кат. № 2). На трёх изображениях (кат. № 3, 5, 10) он определённо слегка выдаётся вперѐд.

Пропорции личин ввиду малого количества изделий не поддаются математическому ранжированию. Визуально можно отметить подчеркнутую удлиненность личины кат. № 1 и спрямление её боковых линий.

Глаза показаны на всех девяти изделиях. На ажурных изображениях они обозначены горизонтально ориентированными отверстиями, в остальных случаях очерчены пониженным контуром, моделирующим выпуклый зрачок в центре. Форма глаз фиксируется на восьми изображениях. Во всех случаях это удлинѐнные линзовидные или миндалевидные глаза, слегка наклонѐнные в сторону носа (7 экз.) либо поставленные горизонтально (1 экз. – кат. № 4). В большинстве случаев глаза размещены почти на всю ширину личины и вплотную примыкают к линии носа. Исключение составляет маскоид (кат. № 2), глаза которого можно охарактеризовать как «уменьшенные» (пропорционально плоскости личины) и широко поставленные.

Надбровные дуги (брови?) показаны на пяти личинах (из девяти). В трёх случаях (кат. № 1, 4, 5) это небольшое плавное повышение рельефа в виде дуг, соответствующих верхнему абрису глаз и вплотную примыкающих к ним. На одной из «голов» (кат. № 10) такие дуги размещены значительно выше глаз. Показ надбровных дуг на маскоиде (кат. № 2) имеет более существенные отличия. Во-первых, они также расположены значительно выше глаз; во-вторых, показаны углубленным контуром.

Нос во всех случаях выделен в рельефе, повышенном в разной степени. Похоже, что проработанность его деталей зависела от высоты рельефа: чем выше был нос, тем больше мастер стремился к тщательной передаче его крыльев и кончика (кат. № 1–3). Линия носа всегда прямая, расширяющаяся книзу; она, как правило, выглядит «соразмерной». Исключение составляет изделие кат. № 1 с подчеркнуто удлинѐнной линией носа.

² Полукруглое в сечении изделие, имеющее «антропоморфный» абрис, на котором слабо просматривается схема «лица» (кат. № 8), присоединено к данной группе условно. Детали этого изображения настолько размыты, что извлечь из них информацию морфологического свойства невозможно. Исходя из этого, для характеристики личин как группы изображений данное изделие не привлекалось.

³ В каталожном описании подбородок личины (кат. № 1) был определѐн как близкий к прямому. Однако при учёте элемента его аморфности, связанной с отмеченной деформацией, в данном случае мы объединили его с «плавными».

Заметим, что вытянутостью по вертикали самого образа это объясняется лишь отчасти: на некоторых изделиях (кат. № 3–5) есть место и для более длинного, чем смоделированный, носа.

Носогубные морщины показаны на шести личинах (из девяти). На ажурной личине (кат. № 7) они обозначены отверстиями, в остальных случаях – углубленным контуром (кат. № 1, 2–4, 9). Как правило, это прямые или слабоизогнутые линии, идущие от верхней части крыльев носа до боковых кромок изображения. Морщины на маскоиде (кат. № 2) значительно короче, чем у остальных, и гораздо сильнее изогнуты (на грани излома).

Рот так или иначе показан на всех личинах, однако определённо говорить о его форме можно лишь для семи изображений (кат. № 1, 2–4, 6, 7, 9). На ажурных изделиях рот показан в виде округлого (кат. № 6) и горизонтально-овального (кат. № 7) отверстий. На маскоиде (кат. № 2) щелевидный рот имеет вид дуги, направленной концами вверх и придающей персонажу вид «улыбающегося». Достаточно неординарно оформлен рот на личине кат. № 1: он максимально реалистичен, что крайне редко встречается в архаическом изобразительном творчестве. В остальных случаях рот обозначен горизонтально ориентированным углублением подпрямоугольной или уплощенно-овальной формы.

Дополнительные изображения. В двух случаях в области лба нанесены дополнительные образы: в одном случае это профильное изображение головы хищной птицы (кат. № 1), в другом – три профильных «шестьющих» антропоморфных персонажа (кат. № 2).

Подгруппа 2. Антропоморфные фигуры – 25 экз. (71,4 % от общего числа антропоморфных изображений).

В эту группу включены антропоморфные изображения «в полный рост», независимо от степени их редуцированности и схематизма (кат. № 11–35). Заметим, что редуцирование фигуры (схематичные, с отсутствующими или непропорционально уменьшенными частями) достаточно индивидуальны и в пределах данной коллекции не прослеживается какая-либо закономерность.

Морфология антропоморфных фигур

Размещение изображений. Большинство изображений (18 экз. – 72 %) находятся в «свободном» состоянии,

при котором фигуры в большей или меньшей степени выражены по контуру и ничем не ограничены. Шесть изображений (24 %) заключены в рамку (кат. № 13–16, 33, 35) и в связи с этим могут считаться ажурными. Изображение кат. № 34 (4 %) достаточно условно можно считать размещённым на плакетке. Заметим, однако, что это изделие является своего рода исключением по ряду показателей: по форме «плакетки», по способу передачи изображения (тонким выпуклым контуром) и по крайней степени стилизации фигуры, вплоть до невозможности установить её ракурс⁴.

Количество фигур на изображении. В большинстве случаев на изделии представлен один антропоморфный персонаж («дополнительные» изображения в данном случае не учитываются). Однако некоторые изделия при определении количества фигур вызывают ряд вопросов.

Так, группу из четырёх фигур (кат. № 11), объединённых единым каналом для заливки металла, вряд ли можно считать *композицией* из четырёх персонажей, учитывая наличие в коллекции отрубленных двойных и одиночных фигур, изготовленных аналогичным образом (кат. № 17, 23). Непонятна композиционная составляющая и изделия кат. № 20.

Не вполне ясна ситуация с двумя двухголовыми одиночными фигурами (кат. № 21, 22), а также с одиночной фигурой с тремя личинами на одной плоскости (кат. № 15). Представляют они один персонаж или два/три – можно только гадать.

Мы будем исходить из 16 изделий, на которых количество фигур определяется однозначно. Преобладают одиночные фигуры (10 экз. – 62,5 %), двойные и тройные представлены в равном количестве (по 3 экз. – по 18,75 %).

Ракурс фигур тоже требует обсуждения. Определить его только на уровне *en face*/профиль невозможно, так как в коллекции присутствуют изображения с головой *en face*, а туловищем и конечностями в профиль. Мы назвали такие фигуры полупрофильными. На 18 из 24 изделий фигуры расположены *en face* (75,0 %). Два изображения (8,3 %) мы отнесли к профильным. Это достоверно профильное изображение головы на фрагменте изделия в рамке (кат. № 35) и парное изображение кат. № 19 (если мы правильно его прочитали). Четыре фигуры (16,7 %) – полупрофильные. В одном случае это

⁴ По этим причинам данное изделие (кат. № 34) исключено из совокупной характеристики (и статистики) антропоморфных фигур.

одиночная фигура в подтреугольной рамке (кат. № 33), во втором – парная композиция (кат. № 18), в третьем – две двухголовые фигуры (кат. № 21, 22). Три фигуры (из них две двухголовые) направлены влево, фигуры парной композиции кат. № 18 (как и профильного изображения кат. № 19) развёрнуты друг к другу.

Пропорции фигур мы обсуждать не станем. Они во многом определяются степенью редуцированности фигуры, которая, как мы уже упоминали, достаточно индивидуальна. Кроме того, во многих случаях определить вертикальные параметры собственно *антропоморфной фигуры* достаточно трудно – например, у фигур с дополнительными изображениями, являющимися зачастую непосредственным продолжением головы.

Голова. На части изображений голова вообще не выделена ни по контуру, ни в рельефе и маркируется только наличием глаз и рта. На других фигурах невозможно определить верхнюю или нижнюю границу головы (особенно при наличии надголовных изображений). В ряде случаев голова вообще аморфна, поэтому попытка деления персонажей по форме верхней части головы на «круглоголовые», «остроголовые» и «плоскоголовые», как это было сделано для личин, не удалась.

В оформленном виде (то есть с отчётливо фиксирующимся абрисом) голова фиксируется лишь на четырёх изделиях. На трёх из них головы персонажей имеют форму усечённого сверху овала (кат. № 28–30). Две головы четвёртого персонажа (кат. № 21) имеют вид удлинённых овалов, уплощённых с длинных боковых сторон (ср. с личиной кат. № 1).

Глаза показаны на 21 изделии (100 %)⁵. Выделяются три варианта оформления глаз в рельефе. Заметим, что независимо от количества персонажей на изделии представлен только один способ моделирования глаз.

1. Смоделированы в *повышенном рельефе сплошными выпуклостями*. Представлены на десяти изделиях (47,6 %). Во всех случаях имеют округлую или приближенную к ней форму. На одних изображениях они небольшими выпуклостями вписываются в плоскость личины (кат. № 11, 15, 24, 26, 31, 33), на других – нередко увеличены и выделены не только в рельефе, но и выступают по контуру изображения (кат. № 17, 23, 25, 27).
2. Смоделированы *контурными углублениями с выделением «выпуклого» зрачка* в центре. Представлены на семи

изделиях (33,4 %). В пяти случаях они имеют выраженную миндалевидную форму (кат. № 28–30) или близкую к ней – овальную (кат. № 21, 35). На двух изделиях (кат. № 14, 16) глаза имеют округлую форму. Существенно наблюдение по поводу относительных размеров глаз: миндалевидные и овальные глаза размещены почти на всю ширину личины (за исключением линии носа, к которой они примыкают). Округлые глаза соразмерны плоскости личины. Вместе с тем оба варианта оформления глаз можно охарактеризовать как «близко посаженные».

3. Смоделированы в *повышенном рельефе контурными линиями (валикообразными утолщениями) с углублением* в центре. Представлены на четырёх изделиях (19,0 %). На трёх глаза имеют округлую форму (кат. № 13, 32, 22); на одном – парном (кат. № 18) – мы видим два подпрямоугольных глаза (один – округлый, другой – овальный, вертикально ориентированный). В одном случае глаза соразмерно вписаны в плоскость личины, в остальных – размещены почти на всю её ширину. Во всех случаях глаза можно охарактеризовать как «близко посаженные».

Надбровные дуги (брови?) показаны на двух изделиях (9,5 %). В обоих случаях (кат. № 21, 29) они показаны пониженным контуром и сопровождают миндалевидные/овальные глаза.

Нос присутствует на 11 изделиях (52,4 %). В большинстве случаев он выделен в повышенном рельефе. Лишь на одном изделии (кат. № 21) удлинённая линия слегка выпуклого носа фактически смоделирована за счёт тупоугольного в сечении ребра, образованного понижением правой и левой сторон личины к боковым кромкам. Нос профильного изображения (кат. № 35) описан в каталоге. Остальные девять изделий демонстрируют три варианта оформления этой физиономической детали в рельефе.

1. Нос смоделирован *сплошными выпуклостями*. Представлен на двух изделиях (кат. № 25, 31) в сочетании с аналогичным способом показа глаз.
2. Нос смоделирован в *форме, приближенной к реальной*. Представлен на четырёх изделиях (кат. № 16, 28–30). Как правило, имеет хорошо выделенную узкую переносицу, от которой расширяется вниз и повышается в рельефе. «Сопровождает» глаза миндалевидной/овальной формы с выпуклым зрачком.

⁵ При характеристике глаз и остальных деталей лица были опущены изделия кат. № 12, 19, 20. Таким образом, при определении удельного веса этих признаков мы исходили из 21 изделия.

3. Нос смоделирован *выпуклой линией*, длина которой зависит от длины головы. Представлен на трёх изделиях (кат. № 18, 22, 32) в сочетании с глазами, показанными контурным рельефом.

Заметим, что, как и при оформлении глаз, на изделии представлен только один способ моделирования носа, независимо от количества персонажей.

Носогубные морщины показаны на трёх изделиях (14,3 %). Во всех случаях они начинаются чуть выше уровня верха крыльев носа и проходят до боковых кромок изображения. Дважды они оформлены пониженным рельефом (кат. № 21, 28), в одном – повышенным (кат. № 22). На двух изображениях морщины показаны прямыми линиями (кат. № 21, 22), на одном – заметен излом в верхней части (кат. № 28).

Рот показан на 21 изделии (100 %). Выделяются три варианта оформления рта в рельефе⁶.

1. Смоделирован *сплошными выпуклостями*. Представлен на 13 изделиях (65 %). В большинстве случаев это округлые или короткие горизонтальные выпуклости, в шести случаях они относительно изоморфны глазам. На двух изделиях рты показаны выпуклым дуговым валиком, передающим «улыбку». Это трёхликое изображение кат. № 15, медведеподобная фигура кат. № 32, а также двухголовый антропоморф кат. № 22, головы которого имеют рты разной формы.

2. Смоделирован *углублениями*. Представлен на 6 изделиях (30 %). В одном случае это маленькие аморфные ямки (кат. № 16), в двух – горизонтально ориентированные овалы, в разной степени вытянутые и уплощенные (кат. № 21, 28). На трёх изделиях персонажи имеют дугообразные «улыбающиеся» рты (кат. № 14, 29, 30), при этом на трёхфигурном изображении кат. № 14 рот центрального персонажа сориентирован в положении «скорбящего».

3. Смоделирован в *повышенном рельефе валикообразными утолщениями*. Представлен на одном изделии (5 %). Это пара антропоморфов, у которых рты показаны валиками в виде неправильных овалов (рот одного – как будто фертообразный) (кат. № 18).

Шея и туловище. Попытка выделить их особенности на уровне признаков не принесла результата. О выделенной шее (шеях) можно говорить, пожалуй, только у двухголовой полупрофильной фигуры кат. № 22. Более

того, в ряде случаев шея намеренно «спрятана»: у этих изображений линии рук начинаются от уровня подбородка или даже выше (кат. № 26, 28, 29 и др.).

Руки. Показаны на 18 изделиях (75 %). Во всех случаях руки либо выделены по контуру изображения, либо показаны в повышенном рельефе. Для их характеристики целесообразно отдельно рассмотреть положение рук у персонажей, расположенных en face и в полупрофиль/профиль.

1. Положение рук у персонажей en face (72,2 %) достаточно разнообразно. Шесть изделий (кат. № 13, 15, 16, 24, 28, 31) представляют персонажей с руками, разведёнными в стороны. Ширина их размаха различна, но, как правило, соответствует ширине расставленных ног. Три изображения (кат. № 14, 29, 30) демонстрируют свободно опущенные руки, находящиеся на одной (или почти на одной) вертикали с ногами. У четырёх персонажей расположение рук индивидуально:

- дугообразно изогнутые, поднятые вверх (кат. № 32);
- дугообразно изогнутые, опущенные вниз (кат. № 26);
- согнутые в локтях под острым углом и сомкнутые на груди (кат. № 25);
- линии рук практически не выражены, только кисти выделены выступами по контуру (кат. № 27).

2. Положение рук у персонажей в полупрофиль/профиль (27,8 %) характеризуется определённым единством, отчасти обусловленным ракурсом фигур. На всех пяти изделиях независимо от количества фигур на них можно видеть направленные вперёд и немного опущенные вниз руки в положении «одна над другой». Детали разнятся. На двух изображениях (кат. № 18, 19) видны «очень короткие» руки, на фигуре кат. № 21 такие же короткие руки как будто оформлены в виде передней части головы хищной птицы. Руки фигуры кат. № 22 можно охарактеризовать как непропорционально длинные; они отходят от одного выступа и слегка изгибаются. У фигуры кат. № 33 руки сомкнуты «в кольцо».

Окончания рук оформлены у семи персонажей, расположенных en face.

1. *Кисти*. Для изображения кат. № 31 можно говорить лишь об условном выделении в рельефе (и частично по контуру) отогнутой кисти левой руки. На изображении кат. № 28 кисти тоже показаны условно – они отделены перемычкой от рук.

⁶ Оформление рта на профильном изображении кат. № 35 не относится ни к одному из этих вариантов. В соответствии с этим при характеристике указанной детали лица использованы 20 изделий.

2. *Пальцы*. Изображение кат. № 15 определённо демонстрирует двухпальность левой руки. В остальных случаях (кат. № 14, 29, 30, 32) фиксируются трёхпалые окончания независимо от того, выражены они по контуру или в рельефе.

Ноги. Показаны на 21 изделии (87,5 %). Как и руки, они выделены либо по контуру, либо в повышенном рельефе. Их положение различается в зависимости от ракурса изображения – en face и в полупрофиль/профиль.

1. Положение ног у персонажей en face (76,2 %) менее вариативно, чем положение рук, но основное деление аналогично. У большинства персонажей (12 экз.) они расставлены в стороны, почти на ширину раскинутых рук. У одного изображения (кат. № 15) они захластнуты влево. На четырёх изделиях (кат. № 14, 29, 30, 31) мы видим прямо поставленные ноги, в трёх случаях находящиеся на одной вертикали с опущенными руками.

2. Положение ног у персонажей в полупрофиль/профиль (23,8 %) достаточно индивидуально. На четырёх изделиях (кат. № 18, 21, 22, 33) они чётко отделены друг от друга; на изображении кат. № 19 они как будто сведены вместе. У персонажа, стоящего на бобре (кат. № 21), ноги короткие прямые. В двух случаях ноги согнуты в коленях: у фигуры кат. № 22 – слегка, у фигуры кат. № 33 – сильно. На парном изображении кат. № 18 короткие ноги персонажей слегка изогнуты и направлены друг к другу.

Окончания ног оформлены (или обозначены) на девяти изделиях (на семи из них персонажи расположены en face, на двух – в полупрофиль).

1. *Ступни*. Их оформление достаточно индивидуально. У персонажей, расположенных en face:

- отогнуты наружу под тупым углом (кат. № 31);
- развёрнуты вправо (кат. № 24);
- развёрнуты внутрь и соединены (кат. № 30);
- развёрнуты внутрь (на одной из ног) (кат. № 32);
- отделены от голени перемычкой (кат. № 28).

У персонажей, расположенных в полупрофиль, ступни направлены в ту же сторону, что и руки. Но если на одном изделии (кат. № 21) видна достаточно реалистичная передача ступней, то окончания ног персонажа на изделии кат. № 22 имеют аморфный, не вполне «человеческий» вид и сопровождаются рельефной трёхпальностью.

2. *Пальцы*. Помимо изображения кат. № 22, рельефная трёхпальность фиксируется на правой ноге уже упомянутой фигуры кат. № 32. На двух изделиях пальцы персонажей обозначены вертикальными рисками (углубленными или выпуклыми). На изделии кат. № 14 эти риски выходят за пределы фигур и размещены на рамке. В морфологически близком виде они представлены и на изделии кат. № 29. На обоих этих изделиях преобладает трёхпальность персонажей (подробнее – см. каталог).

Заметим, что показ ступней и пальцев почти исключает друг друга.

Поза во многом определяется ракурсом фигуры и положением её конечностей.

На большинстве изделий en face изображен персонаж, стоящий в достаточно статичной позе со слегка разведёнными руками и расставленными ногами. Исключения составляют, пожалуй, лишь четыре персонажа – это столь же статичная фигура с сомкнутыми на груди руками (кат. № 25) и три несколько динамичных антропоморфа: с поднятыми вверх руками (кат. № 32), с разведёнными в стороны и опущенными вниз руками (кат. № 26) и с «захластнутыми» влево ногами (кат. № 15).

Среди полупрофильных/профильных изображений самой статичной можно признать одну из фигур кат. № 19: наиболее вероятно, что персонаж передан в сидячем положении. Двухголового персонажа, размещённого на спине бобра (кат. № 21), следует уже в силу этой ситуации признать стоящим. Две фигуры на изделии кат. № 18 находятся в «позе рукопожатия». Самые динамичные позы можно видеть у фигур с ногами, согнутыми в коленях (кат. № 22, 33). Головы этих персонажей откинута назад, руки у одного из них «закольцованы», у другого – волнообразно (одна) и дугообразно (другая) изогнуты. Возможно, уместно будет назвать эту позу «пляшущей».

Penis показан (обозначен) на трёх изображениях (12 %). На одном (кат. № 15) он смоделирован вполне реалистично – выделен в достаточно высоком рельефе и направлен влево. На изображении кат. № 29 видна лишь подтреугольная выпуклость, скошенная влево. Ещё более условно *penis* обозначен на фигуре кат. № 30.

*Дополнительные изображения*⁷. Присутствуют на девяти изделиях (37,5 %). Разделяются на две группы в за-

⁷ Разумеется, дополнительными эти изображения можно назвать только в отношении морфологии. С позиции семантики они являются не дополнительной, а неотъемлемой частью, в равной мере определяющей композиционную составляющую изображения и сюжетную сторону демонстрируемой мифологемы (или её части). Наличие или отсутствие кавычек у данного термина определялось нами сугубо контекстуально.

висимости от места их расположения на антропоморфной фигуре или в композиции с ней.

1. *Зооморфные изображения, размещённые в нижней части антропоморфных фигур*, – дискретно (кат. № 16, 21) или в слившемся виде (кат. № 12). Во всех трёх случаях это профильные изображения. На одном изделии (кат. № 21) присутствует бобр, направленный влево (как и стоящий на нём основной персонаж). На другом изделии (кат. № 16) видны две ящероподобные разнонаправленные фигуры, размещённые в положении «одна над другой» под ногами двух антропоморфных персонажей. Третье изображение (кат. № 12), направленное вправо, столь же условно, как и «восседающие» на нём (и слитые с ним) три антропоморфные фигуры, но, без условно, обладает зооморфными признаками.

2. *Изображения, размещённые «поверх голов» антропоморфных фигур*. Расположены на плоскости, являющейся непосредственным продолжением голов персонажей. В четырёх случаях (кат. № 24–27) это предельно условные изображения (на уровне «глаза – рот»), не поддающиеся никакой идентификации. Два изображения имеют выраженные зооморфные признаки: в одном случае это голова антилопоподобного (?) персонажа (кат. № 28), в другом – верх головы медведя (кат. № 32). Дополнительные изображения на изделии кат. № 16 идентифицировать трудно; визуально они напоминают черепа животных (?).

Оба вида дополнительных изображений одновременно присутствуют лишь в одном случае (кат. № 16).

Показательно, что стилистика «дополнительных» изображений, независимо от их принадлежности к той или иной группе, совпадает со стилистикой «основных» (антропоморфных) фигур.

Прочие детали. Из деталей индивидуальных антропоморфных фигур отметим «головной убор» в виде трёхлучевой «короны» на изображении кат. № 29, а также детали рельефа, которые по своему местоположению соответствуют «третьему глазу» (кат. № 13, 22).

Заключая морфологический анализ антропоморфных фигур, заметим, что они тоже, в свою очередь, присутствуют в качестве «дополнительных» на изображениях других групп (подгрупп). Помимо упомянутых образов на личине (кат. № 2), мы встречаем профили, обладающие антропоморфными признаками, на фигуре медведя (кат. № 55) и на орнитоморфе (кат. № 68). Ниже мы вернемся к этим изображениям.

ГРУППА 2. ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Составляют 48,6 % от общего числа изображений.

Подгруппа 1. Условно-зооморфные изображения – 9 экз. (26,5 % от общего числа зооморфных изображений).

В эту группу включены морфологически разнородные изделия. Объединены они признаком зооморфности, однако видовое определение персонажей невозможно (и, в связи с этим, нецелесообразно) либо в силу крайней редуцированности образа, либо по причине его «фантастичности». Представлены изображениями фигур и отдельных голов.

Морфология

условно-зооморфных изображений

Фигуры. Представлены шестью изделиями (66,7 %). Пять из них (кат. № 56–60) выражены по контуру и представляют одиночные фигуры. На изображении кат. № 50 две фигуры, размещённые на плакетке, расположены одна над другой.

Ракурс. Все фигуры показаны в профиль. Две из них направлены влево (кат. № 59, 60), три – вправо (кат. № 56–58).

Голова в большей или меньшей степени оформлена у пяти фигур. В двух случаях её можно охарактеризовать как массивную соразмерную (кат. № 50, 56), в одном – как непомерно большую (кат. № 60). На одном изображении голова выделена только за счёт выступа глаза по контуру (кат. № 59), на другом она достаточно аморфна (кат. № 57).

Глаз определённо фиксируется на одном изображении (кат. № 59). Он оформлен овальной горизонтально расположенной выпуклостью и выступает по контуру. На изделии кат. № 58 глаз (?) обозначен слабым углублением.

Пасть (рот?) имеется на всех шести изображениях. В пяти случаях она раскрыта. На трёх изображениях (кат. № 56, 57, 60) она смоделирована глубоким полуovalом по контуру, передавая «широко раскрытую» пасть. Аналогичный вид имеют пасти двух персонажей, размещённых на плакетке (кат. № 50). На одном изображении (кат. № 59) пасть показана повышенным рельефом, моделирующим удлинённые равномерно разведённые челюсти, немного выгнутые наружу. Пасть фигуры

кат. № 58 можно назвать «приоткрытой»; она показана слабой выемкой по контуру и подчеркнута неглубоким понижением рельефа.

Шея просматривается на четырёх изображениях. В одном случае (кат. № 56) она выглядит «удлинённой», в остальных – достаточно короткой (на нижней фигуре изображения кат. № 50 она как будто не выделена).

Туловище выделено или обозначено на пяти изображениях. В трёх случаях (кат. № 50, 57, 59) его можно охарактеризовать как узкое (на двух изделиях – кат. № 50, 59 – это во многом определяется стилистикой самого изображения). Туловище фигуры кат. № 56 уместно назвать широким. Дать определение ширины туловища фигуры кат. № 60 трудно ввиду его непропорциональности. Линия спины в четырёх случаях прямая (кат. № 50, 56, 58, 60), в одном случае – выгнута вверх (кат. № 59) и ещё в одном – вниз (кат. № 57). На двух фигурах (кат. № 56, 57) можно видеть слегка отвисшее брюхо.

Конечности выделены или обозначены на всех шести изображениях. Оформление их достаточно индивидуально. На фигуре кат. № 58 они обозначены крайне условно – слабым повышенным рельефом. На остальных пяти изделиях они выделены либо по контуру (кат. № 56, 60), либо в повышенном рельефе (кат. № 50), либо сочетанием обоих способов (кат. № 57, 59).

На трёх изображениях (кат. № 50, 56, 59) показаны по две пары конечностей, на одном (кат. № 60) передние и задние конечности сведены в два выступа. На фигуре кат. № 57 представлены оба этих способа: передние конечности сведены в один выступ, задние – частично разделены. Из индивидуальных особенностей отметим трёхпалость передних конечностей фигуры кат. № 59 и одной из передних конечностей верхней фигуры изображения кат. № 50. Последняя отличается от остальных ещё одной деталью – выделением суставов.

Направление конечностей в целом соответствует направлению фигуры.

Поза персонажа может быть охарактеризована с большой долей условности. Из всех изображений «агрессивную» динамику демонстрируют фигуры на плакетке (кат. № 50). Остальные изображения достаточно статичны.

Завершая характеристику условно-зооморфных фигур, напомним об их присутствии в композициях с антропоморфными персонажами.

Зооморфная фигура на изображении кат. № 12, «не-сухая» трёх антропоморфов, направлена вправо, имеет маленькую голову с кольцевидным глазом, короткую выгнутую вверх шею, конечности в виде двух выступов и сильно отвисшее брюхо. Среди охарактеризованных выше фигур соответствий не имеет.

Две разнонаправленные профильные фигуры, выстроенные в вертикальной плоскости и размещённые под ногами двух антропоморфных персонажей (кат. № 16), напоминают ящеров пермского звериного стиля. Их сближают приземистые пропорции, узкая удлинённая морда, короткие конечности. Заметим, что присутствие двух ящеров на пермских композициях встречается достаточно редко⁸.

Головы. Представлены тремя изделиями (33,3 %). Одно из них – крайне схематичное профильное изображение головы (?) с большим глазом, оформленным в пониженном рельефе (кат. № 63). Два других изображения (кат. № 61, 62) имеют определённое морфологическое сходство. Они показывают персонажи в ракурсе сверху; при этом изделие кат. № 61 смоделировано в достаточно высоком рельефе, придающем ему определённую объёмность.

Оба изделия демонстрируют голову удлинённых пропорций. Их сближает местоположение глаз; сходный способ их показа повышенным рельефом с углублением в центре (с некоторыми вариациями); наличие удлинённых выступов по контуру, отходящих назад от затылочной области; использование валиков, соединяющих область глаз с краем морды. Оба изображения имеют шею, продолжающую общую линию головы.

Оформление края морды различается. В одном случае (кат. № 61) можно видеть рельефно смоделированный рот наподобие рыбьего с подчеркнута выпуклой верхней губой. На другом изображении (кат. № 62) на краю морды выпуклыми валиками показаны крупные ноздри (?).

Подгруппа 2. Изображения бобров – 16 экз. (47,1 % от общего числа зооморфных изображений).

В эту группу включены как вполне реалистичные изображения, так и в разной степени стилизованные. Последние формально представляют собой условно-зооморфные фигуры; мы объединили их с изображениями бобров в силу общности морфологической и композиционной составляющих.

⁸ **Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. – С. 123 (кат. № 122).

Морфология изображений бобров

Размещение изображений

Половина изображений (8 экз. – 50 %) находятся в «свободном» состоянии, при котором фигуры выражены по контуру и ничем не ограничены. Семь композиций (43,8 %) размещены на плакетках, и лишь одна (6,2 %) заключена в рамку.

Количество фигур на изображении. Преобладают двойные (парные) изображения (13 экз. – 81,3 %), одиночные фигуры представлены на трёх изделиях (18,7%).

Ракурс фигур. В абсолютном большинстве случаев (15 экз. – 93,75 %) фигуры показаны со спины⁹. Лишь на одном изделии (кат. № 49) мы видим контуры двух вертикально поставленных фигур, обращенных друг к другу.

Пропорции фигур. В большинстве случаев (14 экз. – 87,5 %) фигуры можно считать «соразмерными». Одно изображение выглядит укороченным (кат. № 39), одно – удлинённым (кат. № 47).

Голова. О форме головы судить трудно, так как в большинстве случаев она сливается с туловищем. При наличии более или менее высокого рельефа голова всегда выше туловища и конечностей (кат. № 38, 39, 53). Более определённо можно судить об абрисе морды. Среди 13 изделий, на которых фиксируется этот признак, можно говорить об овальных, подтреугольных (сужающихся к краю), подпрямоугольных и трапециевидных очертаниях. На парных изображениях оформление края морды персонажей нередко различается (кат. № 37, 38, 43–45, 47).

Ноздри в виде пары слабо углубленных ямок обозначены на изображениях кат. № 40, 53 (12,5 %).

Нос небольшой выпуклостью выделен на горельефной фигуре кат. № 53. Расположенные на краю морды округлые выпуклости, присутствующие на изображениях кат. № 41, 44, 47, определены нами как носы с большой долей условности (25,0 %).

Глаза показаны на 11 изделиях (68,8 %)¹⁰. Выделяются четыре варианта оформления глаз¹¹.

1. Смоделированы в *повышенном рельефе сплошными выпуклостями*. Представлены на трёх изделиях (27,3 %). Имеют округлую форму.

2. Смоделированы *контурными углублениями с выделением выпуклого зрачка* в центре. Представлены на шести изделиях (54,5 %). В четырёх случаях имеют выраженную ромбовидную форму (кат. № 39, 40, 42, 53). Зрачок при этом может быть округлым или ромбовидным. В двух случаях (кат. № 37, 38) показаны глаза округлой формы. На паре персонажей изображения кат. № 40 глаза показаны по-разному.

3. Смоделированы *выпуклостями с углублением в центре*. Представлены на одном изображении – кат. № 51 (9,1 %).

4. Смоделированы *сквозными отверстиями* на одном изображении – кат. № 52 (9,1 %) (подробнее – см. каталог).

Независимо от способа оформления (исключая вариант 4) глаза чаще всего занимают самую широкую часть головы, в отдельных случаях выступая за контур.

Уши в виде треугольных выступов, сопровождающихся углублением спереди, показаны на горельефной фигуре кат. № 53. Попытку оформления ушей можно увидеть на изображении кат. № 40.

Туловище показано на всех изображениях, но с трудом поддаётся формализации. Среди и реалистичных, и условных изображений можно отметить случаи как будто задуманного оформления туловища – широкого прямого (кат. № 38, 51) или, судя по криволинейному абрису боков, объёмного (кат. № 37, 52, 53). Среди условных фигур отметим наличие столь же условно показанных подчёркнуто узких туловищ (кат. № 41, 47, 48).

Конечности показаны на 14 изделиях (87,5 %). На парных изображениях они соприкасаются или сливаются по центру композиции. Выделяются три варианта направления конечностей.

1. *Направленные вперёд* (в большей или меньшей степени). Представлены на девяти изделиях (64,3 %). Сопровождают как реалистичные (кат. № 37, 38, 51, 53), так и условные (кат. № 41, 43, 44, 49, 52) изображения. Длина их вариативна – от коротких (кат. № 51) до подчеркнуто удлинённых (кат. № 52).

⁹ В это число включена и горельефная фигура кат. № 53, которая фактически имеет пять ракурсов, в которые, разумеется, входит и вид со спины.

¹⁰ При характеристике глаз и остальных физиономических деталей мы опустили изделия кат. № 12, 19, 20. Таким образом, в статистику этих признаков вошло 21 изделие.

¹¹ Как и у антропоморфных фигур, на изделии представлен только один способ моделирования глаз независимо от количества персонажей.

2. Расположенные *перпендикулярно туловищу*. Представлены на трёх условных изображениях (21,4 %) в виде коротких выступов по контуру (кат. № 45–47).

3. *Отведённые назад*. Представлены на двух изображениях (14,3 %) – одном реалистичном (кат. № 42) и одном условном (кат. № 48).

Пальцы показаны на шести изображениях (42,9 %) – пяти реалистичных (кат. № 37, 38, 42, 51, 53) и одном условном (кат. № 48). В тех случаях, когда эта деталь смоделирована достаточно чётко, можно говорить о трёхпалых (кат. № 38, 42, 48, 51) и двупалых (кат. № 37) окончаниях. Любопытно, что на изображении кат. № 38 конечности обозначены только пальцами.

Хвост показан на 13 изображениях (81,3 %). Заметим, что на изображениях, выделенных исключительно по контуру, задняя часть, как правило, совпадает с местом заливки металла, и говорить в этих случаях о форме хвоста трудно. Исключение составляет изображение кат. № 51 с хвостом усечённо-ромбической формы. На трёх изделиях (кат. № 37–39) хвосты персонажей имеют овальную форму, на остальных их можно назвать прямыми. О ширине хвоста можно говорить лишь относительно, так как в большинстве случаев она равна или немного уступает ширине туловища. Лишь на одном изображении (кат. № 47) хвосты немного шире туловищ. Характерная диагональная сетчатость хвоста, условно передающая роговые чешуйки, показана на четырёх реалистичных изображениях (кат. № 37–39, 53).

Поза персонажей определяется достаточно однозначно на всех 16 изображениях (100 %). Горельефная фигура кат. № 53 естественным образом определяется как стоящая на четырёх конечностях. На изделии кат. № 49 персонажи расположены в так называемой геральдической позе: они поставлены вертикально и развёрнуты друг к другу. Во всех остальных случаях изображения демонстрируют персонажей в «плавающем» состоянии. Особенно показательно в этом плане изображение кат. № 40, на поверхности которого смоделированы только головы персонажей, а туловища лишь слегка выступают «из воды».

«Дополнительные» изображения.

На изделии кат. № 42 фигура бобра, расположенная на левой половине плакетки, соседствует с фигурой лягушки. Подробное описание изображения представлено в каталоге; здесь же отметим, что стилистика в передаче обоих персонажей совпадает (одинаковый способ оформления глаз, трёхпалость конечностей).

Напомним также о профильном изображении бобра на изделии кат. № 21 (см. каталог), стилистика которого также соответствует «основному» антропоморфному изображению.

Подгруппа 3. Изображения медведей – 2 экз. (5,9 % от общего числа зооморфных изображений).

Морфология изображений медведей

В обоих случаях персонажи показаны в профиль и направлены влево. Оба изделия плоские, формообразующие части фигур выделены по контуру, детали показаны пониженным рельефом. Помимо этого, их объединяет достаточно реалистичное изображение головы, особенно её верхней линии с выделенным лобным выступом, а также приоткрытая пасть. Сходно оформление глаз (кольцевидным контуром с выпуклым зрачком в центре) и ушей (слабыми выступами по контуру).

Позы различны. Изображение кат. № 54 демонстрирует персонаж в вертикальном положении с опущенными головой и передними лапами. На изображении кат. № 55 животное показано стоящим в профиль на лапах, но его позу в равной степени можно трактовать и как фазу движения. Представляется всё же, что оба персонажа достаточно статичны.

Напомним также о «медведеподобном» оформлении верхней части головы антропоморфной фигуры кат. № 32.

Подгруппа 4. Орнитоморфные изображения – 6 экз. (17,6 % от общего числа зооморфных изображений). Представлены изображениями неусеченных фигур и голов.

Морфология орнитоморфных изображений

Фигуры. Представлены пятью изделиями (83,3 %). Четыре из них (кат. № 64, 66–68) выражены по контуру и представляют одиночные фигуры. Определённым исключением является фигура кат. № 64 с тремя головами. На изделии кат. № 65, представляющем собой плакетку, судя по всему, были размещены две фигуры.

Сохранившаяся фигура изображения кат. № 65 крайне условна. Остальные показаны со стороны груди с расправленными крыльями.

Головы. На двух изделиях показаны en face (кат. № 64, 66), на трёх – повернуты в стороны. В последнем слу-

чае головы двух изображений (кат. № 65, 67) показаны очень условно, в отличие от подчеркнуто профильного положения головы изображения кат. № 68. В двух случаях (кат. № 67, 68) головы повернуты вправо, в одном (кат. № 65) – влево. Все три головы фигуры кат. № 64 имеют округлый абрис; они смоделированы достаточно объёмно и заметно выступают над остальной поверхностью изображения.

Клюв показан на трёх изделиях. Оформление его индивидуально. На фигуре кат. № 66 он обозначен округлой выпуклостью, на трёх головах фигуры кат. № 64 – объёмными выступами. На профильном изображении кат. № 68 клюв сливается с линией головы.

Глаза показаны на трёх изделиях. В двух случаях (кат. № 64, 67) они переданы округлыми/овальными углублениями, в одном (кат. № 66) – каплевидными (острием вниз) выпуклостями.

Туловище чётко оформлено на двух изделиях. На фигуре кат. № 66 показана короткая брюшная часть в виде пластины с вертикальными краями. На изображении кат. № 64 грудная часть с выделенным килем, рельефно отделённая от брюха, занимает центральную часть композиции. Она вертикально вытянута и чётко отграничена от крыльев и хвоста.

Крылья во всех случаях расправлены и направлены вниз. На трёхголовой фигуре кат. № 64 они ориентированы вертикально (параллельно линии туловища). Крылья фигур кат. № 66, 68 имеют прямую внешнюю линию и поставлены диагонально. Общий абрис крыльев изображений кат. № 65, 67 имеет вид дуги, направленной концами вниз.

Хвост показан на всех пяти изделиях. На трёх из них (кат. № 66–68) он имеет трапецевидную форму, на одном (кат. № 64) – подпрямоугольную и ещё на одном (кат. № 65) – овальную.

Оперение отражено на четырёх изделиях. На двух изображениях (кат. № 64, 68) оно показано в рельефе, имеющем в сечении волнообразный вид. На фигуре кат. № 66 крупные маховые перья выделены по контуру. На изделии кат. № 67 детали оперения фрагментарно обозначены в повышенном рельефе.

Конечности показаны на четырёх изделиях. На двух фигурах (кат. № 64, 68) они переданы в поджатом со-

стоянии – небольшими выступами. На двух других изображениях (кат. № 66, 67) – разведены в стороны. Эти два варианта, по сути, маркируют различия позы персонажей. Ноги (лапы) персонажа кат. № 67 имеют трёхпалые окончания, моделирующие когти.

Дополнительное изображение присутствует на изделии кат. № 68. Оно размещено на хвосте персонажа и представляет собой оформленную выпуклым контуром профильную антропоморфную (?) фигуру (см. каталог).

Голова орнитоморфного персонажа представлена в одном экземпляре – кат. № 69. Она смоделирована по контуру, показана в профиль и направлена вправо. Глаз оформлен кольцевидным валиком. Изображение передаёт хищную птицу с приоткрытым клювом.

Напомним также о наличии орнитоморфных изображений на изделиях кат. № 1 и 21. В обоих случаях показана голова хищной птицы в профиль. Морфологически изображения близки вышеописанному изделию кат. № 69.

Подгруппа 5. Инсектоморфные изображения

Столь непривычный термин пришлось ввести для одного, но очень яркого изделия – округлой ажурной бляхи с достаточно реалистичным изображением стрекозы – 2,9 % от общего числа зооморфных изображений (кат. № 70). Отошлём читателя к каталожному описанию – сравнивать изображение не с чем.

ГРУППА 3. ДРЕВОВИДНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

(1 экз. – 1,4 % от общего числа изображений).

Представлено в одном экземпляре, который в особых комментариях не нуждается (кат. № 71). Отметим лишь, что данное изделие, на наш взгляд, напоминает дерево больше, чем все известные «древовидные» кулайские изображения, по поводу которых мы уже высказывались¹².

Заключая раздел морфологии, приведём сводные данные по двум сквозным показателям.

1. *Способ размещения персонажа.* Фигуры в «свободном» состоянии составляют 74,3 %, на плакетке – 14,3 %, в рамке – 11,4 %.

2. *Многофигурность.* Однофигурные изображения составляют 67,2 %, двухфигурные – 27,1 %, трёхфигурные – 5,7 %.

¹² Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н. Кулайские перевёртыши // Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова и Ю.П. Чемякина. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. – С. 138–139.

Результаты исследования взаимосвязи этих признаков по критерию согласия Пирсона¹³ показали наличие статистически значимой взаимосвязи с вероятностью 99,9 % двух пар признаков. Однофигурные изображения коррелируют со свободным положением персонажа ($\chi^2=19,5$), а двухфигурные изображения - с размещением персонажей на плакетке ($\chi^2=21,6$). Добавив к этим расчётам показатель персонажа, мы выяснили, что вторая закономерность, несомненно, персонажицирована: она связана с размещением на плакетке пары бобров. Мы получили трёхвершинный граф, фиксирующий взаимную связь трёх признаков - «две фигуры»/«плакетка»/«бобры» (плакетка/бобры - $\chi^2=14,7$; две фигуры/бобры - $\chi^2=28,2$).

Приведём также наблюдения, фиксируемые на уровне качественных показателей:

- двухголовые изображения свойственны только антропоморфным полупрофильным фигурам;
- изображения, выделенные только по контуру и лишённые каких-либо деталей, встречаются только среди условно-зооморфных фигур.

СТИЛИСТИКА

Морфологический анализ показал значительное разнообразие способов оформления изображений и их деталей в рельефе. Поскольку целью стилистического анализа являлась «сквозная диагностика» коллекции, необходимо было определиться с признаком, присутствующим у максимального числа персонажей, независимо от их «видовой» принадлежности¹⁴. В качестве такого признака мы выбрали способ оформления глаз, который, как выяснилось, во многом является индикатором стилистики изображения в целом.

В эту выборку вошли 53 изображения¹⁵.

Стилистическая группа 1 (ил. 1). Персонажи, глаза которых показаны *сплошным выпуклым рельефом* (16 экз. - 30,2 %). Глаза, смоделированные таким образом, присутствуют на 11 антропоморфных фигурах (кат. № 11, 12, 15, 17, 23-27, 31, 33), на одной условно-зооморфной фигуре (кат. № 59), на трёх изображениях бобров (кат. № 41, 44, 47) и на одной орнитоморфной фигуре (кат. № 66).

Форма глаз чаще всего округлая, реже - овальная. Сопровождают изображения, на которых абсолютно преобладает повышенный рельеф - как в передаче основных частей фигур, так и деталей. По меньшей мере, на восьми антропоморфных изображениях этой группы глаза и рот относительно изоморфны.

Стилистическая группа 2 (ил. 2). Персонажи с глазами в виде *кольцевидных выпуклых контуров, моделирующих «углубленный» зрачок* (8 экз. - 15,1 %). Глаза, смоделированные таким образом, присутствуют на четырёх антропоморфных фигурах (кат. № 13, 18, 22, 32), на двух условно-зооморфных изображениях (кат. № 61, 62), на одной фигуре бобра (кат. № 51) и на одном орнитоморфном изображении (кат. № 69).

Форма глаз чаще всего округлая и овальная; в двух случаях - близка к подпрямоугольной. Сопровождают изображения с преобладанием повышенного рельефа. Из четырех антропоморфных изображений лишь на одном наблюдается относительная изоморфность глаз и рта (кат. № 18). В остальных случаях они морфологически различны, хотя рты также выполнены в повышенном рельефе.

На одном из глаз изображения кат. № 62 в центре выпуклого кольцевидного контура находится выпуклый зрачок. Известны аналоги такого оформления глаз¹⁶.

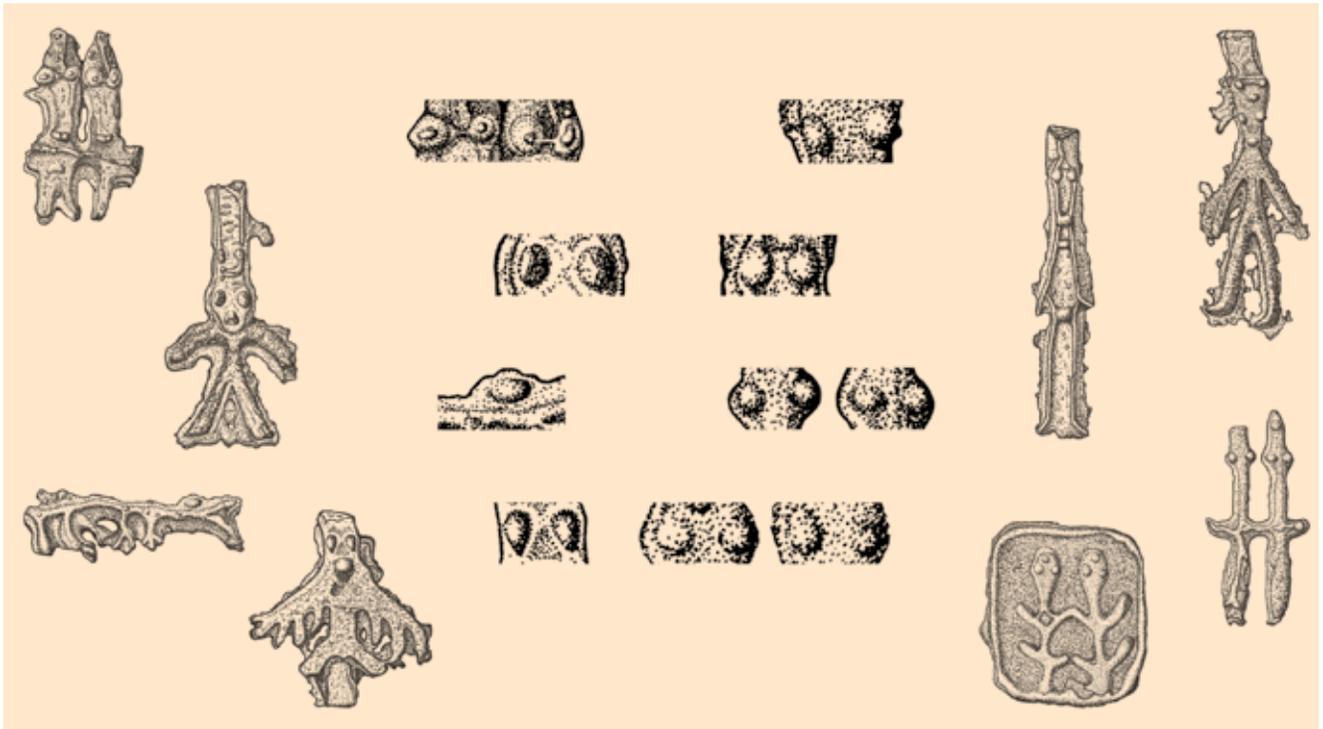
Стилистическая группа 3 (ил. 3). Персонажи с глазами в виде *кольцевидных углублений, моделирующих*

¹³ **Фёдоров-Давыдов Г.А.** Статистические методы в археологии. - М.: Высшая школа, 1987.

¹⁴ Попытка классифицировать изделия по наличию и высоте/глубине рельефа с использованием признаков «повышенный рельеф», «повышенный и пониженный рельеф», «пониженный рельеф» и «отсутствие рельефа» привела к дробной двухуровневой группировке, имеющей сугубо формальный характер и отстоящей от специфических черт стилистики персонажей. Тем не менее некоторые наблюдения, вытекающие из этой классификации, будут приведены в работе.

¹⁵ Это составляет 75,7 % от общего числа изображений. В выборку не вошли 17 изображений (24,3 %). Это фигуры, у которых недолиты или обломаны головы, а также изображения, у которых глаза не показаны либо «недооформлены». По персонажам эти изображения распределились следующим образом: 3 антропоморфные фигуры (кат. № 19, 20, 34), 5 условно-зооморфных изображений (кат. № 50, 56, 57, 60, 63), 5 изображений бобров (кат. № 43, 45, 46, 48, 49), 2 орнитоморфные фигуры (кат. № 65, 67). Заметим, что на условно-зооморфном изображении кат. № 63 как будто показан глаз, но оформление его индивидуально. Кроме того, были исключены бляха с фигурой стрекозы (кат. № 70) и древовидное изображение (кат. № 71).

¹⁶ **Бауло А.В.** Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. - С. 68 (кат. № 80).

Ил. 1. Городище Няксимволь. Стилистическая группа 1

Ил. 2. Городище Няксимволь. Стилистическая группа 2

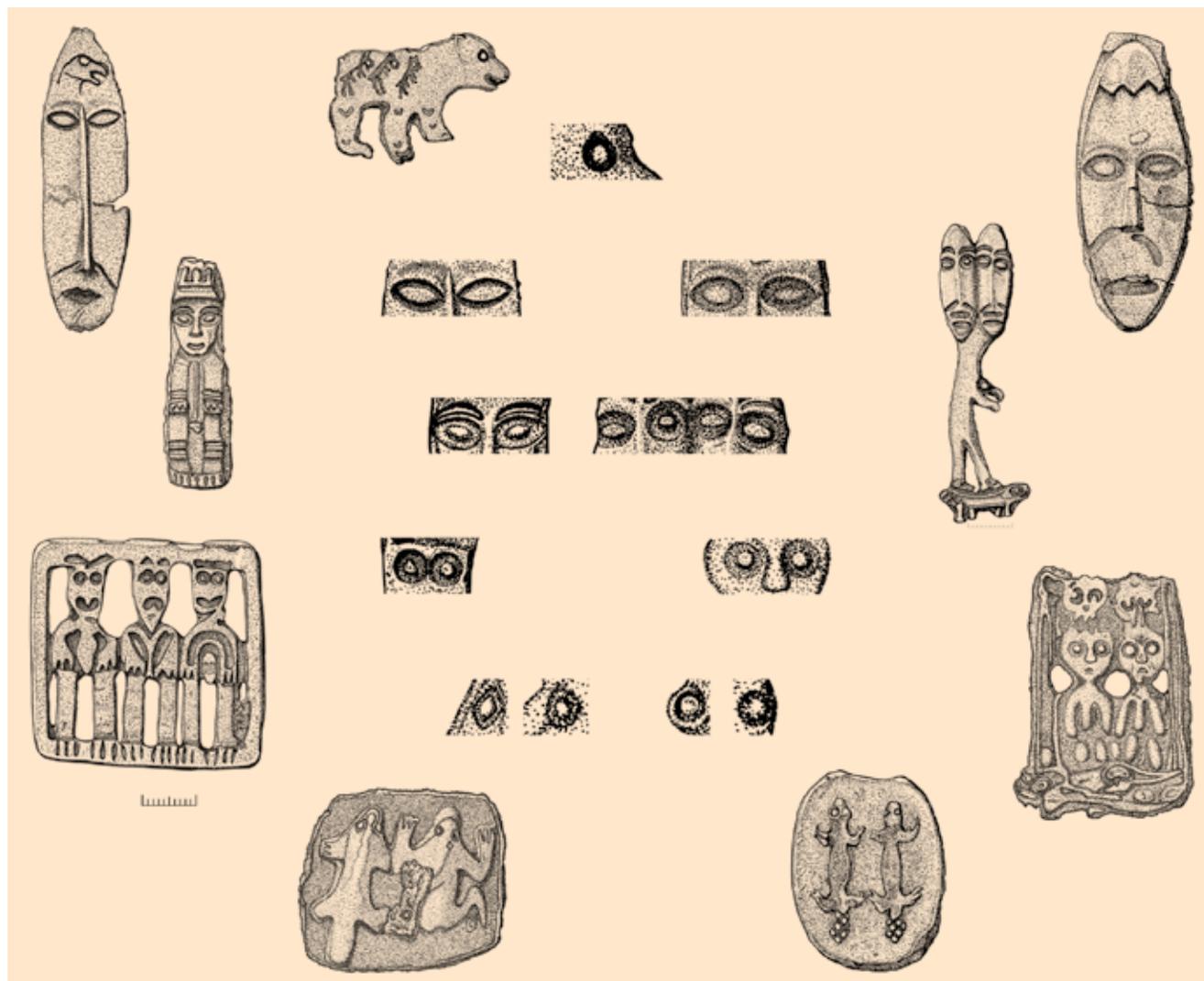

«вытуклый зрачок» (23 экз. – 43,3 %). Глаза, смоделированные таким образом, присутствуют на 15 антропоморфных изображениях – восьми личинах (кат. № 1–5, 8–10) и семи фигурах (кат. № 14, 16, 21, 28, 29, 30, 35), на шести изображениях бобров (кат. № 37–40, 42, 53) и на обоих изображениях медведя (кат. № 54, 55).

Форма глаз различается по группам персонажей. Антропоморфные изображения в большинстве случаев (13 экз.) сопровождаются глазами миндалевидной/овальной/линзовидной формы; на остальных трёх глаза округлые. На изображениях бобров в трёх случаях фиксируется ромбическая форма глаза, в двух – округлая (на

разных фигурах изображения кат. № 40 отмечены обе формы глаз). Форма глаз медведей близка к округлой.

Рельеф изделий различен. К данной стилистической группе относятся все известные в коллекции плоские изделия с преобладанием пониженного рельефа – два антропоморфных изображения в рамке (кат. № 14, 35) и обе фигуры медведя (кат. № 54, 55). Основная часть изделий демонстрирует сочетание повышенного и пониженного рельефа. Повышенный рельеф при этом достаточно объёмен – от резко выступающих носов личин до барельефных и горельефных изображений бобров.

Ил. 3. Городище Няксимволь. Стилистическая группа 3

На антропоморфных изображениях этой стилистической группы форма рта ни в одном случае не соответствует форме глаз, хотя рты также выполнены в пониженном рельефе.

Стилистическая группа 4 (ил. 4). Персонажи, глаза которых показаны *ямками* (3 экз. – 5,7 %). Глаза, смоделированные таким образом, присутствуют на одном условно-зооморфном изображении (кат. № 58) и двух орнитоморфных изображениях (кат. № 64, 68).

Форма глаз округлая и овальная. Сопровождают изделия с повышенным рельефом – от слабо повышенного до достаточно объёмного (кат. № 64).

Стилистическая группа 5 (ил. 5). Персонажи, глаза которых показаны *отверстиями* (3 экз. – 5,7 %). Глаза, смоделированные таким образом, присутствуют на двух личинах (кат. № 6, 7) и на одной условной фигуре бобра (кат. № 52).

Форма глаз на личинах близка к овальной. На обоих изделиях присутствует повышенный рельеф (в оформлении носа). Рты относительно изоморфны глазам и также показаны отверстиями. На изображении бобра глаза имеют округлую форму.

Подчеркнем наблюдения, фиксируемые на уровне качественных показателей:

- на орнитоморфных изображениях отсутствуют глаза стилистической группы 3;
- на антропоморфных изображениях отсутствуют глаза стилистической группы 4.

После выделения стилистических групп мы присоединили этот показатель к расчётам взаимосвязи при-

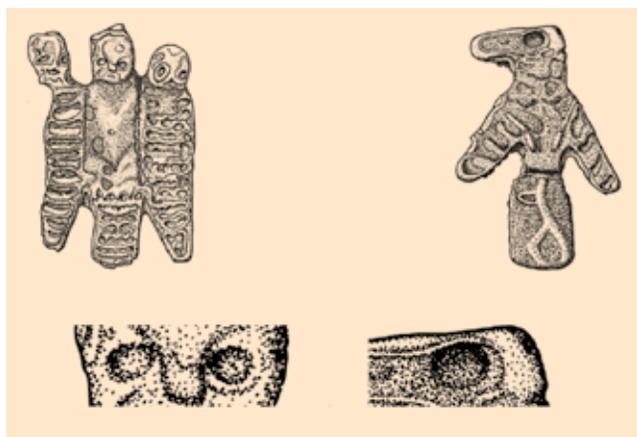
знаков¹⁷. Таким образом, коррелировались показатели стилистики глаз, размещения персонажа и многофигурности изображения (всего 13 признаков).

В результате выяснилось: стилистика изображений, индицируемая способом оформления глаз, не связана ни с персонажем, ни с количеством фигур, ни со способом оформления фигуры в пространстве. Более того, анализ отрицательных «связей» не выявил признаков, которые исключали бы друг друга. Всё это свидетельствует о стилистической монолитности коллекции на уровне тенденции. Иначе говоря, базовые варианты стилистики глаз (группы 1–3) являются сквозными для основных групп (и подгрупп) изображений.

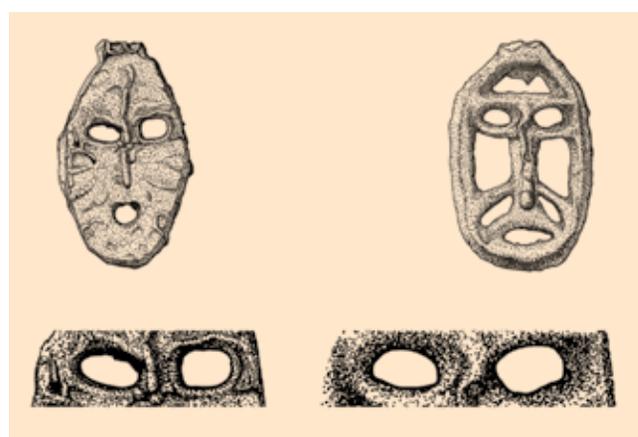
ИКОНОГРАФИЯ

Иконография как система изображения персонажей или сюжетных сцен в принципе не связана со стилистикой, являющейся «внетекстовой» составляющей изображения. Иконография привязана к персонажу, стилистика – к морфологии. Отчасти стилистика зависит от материала, отчасти обусловлена традицией, которая может в каждом конкретном случае иметь культурное или/и хронологическое наполнение.

Культурологически иконография устойчивее стилистики, и во многом именно она определяет изобразительную традицию. При этом иконография и стилистика *могут* находиться в жесткой или вероятностной связи друг с другом, и тогда можно говорить о стилистико-иконографическом типе, существовавшем в определённом

Ил. 4. Городище Няксимволь. Стилистическая группа 4

Ил. 5. Городище Няксимволь. Стилистическая группа 5

¹⁷ К расчётам были привлечены стилистические группы 1, 2, 3 (группы 4 и 5 статистически малочисленны).

ном месте и в определённое время. Рассмотрим иконографию антропоморфных изображений и изображений бобров¹⁸.

Иконография антропоморфных изображений

Учитывая достаточно большое разнообразие поз, определяемых положением конечностей, при преобладании расположения *en face* в свободной позе (см. выше), мы акцентировали внимание на иконографии головы персонажей, объединив изображения на личинах и фигурах. Поскольку морфологическая характеристика этих изображений дана выше, перейдем непосредственно к резюмирующей части.

Результаты морфологического анализа позволили выделить *два варианта иконографии антропоморфных изображений по степени их детализации*.

Вариант 1. «Минимальная» иконография (ил. 6–1). Редуцирована до уровня «глаза + рот». Сопряжена с аморфной головой. Небольшие глаза округлой и овальной формы «соразмерно» размещены на плоскости личины. Глаза и рот относительно изоморфны.

Вариант 2. «Максимальная» иконография (ил. 6–2). Помимо глаз и рта, показаны надбровные дуги (брови) и носогубные морщины. Глаза и нос «топографически» сопряжены – глаза «приурочены» к основанию носа (переносице). Глаза большие, преимущественно миндалевидные (овальные/линзовидные); в месте своего рас-

положения они занимают почти всю плоскость личины, тяготея к месту её максимального расширения. Изоморфность глаз и рта отсутствует. Нос «антропоморфный». Длина его (от короткого до удлинённого) отчасти обусловлена высотой личины, отчасти – местом расположения глаз.

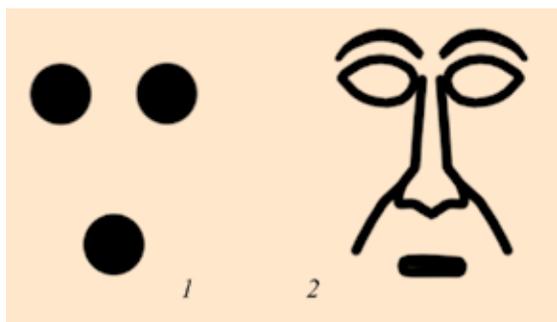
Данная иконография сопровождает персонажи с головой *вытянутой овальной и пропорциональной полуовальной* формы.

Здесь уместно сообщить, что именно второй вариант иконографии избран для персонажей на бронзовом зеркале из Няксимволя¹⁹ (ил. 8), а также на бронзовых зеркалах из Нижнего Приобья²⁰.

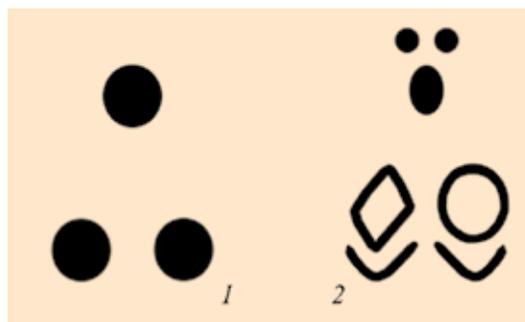
Соотнесение выделенных стилистических групп изображений с вариантами иконографии выявило связь между ними. Это позволило говорить о наличии *двух стилистико-иконографических типов антропоморфных изображений*²¹.

Первый стилистико-иконографический тип. Определяется связью *стилистической группы 1* и сопровождающего её слабо повышенного рельефа всего изображения с «минимальной» иконографией *варианта 1*.

Второй стилистико-иконографический тип. Определяется связью *стилистической группы 3* и сопровождающей её высокорельефной (в передаче деталей – разнорельефной) стилистикой всего изображения с «максимальной» иконографией *варианта 2*.

Ил. 6. **Городище Няксимволь.** Схема минимальной (1) и максимальной (2) иконографии антропоморфных изображений

Ил. 7. **Городище Няксимволь.** Схема минимальной (1) и максимальной (2) иконографии изображений бобров

¹⁸ Говорить об иконографии остальных групп изображений как о системе пока не приходится ввиду малого количества изображений и их вариативности.

¹⁹ Фонды Свердловского областного краеведческого музея, № 8934/1.

²⁰ Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: ГалаПресс, 2002. – С. 45 (кат. № 3), 53 (кат. № 7), 55 (кат. № 8), 69 (кат. № 15), 71 (кат. № 16), 80 (кат. № 21).

²¹ Подчеркнём, что и варианты иконографии, и стилистико-иконографические типы проявляют себя на уровне тенденции.

Сюжетная сторона иконографии антропоморфных изображений выражена двумя основными способами.

1. Наличием парных и тройных изображений и различием деталей иконографии их персонажей (напр., кат. № 14: «скорбящий» рот центрального персонажа и «улыбающиеся» рты боковых).

2. Наличием дополнительных изображений. Их соотношение с основным персонажем в плане стилистики и иконографии выражается в следующем:

- наголовные изображения свойственны обоим вариантам иконографии и, соответственно, обоим стилистико-иконографическим типам;
- стилистика наголовных изображений соответствует стилистике основных персонажей;
- зооморфные фигуры в ногах встречены только у персонажей второго варианта иконографии и, соответственно, второго стилистико-иконографического типа.

Иконография изображений бобров

Иконография бобров демонстрирует исключительное единообразие ракурса изображений (со спины) и положения конечностей (преимущественно вытянутых вперёд). Вместе с тем нельзя не отметить наличие изображения (кат. № 49), персонажи которого размещены вертикально и обращены друг к другу. Заметим, что такая композиция получает широкое распространение на севере Западной Сибири в раннем Средневековье.

Результаты морфологического анализа позволили выделить *два варианта иконографии* изображений бобров по степени их детализации.

Вариант 1. «Минимальная» иконография (ил. 7–1). Крайне схематичная передача персонажа. Глаза округлые, изоморфные носу (в ряде случаев не показаны вовсе). Конечности преимущественно беспальные. Хвост (широкий или узкий) выделен по контуру или в рельефе.

Вариант 2. «Максимальная» иконография (ил. 7–2). Детализированная передача персонажа. Глаза ромбической, реже – округлой формы. Показаны нос, рот, ноздри, уши; выделено туловище. Оформлены пальцы. На хвосте кривой сеткой обозначены роговые чешуйки.

Соотнесение стилистических групп изображений с вариантами иконографии выявило связь между ними и позволило говорить о наличии двух *стилистико-иконографических типов* изображений бобров.

Первый стилистико-иконографический тип. Определяется связью *стилистической группы 1* и сопровождающего её слабо повышенного рельефа всего изображения с «минимальной» иконографией *варианта 1*.

Второй стилистико-иконографический тип. Определяется связью *стилистической группы 3* и сопровождающей её высокорельефной (в передаче деталей – разнорельефной) стилистикой всего изображения с «максимальной» иконографией *варианта 2*.

Сюжетная сторона иконографии изображений бобров выражена двумя основными способами:

1. Наличием парных изображений и различием деталей иконографии их персонажей (напр., морфологические различия фигур изображения кат. № 48; различия в оформлении хвостов на изображениях кат. № 38, 39; наличие ромба на спине одной из фигур изображения кат. № 41).
2. Наличием «дополнительных» изображений. В дан-

Ил. 8. **Городище Няксимволь.** Прорисовка изображений бронзового зеркала. Личина (3) нанесена поверх группового изображения (2)

ном случае речь идёт о вполне «равноправном» изображении лягушки на изделии кат. № 42.

Нельзя не обратить внимания ещё на одну особенность иконографии бобров. Из всех персонажей только у них встречается ромбическая форма глаза. В сочетании с изображением ромба на спине одного из персонажей и ромбической сеткой хвостов эта геометрическая фигура в данной совокупности изображений выглядит как «признак» бобра.

Не требуется дополнительных экспликаций, чтобы констатировать определённое сходство антропоморфных изображений и изображений бобров. Явная стилистическая близость в их оформлении (только они «тяготеют» к объёмным изображениям) дополняется иконографическими соответствиями в способе передачи глаз²². Не может остаться без внимания и сходство стилистико-иконографических типов этих персонажей. Во всяком случае, эту информацию нельзя будет не принять во внимание при решении вопроса об одновременности (или разновременности) няксимвольской коллекции.

Завершая раздел об иконографии изображений Няксимволя, отметим одну особенность, объединяющую персонажи. Это трёхпалость конечностей. Она встречается на изображениях всех подгрупп и явно доминирует над двухпалостью отдельных фигур.

Металлопластика Няксимволя проанализирована нами как одна совокупность исключительно в целях её внутренней дифференциации. Выделенные стилистические группы и стилистико-иконографические типы могут отражать закономерности хронологического, культурного и локального свойства. Не исключена возможность их культурно-хронологической взаимосвязи и, соответственно, атрибуции. Они могут соотноситься с выделенными Ю.В. Шириным хронологическими группами инвентаря Няксимволя²³, а могут и не соотноситься, причем по многим причинам.

ПЕРСОНАЖИ

Антропоморфные персонажи

На нынешнем уровне изучения мы не можем каким-либо способом (кроме формального) дифференцировать антропоморфные персонажи (как, впрочем, и все остальные). Мы не сможем определить, кто перед нами – разные персонажи или один персонаж в различных ситуациях. Определённые различия в иконографии и сюжетной стороне парных и тройных изображений дают возможность предполагать, что одиночные изображения тоже передают разных персонажей (разумеется, не в каждом случае!). Об этом же свидетельствует то, что наголовные изображения разные (особенно в случаях, когда они более или менее чётко оформлены (напр., кат. № 1, 2, 16, 28, 32)). Прямые аналоги няксимвольским антропоморфным персонажам с изображениями повернутой головы нетрудно увидеть в сценах, процарапанных на бронзовых зеркалах Нижнего Приобья. Мы полагаем, что в обоих случаях перед нами персонажи одних и тех же мистерий.

Попытка формальной дифференциации персонажей привела нас к следующему делению.

1. Персонажи, представленные группами.

– Персонажи en face без дополнительных изображений.

– Персонажи en face с наголовным изображением (маской на голове?).

– Полупрофильные персонажи, обозначенные выше как «пляшущие». Их ракурс, динамичная поза, а также «закольцованные» руки (одного из них) побудили нас к сопоставлению данных персонажей с «дополнительными» изображениями, представляющими собой «шестую» профильные фигуры с выставленными вперёд, нередко закольцованными руками. Впервые на эти персонажи обратила внимание С.Н. Панина; ею же приведены аналогии этому сюжету²⁴. Мы, разумеется, не уверены, что это именно антропоморфные фигуры. Вместе с тем

²² Зафиксированная во втором варианте иконографии антропоморфных изображений особенность, при которой глаза занимают почти всю плоскость личины при тяготении к месту её максимального расширения, прослеживается на некоторых изображениях второго варианта иконографии бобров (кат. № 37, 40, 42). Более того, эта особенность фиксируется и в первом варианте иконографии бобров; здесь глаза нередко выделены ещё и по контуру. Отметим, помимо этого, что оформление глаз отверстиями встречено только на двух личинах и одном изображении бобра.

²³ **Ширин Ю.В.** Хронологические аспекты концепции Обь-Иртышской историко-культурной общности эпохи раннего железа // II Северный археологический конгресс. Доклады. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С.

²⁴ **Панина С.Н.** Новые находки на памятник Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 99–103.

элементы морфологического сходства и соответствие ракурса обозначенных «основных» и «дополнительных» изображений дают возможность предположить, что они представляют одни и те же персонажи (ил. 9).

2. Единичные персонажи.

- Персонажи en face (два) с ящерами в ногах
- Персонажи en face (три) на зооморфной профильной фигуре.
- Персонаж en face с трёхлучевой «коронай».
- Полупрофильные персонажи в позе «рукопожатия».
- Полупрофильный персонаж, «стоящий» на (плывущем?) бобре.
- Полупрофильный «сидящий» персонаж²⁵.

Зооморфные персонажи

- Профильные персонажи с широко раскрытой пастью. Идентификация их затруднительна. Можно лишь предположить, что они изображают хищников с признаками «агрессивности».
- Персонажи, показанные сверху (головы). По этому признаку могут быть сопоставлены с группой персонажей, имеющих облик бобров.

Бобровидные персонажи

1. Персонажи, представленные группами.
  - Персонажи, показанные со спины в «плывущем» состоянии. Полагаем, что здесь необходимо выделить именно парные изображения, фиксирующие двух персонажей в единой композиции.
2. Единичные персонажи.
  - Персонажи в «геральдической» позе.

Медведеподобные персонажи

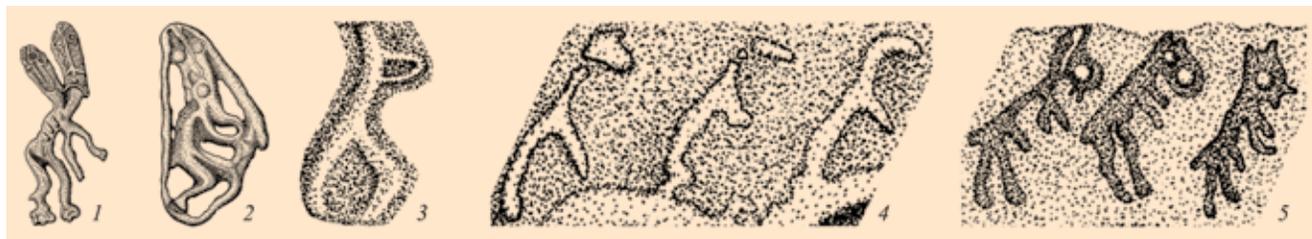
- Профильный персонаж, «стоящий» на задних лапах.
- Профильный персонаж, «стоящий» («идущий») на всех лапах.

Орнитоморфные персонажи

В силу их малого количества и определённой индивидуальности можно говорить лишь о сходстве позы – en face с расправленными крыльями. Насколько существенны в этом плане различия разведённых и поджатых ног, сказать трудно. Нельзя не отметить, что трёхголовое изображение, по-видимому, передает персонаж, отличный от других. Три профильных персонажа (два из которых «дополнительные») определённо передают облик хищной птицы.

Инсектоморфный персонаж

Персонаж в облике стрекозы. Единственная (далёкая, но весьма показательная) аналогия ему известна из этнографии по статье Е.А. Алексеенко о шаманстве у кетов. Приведём цитату полностью: «Вместе с тем в народе сохранялась память об особой категории шаманов (дун’д – ‘стрекоза’), действия которых скорее носили характер культового обряда, а высокий ранг и престижность определялись тем, что они были связаны исключительно с особым сакральным миром, и их воображаемые покровители занимали верховное положение в пантеоне. В рассказах кетов эти шаманы предстают как легендарные, почитаемые и «великие» – в отличие от просто «больших» шаманов других категорий (т. е. прошедших полный цикл становления)»²⁶. Оставим это совпадение без комментариев, хотя согласимся, что оно достаточно любопытно.

Ил. 9. **Городище Няксимволь.** «Шествующие» персонажи (1 – № 22; 2 – № 33; 3 – № 68; 4 – № 2; 5 – № 55). Изображения № 2 и 55 отображены зеркально

²⁵ Дифференцировать персонажи парных и тройных антропоморфных изображений, на наш взгляд, преждевременно по причине малочисленности таких изделий.

²⁶ **Алексеев Е.А.** Этнокультурные аспекты изучения шаманства у кетов // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л.: Наука, 1984. – С. 51.

СРАВНЕНИЕ И АНАЛОГИИ

Мы не станем касаться вопросов хронологии някимвольской коллекции металлопластики, тем более что результаты нашего исследования не дают по этой теме определённой информации. Данный вопрос должен решаться в тесной связи с датировкой памятника в целом.

В свете проделанной нами работы наиболее актуален вопрос о культурной принадлежности данной коллекции и неизбежно вытекающая из него проблема культурной дефиниции металлопластики лесного Зауралья и Нижнего Приобья.

Выделение кулайской «культурно-исторической общности» и распространение её на весь Север Западной Сибири обозначили тенденцию рассмотрения усть-полуйской культуры как варианта кулайской и, соответственно, «усть-полуйского литья» - как варианта кулайского²⁷. Косвенно этому способствовало выделение «кулайской триады»²⁸.

В контексте этой парадигмы есть смысл сравнить некоторые показатели кулайской и «някимвольской» металлопластики.

Размеры

Этот показатель имеет во многом формальный характер, но результаты сравнения любопытны. В литературе уже упоминалось о том, что в Нижнем Приобье преобладает относительно миниатюрное литье²⁹. Перевод этого наблюдения на язык цифр показал, что ситуация не столь однозначна. Среднее арифметическое максимальной длины/высоты изделия кулайской металлопластики составляет 9,97 см³⁰. Напомним, этот показатель по Някимволю – 3,69 см. Таким образом, изделия кулайской культуры в среднем в 2,7 раза больше по размерам изделий из Някимволя. Средняя высота

антропоморфных фигур с городища Ус-Нёл составляет 3,93 см³¹, что близко показателям Някимволя. Однако группа профильных фигур бобров, происходящая из «клада» на мансийском святилище *Йитыг-ойки* близ п. Хурумпауль, имеет совсем другие размеры - их средняя длина составляет 13,4 см³². Изделия Вуграсян-Вада имеют среднюю длину 7,1 см³³. Оценить данную ситуацию трудно. Она может отражать определённые традиции, сложившиеся в каждом конкретном месте или (в случае серийно малых размеров) являться следствием экономики металла. Мы склоняемся к первому варианту.

Ажурность

В някимвольской коллекции изделия, обладающие в той или иной степени признаками ажурности, составляют 31,4 %. На первый взгляд, это немало. Однако у большинства ажурных изображений Някимволя ажурность несколько другого свойства, чем на востоке кулайского ареала. Она проявляется в наличии свободного от металла пространства *между* парными и тройными изображениями, *между* фигурами и рамками, *между* конечностями фигур. В Томско-Нарымском Приобье такая ажурность тоже присутствует, но там есть и ещё одна – специфическая «скелетная» ажурность, проявляющаяся в «сквознине» при передаче деталей *внутри* туловищ и голов персонажей. В этом плане в полной мере ажурными можно считать лишь личины кат. № 6 и 7 Някимволя (и, возможно, изделия кат. № 2 и кат. № 52). Отметим, что кулайская «скелетная» ажурность тоже не абсолютна. Она, безусловно, доминирует на изображениях лосей и хищников. Однако на антропоморфных изображениях восточного ареала культуры нам известны лишь около шести фигур такого рода. Ажурные личины вообще единичны.

²⁷ **Чемякин Ю.П.** Усть-полуйская или кулайская? (О металлопластике усть-полуйской культуры) // Археология Арктики. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 176.

²⁸ **Борзунов В.А., Стефанова Н.К.** Кулайский «посёлок из одного двора» на Барсовой горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. тр. / под ред. А.Я. Труфанова. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – С. 102.

²⁹ **Чемякин Ю.П.** Усть-полуйская или кулайская?... – С. 178.

³⁰ Для подсчётов были привлечены 210 целых изделий, происходящих из Барнаульского, Новосибирского и Томско-Нарымского Приобья. Крайние значения – 35,0 см и 3,0 см – были отсечены.

³¹ Отсечены крайние значения – 2,3 см и 6,5 см.

³² Отсечены крайние значения – 6,5 см и 20,0 см.

³³ Отсечены крайние значения – 3,8 см и 13,0 см. Просчитано по масштабированным до натуральной величины рисункам В.Ф. Старкова. См.: **Старков В.Ф.** Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 210–216. Рис. 2–8.

Заметим, кстати, что причудливый контур изображения не имеет отношения к понятию «ажурность». Слово «ажурный» В.И. Даль определяет как «... со сквозниною, сквозничный, прорезной, дырчатый; о золотой, серебряной работе: сквозной и узорочный, решёткою, узорочными ячейками»³⁴. В этом смысле изделие кат. № 19 Няксимволя, определённое С.Н. Паниной как ажурное³⁵, таковым не является.

Стилистика и иконография

Не имея возможности остановиться на различиях (их много, и они принципиальны), отметим сходство, фиксируемое на групповом уровне. *Первый стилистико-иконографический тип* няксимвольских изображений голов антропоморфных персонажей, характеризующийся «минимальной» иконографией (изоморфные глаза и рот) и слабо повышенным рельефом, находит определённые соответствия в *первом иконографическом типе* «восточно-кулайских» изображений, на которых «из всех возможных деталей присутствуют изоморфные глаза и рот, показанные сплошными округлыми выпуклостями»³⁶. Мы не готовы объяснить это сходство. Заметим лишь, что, по нашим предположениям, первый иконографический тип личин/голов восточного ареала восходит к эпохе средней бронзы и является генетически наиболее древним³⁷. Возможно, это предположение поможет стратификации металлопластики Няксимволя.

Персонажи

Количественная статистика «распределения культового литья» по регионам лесной зоны Западной Сибири

не так давно была проведена Ю.П. Чемякиным³⁸. Несмотря на некоторую неполноту, она даёт представление о соотношении ведущих персонажей металлопластики на «макроуровне». Основные различия очевидны: отсутствие изображений лося и значительное количество изображений бобра³⁹ на западе региона.

* * *

Сравнение металлопластики *по персонажам* в пределах таёжного Зауралья и Нижнего Приобья, проведённое Ю.П. Чемякиным⁴⁰, представляется нам малопродуктивным. Во-первых, большинство изделий происходит из плохо документированных сборов (это мягко сказано!); во-вторых, мы встречаемся с достаточно интересным явлением, которое можно условно обозначить как «монопersonажность» этих «коллекций». При этом преобладание одного персонажа в «коллекции» нередко сопровождается определённым единством стилистики и иконографии этих изображений, характеризующимся существенным своеобразием. Приведем примеры

- Городище Ус-Нёл (бассейн р. Северной Сосьвы). Из сборов происходят 68 антропоморфных фигур en face⁴¹: 67 из них выполнены в стилистике групп 1 и 2 и лишь одно⁴² – в стилистике группы 3. Из случайных находок известны два изображения бобров в ракурсе снизу⁴³.
- «Клад» на мансийском святилище близ п. Хурумпауль (бассейн р. Ляпина). Из сборов на площади 1 кв. м происходят 28 массивных объёмных голов бобров⁴⁴ и 12 плоских профильных изображений туловищ этих же животных (?)⁴⁵;

³⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – С. 7.

³⁵ Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь... – С. 99, 102 (рис. 2–б).

³⁶ Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литьё кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2003. – С. 16.

³⁷ Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литьё... – С. 21; Погодин А.И., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уралское изд-во, 2008. – С. 202.

³⁸ Чемякин Ю.П. Усть-полуйская или кулайская?... – С. 176–180.

³⁹ К сожалению, в табл. 1 работы Ю.П. Чемякина изображения бобров не выделены. Возможно, они поместились в графе «другие зооморфы/гады».

⁴⁰ Чемякин Ю.П. Усть-полуйская или кулайская?... – С. 179 (табл. II).

⁴¹ Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 59–65 (кат. № 4–71).

⁴² Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 59 (кат. № 4).

⁴³ Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 156 (кат. № 234), 157 (кат. № 235).

⁴⁴ Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 128–141 (кат. № 178–205).

⁴⁵ Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 146–152 (кат. № 215–226). Особенностью этой группы фигур является наличие дополнительных изображений.

– Вуграсян-Вад (бассейн р. Ляпина). Из сборов на площади 1 кв. м происходят 90 плоских профильных фигур и два полых изображения бобров (?)⁴⁶.

Другую ситуацию демонстрируют находки в п. Хурumpaуль (бассейн р. Ляпина). На «третьем участке» размерами 2,0×0,5 м А.В. Бауло собрана небольшая коллекция бронзовых изделий (ил. 10), среди которых – антропоморфные фигуры и личины, изображения бобров, медведей⁴⁷. На сегодняшний день это третья в регионе «многоперсонажная» коллекция (после Усть-Полуя и Няксимволя).

Заметим, что с точки зрения статистики состав персонажей даже на раскопанных памятниках носит характер случайной выборки, в отличие от стилистико-иконографических показателей, имеющих «сквозной» характер. Помня об этом, сравним стилистику и иконографию металлопластики Няксимволя и Усть-Полуя. В настоящее время это единственные памятники, сравнение которых наиболее корректно на групповом уровне – оба, по всей видимости, представляют собой долговременные культовые места.

Иконография антропоморфных изображений Усть-Полуя близка «максимальной» иконографии Няксимволя. Выделение носа, показ носогубных морщин, дополняется наличием наголовных изображений⁴⁸. «Минимальный» вариант иконографии няксимвольских изображений в Усть-Полуе пока не встречен. Любопытно определённое отличие иконографии орнитоморфных изображений: в Усть-Полуе как будто отсутствует поза с разведёнными в стороны ногами, на всех фигурах они

поджаты⁴⁹. Из отдельных аналогий отметим морфологическое сходство трёхголовых орнитоморфных фигур, дополняемое стилистической близостью оформления оперения⁵⁰. Среди крайне немногочисленных изображений бобров на Усть-Полуе лишь единожды встречен ракурс со спины⁵¹.

Из выделенных нами *стилистических групп* сходство наблюдается только по линии изображений стилистической группы 3. Судя по опубликованным материалам, в Усть-Полуе не найдены изображения стилистической группы 1 (со сплошным выпуклым рельефом), и известно лишь одно изображение (медведя), оформленное выпуклым контурным рельефом (стилистическая группа 2)⁵². В свою очередь, оформление глаз усть-полуйских изображений нередко демонстрирует более сложную стилистику, чем у няксимвольских⁵³. Заметим, что отмеченное сходство стилистики в оформлении глаз носит вполне статистический характер: в Няксимволе стилистическая группа 3 составляет 43,4 % и, как будто, преобладает в Усть-Полуе. Более того, такой способ оформления глаз (кольцевым углублением, моделирующем «выпуклость» в центре) доминирует на *костяных и деревянных* изделиях Усть-Полуя, сопровождая зооморфные и орнитоморфные изображения⁵⁴.

Обращаясь для сравнения к другим коллекциям, приведем следующие наблюдения:

– Ни на одном другом памятнике или «местонахождении», кроме Няксимволя, мы не видим сочетания двух выделенных нами стилистико-иконографических типов изображений.

⁴⁶ Старков В.Ф. Новые находки плоского литья... – С. 208–219.

⁴⁷ Бауло А.В. Древняя бронза... – С. 66 (кат. № 72–77), 121 (кат. № 166, 167), 153–156 (кат. № 228–233), 159 (кат. № 239). На ил. 10 помещены все находки с «участка 3», включая бронзовое зеркало и обломки зеркал с граффити – С. 232 (кат. № 365), 239 (кат. № 372), 242 (кат. № 375).

⁴⁸ Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – С. 20 (кат. № 26), 22 (кат. № 32, 33), 24 (кат. № 37).

⁴⁹ Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 16 (кат. № 15), 17 (кат. № 16), 18 (кат. № 20), 20 (кат. № 27), 21 (кат. № 29, 30), 22 (кат. № 31), 24 (кат. № 38).

⁵⁰ Ср. Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 21 (кат. № 29) и № 64 Няксимволя.

⁵¹ Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 29 (Кат. № 53).

⁵² Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 23 (Кат. № 34).

⁵³ Напр.: Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 20 (кат. № 27), 22 (кат. № 33). Подчеркнём, что различий на «индивидуальном» уровне (в основном – в иконографии персонажей) намного больше.

⁵⁴ Усть-Полуй: I век до н.э... – С. 37 (кат. № 86), 38 (кат. № 87), 41 (кат. № 100), 44–48 (кат. № 114–123), 49–50 (кат. № 125–127), 66 (кат. № 188), 68 (кат. № 194). Этот способ показа глаз на усть-полуйских изображениях нередко дополнен выделением зрачка небольшой ямкой.

Ил. 10. Сборы близ п. Хурумпауль. Сборы на «третьем участке». Бронза (по: Бауло А.В., 2011)

– Первый стилистико-иконографический тип Няксимволя фиксируется на уровне группы лишь на антропоморфных фигурах с городища Ус-Нёла и Хурумпауля (3-й участок)⁵⁵ (ил. 10–12–17).

– Стилистическая группа 2, представленная на 15,1 % изображений в Няксимволе и единичными изображениями в Усть-Полуе, абсолютно доминирует на антропоморфных изображениях Лозьвинского клада⁵⁶.

– Ни на одном другом памятнике или «местонахождении», кроме Няксимволя, мы пока не знаем такого количества изображений бобров в ракурсе сверху. Показательно и почти полное отсутствие в материалах Няксимволя профильных изображений бобров. Единственная профильная фигура со стоящим на ней антропоморфным персонажем (кат. № 21) не находит иконографических соответствий с *массовыми* профильными изображениями бобров из Хурумпауля и Вуграсян-Вада.

– Иконография одних и тех же персонажей, происходящих из разных коллекций, нередко существенно различается. Так, весьма своеобразны изображения бобров из «клада на святилище» близ Хурумпауля. Наличие «дополнительных» изображений и «полноценной» ажурности ряда фигур (иногда в сочетании) не находит соответствий в других коллекциях. Например, на 90 фигурах Вуграсян-Вада мы не видим ничего подобного.

Из проведенного сравнения и приведенных наблюдений следуют два вывода:

1. Няксимвольская и усть-полуйская металлопластика, обладая *определённым* взаимным сходством, по ряду показателей существенно отличается друг от друга.

2. Ни няксимвольская, ни усть-полуйская металлопластика не передают всего многообразия стилистико-иконографических вариаций, известных сегодня в Зауралье и на Нижней Оби.

Разумеется, элементы сходства можно найти во всех известных «коллекциях». Но если мы ограничимся этим сходством и будем пренебрегать многими и существенными различиями, то осмысление усть-полуйской, няксимвольской и прочей металлопластики региона останется на уровне включения её в выделяемый Ю.П. Чемякиным усть-полуйский (нижнеобской) вариант *кулайского* (курсив наш. – Авт.) литья⁵⁷.

Ни усть-полуйская, ни няксимвольская металлопластика не имеет никакого отношения к кулайской по параметрическим, морфологическим и стилистико-иконографическим показателям. При этом в присутствии на Нижней Оби кулайской изобразительной традиции сомневаться не приходится. Достаточно взглянуть на нагрудную костяную пластину из Усть-Полуя⁵⁸. Решение вопроса о месте кулайской традиции среди *нескольких* (?) докулайских (?) или синхронных (?) «некулайских» изобразительных традиций Зауралья и Нижней Оби требует массовых хорошо документированных источников.

Терминологическое оформление этой «некулайской» металлопластики преждевременно, в силу ее разнообразия и неясной культурной принадлежности. На наш взгляд, пока можно говорить лишь о западном ареале западносибирского культового литья.

⁵⁵ Помимо стилистико-иконографического сходства изображений, любопытно единичное совпадение достаточно специфичной технологии литья, при которой фигуры объединены проходящим посередине изображения, горизонтально расположенным каналом для заливки металла. Одна такая фигура происходит с Ус-Нёла и одна – с Хурумпауля (ил. 10–16): **Бауло А.В.** Древняя бронза... – С. 65 (кат. № 65), 66 (кат. № 77).

⁵⁶ **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // *Материалы и исслед. по археологии СССР.* – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 158 (табл. XV), 159 (табл. XVI).

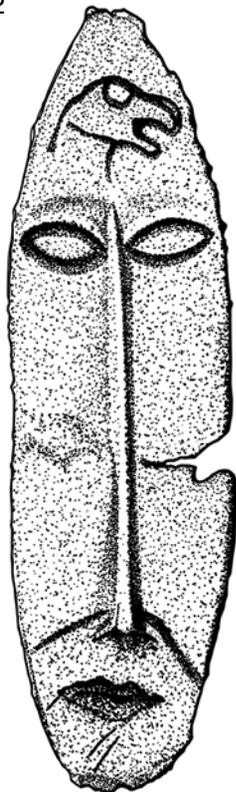
⁵⁷ **Чемякин Ю.П.** Усть-полуйская или кулайская?... – С. 178.

⁵⁸ **Чернецов В.Н.** Материальная культура Усть-Полуя // *Материалы и исслед. по археологии СССР.* – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 99 (табл. XV–1); Усть-Полуй: I век до н. э... – С. 65 (кат. № 183).

ΚΑΤΑΛΟΓ

1. Антропоморфное изображение

Представляет собой личину удлинённых пропорций с дополнительным изображением. Абрис личины приближен к вертикально вытянутому овалу, уплощенному с длинных сторон. Верх изображения можно охарактеризовать как приостренный (именно на нём располагается дополнительное орноморфное изображение); низ, моделирующий линию подбородка (с учётом возможных деформаций и утрат), ближе к определению «прямой подбородок».

Подчеркнуто удлинённый прямой нос смоделирован в повышенном рельефе. Отчётливо выражены крылья носа и перегородка. Остальные детали изображения показаны в пониженном рельефе. От основания крыльев носа до краёв личины отходят диагонально поставленные прямые углубленные линии, обозначающие носогубные морщины. Их несимметричность, скорее всего, объясняется деформацией изображения, приведшей к складке на правой щеке и трещине на левой. Этим же можно объяснить смещение вправо углубления, реалистично моделирующего рот персонажа. Чётко очерчены сомкнутые губы, горизонтальная линия разделяет их на верхнюю и нижнюю (более полную, чем верхняя). Близ основания нижней губы «читаются» две тонкие параллельные линии, уходящие диагонально вправо.

Миндалевидные глаза показаны пониженным контуром, образующим выпуклый двуугольник. Они слегка наклонены к линии носа и соприкасаются с ней. Чуть выше глаз на уровне переносицы плавным рельефом обозначены надбровные дуги (над правым глазом – более отчётливо).

Правая и левая половины изделия смоделированы в разных плоскостях и находятся по отношению друг к другу под тупым углом. «Ось симметрии» проходит по линии носа. То, что это было сделано намеренно, хорошо просматривается на оборотной стороне изделия.

Дополнительное изображение, выполненное пониженным контуром, передаёт развёрнутую влево голову с раскрытым клювом и часть шеи хищной птицы (подсемейства орлиных?). Линии изображения очерчивают округлый глаз, сливающийся с линией головы; массивную, загнутую вниз верхнюю часть клюва; короткую и тонкую его нижнюю часть. В основании шеи линия расходится на две: одна, уходя под прямым углом вниз, обозначает грудной участок шеи; другая, продолжая линию подбородка, отграничивает голову от шеи.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан. Изделие слегка отполировано.

Размеры: высота – 10,5 см, ширина – 3,0 см, толщина основной части – 0,1 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/183.

ПУБЛИКАЦИИ

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 204 (рис. 152).

Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 32. Рис. 3

2. Антропоморфное изображение

Представляет собой личину с дополнительными изображениями. Её поперечное сечение имеет вид дуги, что позволяет охарактеризовать изделие как выпуклое. Абрис личины в целом овальный, за исключением линии подбородка, показанной двумя относительно симметричными выступами. Такой подбородок можно охарактеризовать как раздвоенный.

Детали изображения показаны с использованием повышенного рельефа, пониженного рельефа и сквозного отверстия. Последнее позволяет считать изделие частично ажурным.

Прямой нос, расширяющийся от переносицы к кончику, смоделирован в повышенном рельефе. Отчетливо выражены крылья носа, ноздри и перегородка. Кончик носа приострен. От основания крыльев носа отходят приостренные снизу дуговидные желобки, обозначающие носогубные морщины. Рот показан сквозным отверстием. Ориентируясь на его верхний контур, рот можно охарактеризовать как «улыбающийся» (дуговидный). Овальные слегка удлинённые глаза расположены несколько ниже уровня переносицы и слегка наклонены в сторону носа. Они показаны желобками, которые моделируют выпуклые «зрачки». У правого глаза эта выпуклость имеет форму двугольника, у левого — форму неправильного ромба. Надбровные дуги, расположенные заметно выше переносицы, показаны дуговидными желобками.

Дополнительные изображения расположены на лбу личины. Они представляют собой три схематичные фигуры существ, выполненные в слабовыпуклом рельефе относительно уровня лба. Персонажи расположены в профиль в одинаковой позе: их туловища сильно наклонены вперёд, передние конечности, показанные единым выступом, вытянуты вперёд и слегка наклонены вниз. Головы показаны аналогичным образом. В целом композиция представляет трёх персонажей, «шествующих» друг за другом в направлении слева направо.

Общий абрис личины, её дуговидность в поперечном сечении и показ рта отверстием придают изделию вид миниатюрного маскоида. О том, что данное изображение имитирует маску, упоминала С.Н. Панина [2006].

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан и обработан. Поверхность личины покрыта разнонаправленными мелкими царапинами. Нос отполирован.

Размеры: высота – 4,0 см, ширина – 2,3 см, толщина основной части – 0,2–0,3 см, в области носа – 0,6 м.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3696/9.

ПУБЛИКАЦИИ

Викторова В.Д. «Шагающие» медведи // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы тематической науч. конф. – СПб., 2004. – Рис. 3; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamalarchaeology.ru/index.php?func=viewpage&module=subjects&pageid=131&pageno=13>.

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 102. Рис. 2-е.

3. Антропоморфное изображение

Представляет собой редуцированную фигуру. Большую её часть занимает изображение личины в форме вертикально вытянутого овала, усечённого сверху. Детали лица показаны в повышенном и пониженном рельефе, конечности выделены лишь по контуру.

Абрис личины, совпадая в целом с очертаниями головы, намеренно выделен повышением рельефа по отношению к остальной части фигуры. Верхнюю часть личины (как и в целом головы) можно охарактеризовать как уплощенную, нижнюю часть, включая линию подбородка, уместно назвать приострѐнной. Заметим, что край подбородка подчѐркнул повышенным рельефом – небольшим выступом вперѐд.

Прямой плавно расширяющийся книзу нос смоделирован в повышенном рельефе, плавно увеличивающемся вниз от переносицы. Хорошо показаны крылья носа, вырез ноздрей и приостренный кончик. Миндалевидные глаза, расположенные на уровне переносицы, оформлены линзовидным желобком. Они слегка наклонены к линии носа, с которой и соприкасаются. Дуговидные желобки, моделирующие носогубные морщины, отходят и от крыльев носа. Рот показан горизонтально расположенным подпрямоугольным углублением.

В верхней части изображения показан «головной убор», выделенный повышением рельефа относительно уровня лба и отделѐнный от него горизонтально поставленной слабоизогнутой кверху линией.

Остальная часть изображения, имеющая отношение к собственно фигуре, занимает пятую часть изделия. Туловище не выделено, конечности показаны короткими выступами по контуру. В правой части изображения они слились в единый выступ, вследствие литейного брака. По сохранившейся части отливки руки и ноги антропоморфа можно охарактеризовать как слегка расставленные.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан.

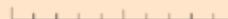
Размеры: высота – 3,9 см, ширина – 1,5 см, толщина (максимальная) – 0,6 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/1110.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17-7.

Представляет собой личину, имеющую правильную овальную форму и удлинённые пропорции. Соответственно, персонаж может быть охарактеризован как «остроголовый», а его подбородок – как «узкий / приострѐнный». Детали изображения показаны двумя способами. Нос и головной убор смоделированы в повышенном рельефе; глаза, носогубные морщины и рот – неглубокими желобками.

Горизонтально поставленные глаза, слегка приострѐнные к внешним сторонам, имеют выраженную миндалевидную форму; желобки, формирующие их, очерчивают овальные выпуклости-«зрачки». Чуть выше глаз плавным рельефом обозначены надбровные дуги, отходящие от основания носа. Выпуклость, обозначающая уплощенный нос, начинается на уровне середины глаз и плавно повышается к окончанию. Столь же плавно нос расширяется в плане, его окончание прямое, горизонтальное, без каких-либо деталей. От правого «крыла» носа отходит показанная углублением слегка изогнутая у ноздри носогубная морщина, смыкающаяся с краем личины. Аналогичная левая носогубная морщина существенно смещена вниз и к центру изображения. Рот показан углублением, имеющим форму вытянутого уплощенного горизонтально поставленного овала.

В верхней части изображения показан «головной убор», выделенный повышением рельефа относительно уровня лба и отделѐнный от него ломаной зигзагообразной линией.

Неровности верхнего края рта, скорее всего, объясняются дефектами литья: от края отливки к левому «уголку» рта проходит трещина. Ещё одна трещина пересекает левую часть личины и доходит до переносицы. Возможно, с этой трещиной связано наличие вмятины под левым глазом личины. Небольшая выпуклость на лбу чуть выше носа, вероятно, появилась случайно.

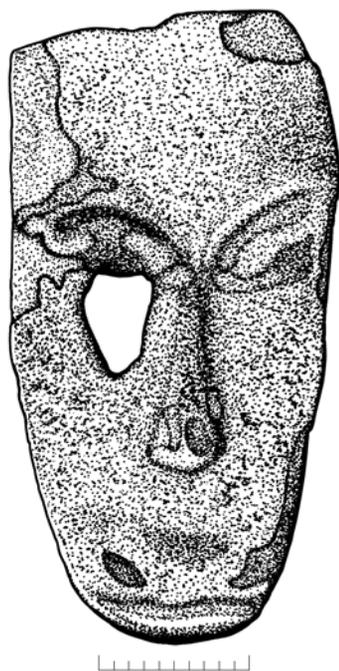
Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан.

Размеры: высота – 4,6 см, ширина – 1,8 см, толщина – от 0,2–0,3 см (на уровне щѐк) до 1,5 см (у окончания носа).

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няк-символь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берѐзовский районный краеведческий музей (п. Берѐзово ХМАО – Югры), № 400/187.

5. Антропоморфное изображение

Представляет собой личину, имеющую форму вытянутого вертикального овала, усечённого сверху. Верх можно охарактеризовать как уплощенный / плоский, подбородок – как плавный. Поверхность изделия грубая, с множеством сколов. Изображение крайне схематично. Его основные детали смоделированы в повышенном рельефе, другие показаны углублениями.

Повышенным рельефом показаны нос, лоб и край подбородка. Прямой нос плавно расширяется и повышается вниз от переносицы. Кончик его слегка приострѐн. Имеющиеся в области крыльев носа сколы металла не позволяют судить, о каких-либо деталях в оформлении этой физиономической детали. Выше переносицы от линии носа плавно отходят высокие надбровные дуги; они отделяют лоб, слегка выступающий над основной частью личины. Под левой надбровной дугой прослеживаются желобки, в которых можно увидеть попытку моделирования миндалевидного глаза, наклонѐнного в сторону носа и выполненного в характерной «няксимвольской» манере – контурным понижением с оформлением выпуклого зрачка. Подобный желобок просматривается и на правой стороне личины, однако аморфное отверстие (следствие литейного брака) деформировало эту деталь.

Край подбородка тоже выступает наружу. Чуть выше него по личине имеется слабое горизонтальное углубление, маркирующее внутреннюю линию подбородка и подчеркивающее выступание подбородка в целом. Между подбородком и носом можно увидеть слабое горизонтальное углубление, возможно, обозначающее линию рта. Углубления, фиксирующиеся на нижней части личины между подбородком и линией рта, интерпретировать трудно; они либо являются следствием несовершенства отливки, либо отражают попытку передать какие-то детали.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла неясно; возможно, что оно располагалось в нижней части изображения.

Размеры: высота – 4,2 см, максимальная ширина – 2,2 см, толщина – от 0,1 см (у верхнего края) до 0,4 см (у окончания носа).

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2003 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9468/483.

ПУБЛИКАЦИИ

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–3.

Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. Фото Е.С. Листюка. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 14–16. Кат. № 2.

6. Антропоморфное изображение

Представляет собой личину, по форме приближенную к вертикально поставленному овалу. Линию подбородка можно охарактеризовать как «плавную», верх головы – как «уплощенный» (возможно, из-за необработанности литника).

Глаза и рот показаны сквозными отверстиями, что позволяет считать изделие ажурным. Остальные детали изображения обозначены слабовыпуклым рельефом. Правый глаз имеет овальную форму; левый, судя по валуку вокруг отверстия, планировался как прямоугольный. Рот, судя по верхнему контуру, должен был иметь вид полусферы, направленной дуговидной частью вниз. Валик, моделирующий прямой нос, наклонён в сторону правого глаза, где и прерывается. Рядом впритык к правому глазу начинается другой вертикальный валик – извилистый, состоящий из трёх примыкающих друг к другу отрезков и достигающий почти до верха личины.

В правой части изображения немного ниже глаза расположен треугольник, смоделированный валиком. Его основание сливается с краем личины, а вершина направлена в сторону носа. Нечто подобное, но в крайне слабом рельефе прослеживается в левой части изображения. Прочие элементы повышенного рельефа трудно трактовать как преднамеренные, за исключением, может быть, слабовыпуклых дуговидных валиков, отходящих от края личины вверх – в сторону «крыльев носа».

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан. На сохранившейся части литника просматриваются три вертикальных валика (два – по краям, один – посередине). Их отношение к изображению неясно.

Размеры: высота – 3,5 см, ширина – 2,0 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: неизвестное поступление (1989 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (пгт. Берёзово ХМАО – Югры), № 927.

Представляет собой личину, формой приближенную к вертикально поставленному овалу. Нижнюю часть, моделирующую линию подбородка, можно охарактеризовать как скругленную. Верхняя часть имеет трапецевидный абрис. То, что это не случайно, подтверждает отверстие в форме трапеции, маркирующее лоб. Основные детали показаны отверстиями, за исключением носа, смоделированного в повышенном рельефе. Отверстиями показаны лоб, глаза, область скул и щёк, носогубные морщины и рот. Исходя из этого, изделие можно считать ажурным.

Формирует изображение пластина-обод шириной 3,0–3,5 мм, в которую «вписаны» и отверстия, и перемычки. Ширина перемычек гораздо меньше ширины обода (в 2–3 раза), за исключением центральной вертикальной (осевой) перемычки, на которой смоделирован нос, – её ширина сопоставима с шириной обода.

Отверстие правого глаза близко к овальному, у левого оно напоминает прямоугольник с выпуклыми сторонами. Возможно, что эти различия носят случайный характер. Оба глазных отверстия наклонены в сторону носа. Отверстия, объединяющие область скул и щёк, имеют форму трапеций, верхние основания которых соотношены с линией носа. Отверстия носогубных морщин узкие, почти прямые; они отходят от уровня «крыльев» носа вниз по диагонали. Рот имеет линзовидные очертания.

Прямой нос начинается от уровня переносицы и плавно повышается вниз. Кончик носа округлый.

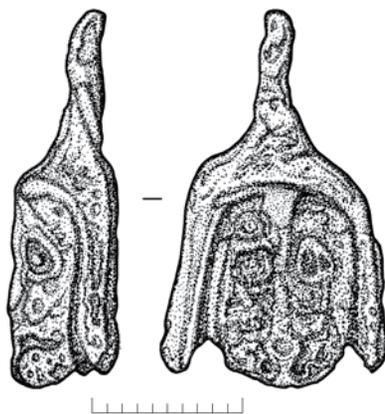
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Размеры: высота – 3,2 см, ширина – 2,0 см.

Хранится у жителя с. Няксимволь (Берёзовский р-н ХМАО – Югры).

ПУБЛИКАЦИЯ

Кондрашёв А.Н. Обследование состояния городища Няксимволь I в Берёзовском районе // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 245. Ил. 2.

8. Условно-антропоморфное изображение

Представляет собой изображение головы антропоморфного персонажа. Изделие выпуклое, его поперечный абрис высотой 0,8 см дуговидный, близкий к подтреугольному. Изделие бугристое, местами сильно окисленное.

По всей видимости, передаёт личину в обрамлении головного убора (шлема?) или причёски. В последнем случае слегка расходящиеся в стороны и выступающие вниз стреловидные края этой детали изображения могут быть интерпретированы как косы. Необломанный литник не даёт возможности представить верхнюю часть отливки в «запланированном» виде.

Абрис личины близок к овалу, усечённому сверху нижним краем «головного убора». Линия лба в профиле – прямая, почти вертикальная; переход к темени – достаточно резкий. Линия носа продолжает плоскость лба и лишь немного выдаётся вперёд. Подбородок, выступающий в той же степени, что и нос, можно назвать плавным. Остальные детали личины, обозначенные неровным «морщинистым» слабо повышенным рельефом, просматриваются с трудом. Области глаз и рта скорее угадываются, чем просматриваются.

Нельзя не отметить, что общий вид изделия (особенно en face) имеет визуальное сходство с фигурой птицы со сложенными крыльями и длинной шеей. Насколько случайно или неслучайно это совпадение – сказать трудно. В любом случае заметим, что оба образа – антропоморфный и орнитоморфный, – по меньшей мере, непротиворечивы. Их взаимосвязь, устойчиво фиксируемая в раннем Средневековье [Яковлев, 1996. С. 181–182], прослеживается и в раннем железном веке – на кулайской металлопластике Томско-Нарымского Приобья [Труфанов, Труфанова, 2003. С. 141].

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник не обломан.

Размеры: высота – 2,5 (с литником) и 1,6 (без литника) см, ширина – 1,5 см.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3706/19.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 102. Рис. 2-г.

ЛИТЕРАТУРА

Труфанов А.А., Труфанова Ж.Н. К вопросу об образах плоского ажурного литья кулайской культуры // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье): Мат-лы Всероссийской науч. конф. – Кемерово: [б.и.], 2003. – С. 240–242.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Мат-лы и исслед. культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. – С. 178–197.

9. Антропоморфное изображение

Представляет собой объёмное полое округлое в поперечнике изделие (навершие?), одна из сторон которого оформлена в виде личины. Отлито в двусторонней форме; на месте стыка створок прослеживаются литейные швы. В результате литейного брака образовался недолив металла на правой стороне лицевой стороны и в задней части изделия. Часть металла попала внутрь.

Верх личины уплощен. Её общий контур близок к пятиугольнику, вытянутому вертикально вершиной вниз. Абрис плавно расширяется от относительно узкого «квадратного» лба к широкой выпирающей нижней челюсти и приострѐнному подбородку.

Детали изображения показаны в пониженном рельефе, за исключением спинки носа, выделенной плавным слабо повышенным рельефом. Миндалевидные глаза, слегка опущенные в сторону носа, оформлены по контуру линзовидным желобком. Рот обозначен горизонтально расположенным углублением, близким уплощенному овалу. Прямой удлиненный нос расширяется книзу; вверху, при переходе к высокому лбу, его линия расширяется, образуя слабую грань. Углубление под носом появилось, очевидно, в результате тщательного оформления деталей носа: выреза ноздрей и приострѐнного кончика. От крыльев носа отходят желобки, обозначающие носогубные морщины с характерным изломом в верхней части. На литнике со стороны личины как будто просматривается ряд слабых углублений, образующих «городчатость».

Вдоль внешней поверхности изделия местами прослеживаются узкие грани, более выраженные на тыльной стороне. Их точное число установить трудно из-за утрат, связанных с литейным браком.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан.

Размеры: высота – 1,6 см, диаметр – 0,8–0,9 см, толщина – 0,15 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берѐзовский районный краеведческий музей (п. Берѐзово ХМАО – Югры) № 400/201.

ПУБЛИКАЦИЯ

Берѐзово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 32. Рис. 2.

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–8.

Представляет собой объёмное полое изделие, одна из сторон которого оформлена в виде личины. Отлито в двусторонней форме; на месте стыка створок прослеживаются литейные швы. В верхней горизонтальной плоскости изделие имеет хорошо обработанное отверстие диаметром 0,3 см, смещённое назад. Несмотря на то, что оно лишь частично совпадает с линией литейных швов, можно предположить, что причиной его появления стало обламывание литника. Место излома затем было обработано – заглажено и частично заполировано. Возможно, что это отверстие использовалось для подвешивания изделия, хотя полая форма позволяла использовать его и в качестве навершия.

Основную плоскость изображения выделить невозможно, его рельеф близок к скульптурному. Вид изделия сверху имеет очертания, приближенные к овалу. В плане оно близко к вертикальному овалу, нижняя часть которого «деформирована» в соответствии с задуманной автором линией подбородка. Абрис личины приближен к очертаниям головы человека. Овальная линия верхней и средней части изображения на уровне рта прерывается уступом, соответствующим переходу к основанию широкой и достаточно высокой нижней челюсти. Несовпадение абриса личины с абрисом самого изделия в плане создаёт впечатление, что личина обрамлена головным убором. Продолжая эти ассоциации, можно предположить, что литейные швы по краям изображения могли быть подработаны таким образом, чтобы сымитировать косы персонажа.

Прямой расширяющийся книзу нос показан повышенным рельефом. En face можно увидеть попытку оформления крыльев и острого кончика. Выше переносицы, от линии носа плавно отходят высокие надбровные дуги, оформленные общим понижением области скулы и верхней челюсти с обеих сторон. Лоб слегка выпуклый. Более мелкие детали лучше просматриваются на левой стороне изображения. Здесь достаточно отчётливо фиксируется выпуклый глаз, размещённый посередине овального углубления. Ниже него как будто просматривается выпуклость скулы. Подбородок резко выступает вперед до уровня носа. Линия рта обозначена неровной зигзагообразной линией.

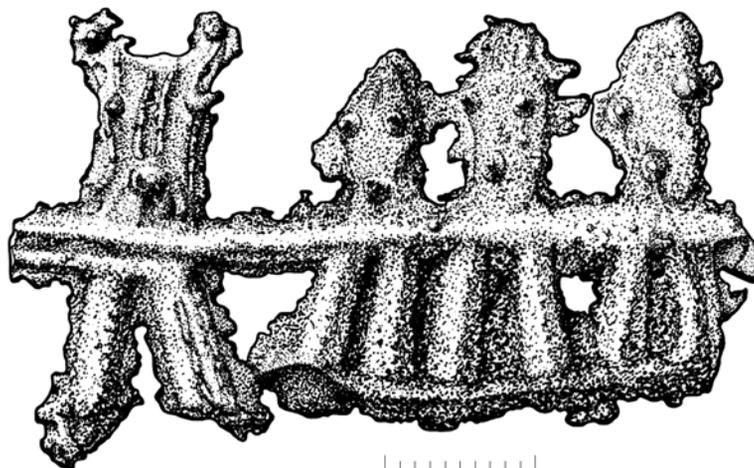
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Литник обломан.

Размеры: высота с лицевой стороны – 1,4 см, с затылочной стороны – 1,1 см, в поперечнике (в среднем) – 1,0 см, толщина – 0,15 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/202.

11. Антропоморфное многофигурное изображение

Представляет собой композицию (?) из четырёх антропоморфных редуцированных фигур, расположенных в ряд, показанных *en face* и объединённых горизонтальной утолщенной «пластиной». Последняя, являясь результатом формирования основного канала заливки металла, «рассекает» фигуры и разделяет, таким образом, верхнюю и нижнюю части композиции. Отливка грубая, бугристая; детали изображения показаны в повышенном рельефе и, частично, по контуру. Наличие отверстий на изделии позволяет условно считать его ажурным. Впрочем, появление отверстий в верхней части изображения (как и отсутствие их в нижней?), вероятнее всего, является следствием перелива металла.

Фигуры персонажей морфологически близки. В верхней части композиции размещены головы, в нижней – ноги. Туловища не выделены. Возможно, что описанная пластина, разделяющая головы и ноги персонажей, условно моделирует раскнутые в стороны и слившиеся в одну линию руки. Ноги – прямые, слегка расставленные. Фигуры композиции можно условно поделить на две части. Левую образует группа из трёх фигур с приострённым, округлым и аморфным абрисами верха головы. Ноги этих персонажей опираются на горизонтальное валикообразное утолщение. В правой части размещена более крупная обособленная фигура. Она имеет вертикально вытянутый подпрямоугольный контур головы; в верхних углах этого прямоугольника находятся немного загнутые внутрь выступы. О «неслучайности» этих выступов свидетельствует то, что они усилены в рельефе. Возможно, перед нами грубо оформленные условно-зооморфные «дополнительные» изображения. Ноги этого персонажа находятся в «свободном» положении.

Иконография лица одинакова: относительно изоморфные глаза и рот показаны округлыми выпуклостями. Плоскость лица крайней правой (обособленной) фигуры как будто дополнена линией носа, обозначенной двумя вертикальными валиками.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в правой части изображения. Отметим, что подобный способ отливки антропоморфных фигур прослеживается и на других изделиях из Няксимволя (кат. № 17 и 23), где персонажи представлены уже отрубленными (?) – в виде одиночных и двойных изображений. В этой связи не исключено, что описанное изображение представляет собой не композицию, а лишь способ отливки фигур, которые при необходимости могли быть отделены друг от друга.

Размеры: высота – 2,5–3,1 см, ширина – 5,0 см, толщина – до 0,4 см.

Источник поступления: разведочные работы А.Н. Панфилова (1989 г.).

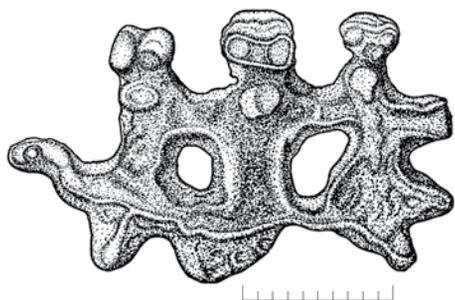
Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 992/4-59.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–7.

12. Условное антропо-зооморфное многофигурное изображение

Представляет собой композицию из трёх антропоморфных (?) редуцированных фигур, показанных en face и размещённых на профильной условно-зооморфной фигуре головы вправо. Формообразующие части изображения выделены по контуру, детали показаны (иногда подчёркнуты) в повышенном и, частично, пониженном рельефе. На отливке имеются два отверстия, отделяющие центральную антропоморфную фигуру от боковых и позволяющие условно считать изделие ажурным. Отливка достаточно грубая, персонажи смоделированы весьма условно.

Головы антропоморфных персонажей при некоторой аморфности ближе к определению «округлые». Голова центральной фигуры несколько больше, чем боковых. Детали лица переданы очень грубо, а потому их морфология вряд ли заслуживает детального описания. Можно констатировать наличие глаз, переданных достаточно большими, местами уплощенными выпуклостями. У левого персонажа подобным повышением рельефа, возможно, показан рот. Сходные уплощенные выпуклости, расположенные фактически на груди персонажей, с небольшой степенью вероятности могут быть интерпретированы как рты. Шеи выделены небольшим пережимом, плечи покатые. Руки слиты на уровне предплечий. Находящийся в этой же плоскости подпрямоугольный выступ левой фигуры можно считать левой рукой данного персонажа (разумеется, с учётом того, что он, по-видимому, одновременно выполнял функцию литника). Широкое туловище с признаками талии более или менее хорошо очерчено только у центральной фигуры, у остальных оно достаточно аморфное. Ноги не показаны; массивный подтреугольный выступ в нижней части левого персонажа, который можно принять за его левую ногу, на наш взгляд, не имеет отношения к данной фигуре. Вероятнее всего, это хвост зооморфного изображения, который, впрочем, тоже, возможно, появился вследствие обработки литника.

Зооморфную фигуру можно считать удлинённой, сообразно количеству размещённых на ней антропоморфных изображений. Туловище персонажа слегка выгнуто вниз, что подчеркнуто линией валикообразного утолщения. Эта же линия усиливает выделенные по контуру конечности. Широкий «заovalенный» выступ передних конечностей немного выступает вперёд, трапециевидный выступ задних конечностей направлен резко назад. Отвисшее брюхо выделено массивным выступом по контуру. Выпуклая грудная часть плавно переходит в короткую выгнутую шею, на которую посажена небольшая голова, оформленная на базе горизонтально расположенного овала. На голове просматривается округлый глаз; он выделен кольцеобразным углублением, образующим зрачок.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, по-видимому, располагалось в хвостовой части зооморфной фигуры и около руки левого антропоморфного персонажа.

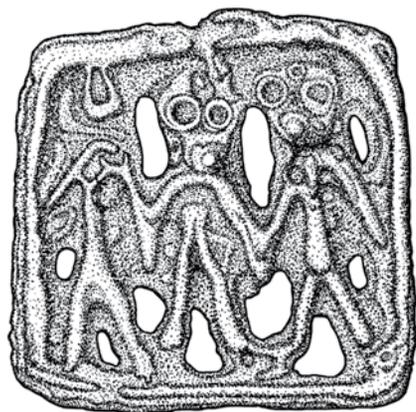
Размеры: высота – 1,8 см, ширина – 3,0 см, толщина – 0,4 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека

(г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/51.

Три антропоморфные относительно пропорциональные фигуры показаны en face в полный рост, расположены в ряд и заключены в подквадратную (трапециевидную?) рамку. Они частично выделены по контуру за счёт отверстий, местами отделяющих фигуры композиции друг от друга и от рамки. Фиксирующиеся признаки перелива металла позволяют предполагать, что мастером было задумано более чёткое выделение фигур по контуру. По всей видимости, верхние части голов, окончания ног, а также руки крайних персонажей соединены с рамкой специально. Наличие отверстий позволяет условно считать изделие ажурным. Поверхность отливки грубая, бугристая. В целом персонажи достаточно небрежно смоделированы в повышенном рельефе, детали лиц показаны в повышенном и пониженном рельефе.

Все три фигуры показаны примерно в одинаковой позе – с расставленными ногами и слегка разведёнными в стороны руками в положении «взявшись за руки». Насколько концептуальны деформации линий рук правого персонажа, судить трудно. Говорить о выделении абриса голов не приходится. Личина центрального персонажа геометрически наиболее правильная: вплотную посаженные округлые глаза показаны углублениями, подчёркнутыми снаружи кольцевыми валиками. Нос обозначен аморфной выпуклостью; на месте «третьего глаза» просматривается аморфное углубление. Сходным образом оформлен и левый персонаж; отличия заключаются в смещении его правого глаза к центру. У правого персонажа детали лица вообще не просматриваются; на их месте можно уловить лишь небольшую выпуклость, по-видимому, обозначающую голову.

При общей небрежности выполнения изображения отметим определённую чёткость центральной фигуры и аморфность правой.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось, видимо, в верхней части изображения.

Размеры: высота – 2,7 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: разведочные работы А.Н. Кондрашёва (2002 г.).

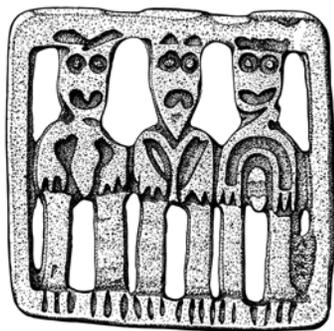
Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9297/1.

ПУБЛИКАЦИИ

Кондрашёв А.Н. Обследование состояния городища Няксимволь I в Берёзовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 245–246. Ил. 1.

Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. Фото Е.С. Листюка. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 10–13. Кат. № 1.

14. Антропоморфное трёхфигурное изображение

Три антропоморфные относительно пропорциональные фигуры, показанные en face в полный рост, расположены в ряд и заключены в плоскую (достаточно широкую) подпрямоугольную рамку. С рамкой намеренно соединены верхние части их голов и «ступни». Слияние с рамкой двух крайних персонажей, скорее всего, произошло случайно, вследствие перелива металла. Соприкосновение антропоморфов в области рук, видимо, было задумано мастером при изготовлении формы. Таким образом, значительная часть фигур выделена по контуру, детали изображения показаны в пониженном рельефе. Наличие отверстий позволяет условно считать изделие ажурным.

Все три фигуры демонстрируют стилистическое единство при определённых отличиях иконографии. Надбровье правого персонажа показано двумя разнонаправленными клиновидными углублениями, острыми концами сходящимися в области переносицы. Эта же деталь лица центрального персонажа состоит из двух подтреугольных углублений, направленных вершиной вверх. Надбровье левого персонажа оформлено в виде сплошного горизонтального углубления, нижняя линия которого относительно прямая, а верхняя неровная.

Глаза показаны практически одинаково – кольцевыми углублениями, образующими в центре выпуклости округлых, подтреугольных или аморфных очертаний.

Рты всех трёх персонажей морфологически близки по очертаниям. В основе их – дуга, концы которой, относительно резко разворачиваясь к её основанию, образуют подобие «улыбающегося» рта у крайних персонажей и «скорбящего» – у центрального.

Линия подбородка оформлена по-разному. У правого персонажа она показана изгибом по правому контуру, что усилено понижением рельефа в этом месте. Центральная фигура имеет подчеркнута вытянутый острый подбородок. У левого персонажа слабый изгиб подбородка справа по контуру подчеркнут длинным поперечным клиновидным углублением, очерчивающим таким образом уплощенно-овальный подбородок. Возможно, такая характеристика оформления подбородка применима и к правому изображению.

Покатые плечи выделены по контуру. Оформление рук и, соответственно, показ туловища существенно разнятся. Морфологически руки персонажей близки по признаку трёхпалости кистей и тем, что каждая из них расположена на одной линии с нижней конечностью. Способы передачи самих рук разнятся. У правого и центрального персонажей они сужены в предплечье и резко расширяются к кистям. При этом в передаче корпуса у этих антропоморфов имеются различия: у правого углубления между руками и туловищем моделируют достаточно массивное аморфное тело, у центрального последнее имеет утонченную Y-образную форму. Руки левого персонажа оформлены в виде углубленной крутой дуги, концы которой заканчиваются кистями. Внутри этой дуги очерчена фигура в виде вертикально вытянутого овала, разделённого посередине неглубоким, но достаточно широким поперечным «желобком». Возможно, это способ передачи пола изображенного персонажа.

Ноги показаны одинаково – относительно широкими и прямо поставленными (столбообразными). Намёк на показ ступни имеется только у левой ноги левой фигуры. На нижней части пластины, смыкающейся со «ступнями», расположены вертикально опущенные риски, вероятнее всего, указывающие на количество пальцев на ногах. При этом признак трёхпалости нижних конечностей более или менее отчётливо фиксируется для правой и центральной фигур. Между центральной и левой фигурой очевиден сбой, при котором левой фигуре соответствует семь рисков, что, возможно, также служит способом её морфологического (и семантического?) отделения от соседних персонажей.

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось, видимо, в верхней части изображения. Края изделия подшлифованы, поверхность полирована.

Размеры: высота – 4,2 см, ширина – 4,3 см, толщина – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/186.

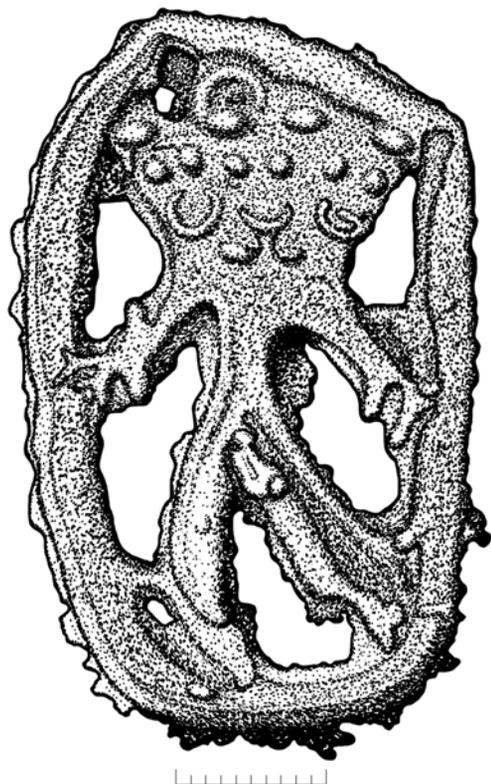
ПУБЛИКАЦИИ

Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 32. Рис. 1.

Фарносова В.В. Берёзово: история и современность. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003. – Вкл. 6 между с. 128 и 129.

15. Антропоморфное изображение

Представляет собой трёхликую антропоморфную фигуру, показанную en face в полный рост и заключённую в рамку с абрисом между прямоугольником и овалом. Рамка имеет достаточно резко скошенную влево верхнюю часть и местами подтреугольное, местами трапециевидное сечение. Фигура соприкасается (сливается) с рамкой в области верхней части головы, окончаний рук и ног. Наличие отверстий между антропоморфом и рамкой позволяет условно считать данную отливку ажурной. Поверхность изделия грубая, бугристая. Детали изображения показаны в повышенном рельефе и, частично, по контуру.

Область головы необычно широкая, но вполне соразмерная количеству размещённых на ней лиц. Разведённые в стороны и опущенные вниз руки отходят непосредственно от основания «головы». Левая рука имеет двухпальное направленное вниз завершение (это профильный ракурс кисти с отведённым большим пальцем); на правой руке, помимо аналогичного оформления, фиксируются разнонаправленные выступы. Туловище короткое, узкое. Плавно отходящие от него расставленные ноги развёрнуты немного влево. Правая нога слегка изогнута и не имеет выраженного окончания. Левая нога прямая; изменения по контуру её рельефа внизу, возможно, являются попыткой передать ступню. Между ногами выступающим рельефом показан широкий penis с выделенной головкой, развёрнутый влево.

Относительно изоморфные лица размещены на одной плоскости без попыток их вертикального членения. Глаза показаны округлыми выпуклостями; рты – дуговидными валиками, изогнутыми в разной степени, но во всех трёх случаях, моделирующими «улыбку». Четыре овальные горизонтально ориентированные выпуклости, выстроенные в ряд в области «лба», возможно, обозначали уши персонажей. Небольшие овальные выпуклости, симметрично расположенные чуть ниже рта на центральном лице, интерпретировать трудно.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла не просматривается. Наличие на оборотной стороне крупных сгустков металла позволяет предположить, что литьё осуществлялось в открытую форму. На отливке фиксируются многочисленные затёки металла, которые привели к частичному огрублению контура фигуры.

Размеры: высота – 5,0 см, ширина – 3,2 см, толщина – 0,3 см.

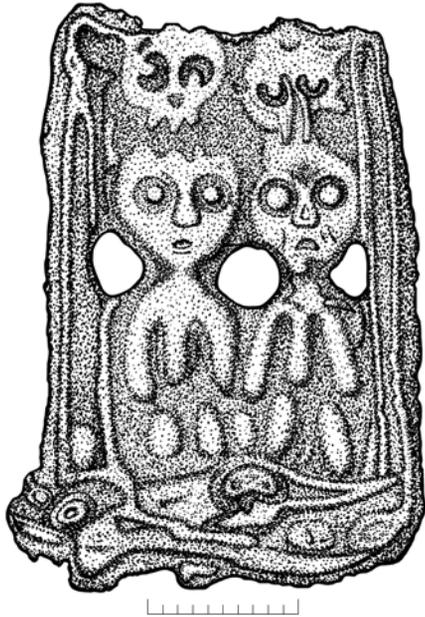
Источник поступления: случайные сборы (переданы в 1924–1930 гг. неизвестными лицами) [Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея... № 317].

Место хранения: Свердловский областной краеведческий музей (г. Екатеринбург), № 8934/Е.

ЛИТЕРАТУРА

Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / Е.М. Берс. – Свердловск, 1959.

16. Антропо-зооморфное комбинированное многофигурное изображение

Представляет собой композицию из двух антропоморфных фигур с дополнительными изображениями и двух зооморфных фигур, размещённых на вертикально ориентированной подпрямоугольной (трапецевидной?) плакетке. Боковые края последней имеют вид рамки и подчёркнуты валиками. Похоже, что верхний край имел аналогичный вид, частично утраченный в результате обламывания литника. Основные части изображения смоделированы плавным повышенным рельефом, местами выделены по контуру; детали показаны пониженным рельефом. Наличие трёх небольших горизонтально сориентированных отверстий в центральной части изображения позволяет условно считать данную отливку ажурной.

Антропоморфные фигуры, показанные en face в полный рост, занимают центральную часть композиции. Общий абрис их голов близок к округлому (с учётом того, что их верхний контур размыт и сливается с основной плоскостью изделия). Округлые глаза показаны кольцевыми углублениями, образующими выпуклые зрачки (у левого персонажа зрачки заметно больше). Короткие носы изоморфны, они сужены в области глаз и расширены книзу. Короткие маленькие рты обозначены слабыми углублениями. Шеи показаны узким пережимом. Плечи покатые (у правого персонажа несколько приподнятые). Туловища и руки каждого персонажа изоморфны и образуют единую фигуру наподобие трезубца. Руки свободно опущены вниз (у левой фигуры – слегка разведены). Выпуклости ног, отделённые от туловищ, можно считать короткими (у правой фигуры – они более короткие).

Два дополнительных изображения приурочены к верхней части композиции и располагаются над головами антропоморфных персонажей. Их вид вызывает ассоциации с черепами без нижних челюстей. Правое изображение имеет округлый абрис, низ его оформлен в виде широкого и короткого трёхчастного выступа. Абрис левого аморфен, в его нижней части – два удлинённых выступа. Глаза обозначены полукольцевыми углублениями. Правое изображение имеет слабое углубление, возможно, обозначающее нос.

Зооморфные изображения расположены в нижней части композиции. Они представлены двумя разнонаправленными профильными приземистыми фигурами, одна из которых частично заслоняет другую. Персонаж, расположенный на переднем плане, развёрнут вправо. Он имеет уплощенное туловище, переходящее в длинный приострённый (немного загнутый вверх) хвост на пограничье с нижним краем отливки. Два выступа, представляющие скошенные вперёд передние и задние конечности, выделены по контуру и усилены в повышенном рельефе. Массивная голова отогнута резко вверх, в её центральной части просматривается овальный глаз, выделенный выпуклостью с небольшим углублением посередине. Край задранной морды выступает за пределы рамки и тем не менее выглядит редуцированным (возможно, вследствие недолива). Персонаж, размещённый на заднем плане, направлен влево. Задняя часть его фигуры перекрыта передним персонажем. Достаточно определённо прослеживается лишь овальная голова с длинной, приострённой, немного загнутой вверх мордой. На наш взгляд, описанные фигуры можно условно называть ящероподобными хищниками.

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

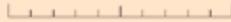
Размер: высота – 3,6–3,9 см, ширина – 2,3–2,8 см, толщина – 0,1–0,2 см.

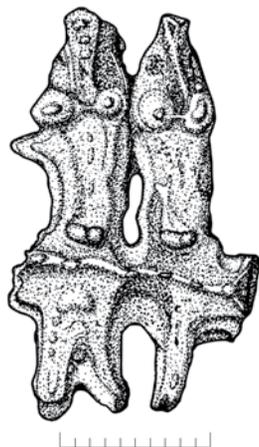
Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3701/14.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 102. Рис. 2-а.

17. Антропоморфное двухфигурное изображение

Представляет собой две антропоморфные редуцированные фигуры, показанные en face. Поверхность изделия грубая, неровная. Детали изображения выделены по контуру и представлены в повышенном рельефе. Наличие отверстия между головами позволяет условно считать отливку ажурной.

Персонажи морфологически близки. Они имеют непропорционально большие вертикально вытянутые головы и короткие ноги. Туловища не выделены – в этом месте фигуры объединены горизонтально расположенным каналом для заливки металла. Головы тоже сливаются в области глаз, но здесь они четко разделены желобком, отграничивающим одно изображение от другого. Верх голов имеет в целом вытянутый конический абрис, что позволяет охарактеризовать изображения как «остроголовые». Не исключено, что выпуклая вертикальная линия на вершине головы левого персонажа и вертикальная же планка на голове правой фигуры обозначают какие-то детали головного убора. Личины показаны в повышенном рельефе: глаза обозначены округлыми и овальными выпуклостями, соединенными узкими валиками; при этом зрачки выделены дополнительными выступами. Рты показаны в виде горизонтальных коротких выпуклостей. Посередине лица правой фигуры вертикально проходит пунктирный валик, возможно, обозначающий линию носа.

Правая фигура имеет две ноги: правая нога прямая, левая – изогнута наружу. Выше сочленения ног (на уровне «таза») прослеживается выпуклость, вероятно, имеющая отношение к признакам пола данного персонажа. У левой фигуры сохранилась (?) правая нога, изогнутая наружу. Возможно, что левая нога не получилась при отливке.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, вероятнее всего, располагалось в левой части изображения. Сохранился выступ обломанного литника.

Размеры: высота – 2,7 см, ширина – до 1,6 см, толщина – 0,2–0,4 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няк-символь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/166.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няк-символь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. – Ил. 4–7.

Представляет собой композицию из двух антропоморфных фигур в полный рост, головы которых развернуты en face, а туловища и конечности повернуты друг к другу. Детали изображения выделены в грубом повышенном рельефе и, частично, по контуру.

Фигуры поставлены близко и местами сливаются (в области глаз, рта, окончания рук и ног). Наличие отверстий позволяет условно считать отливку ажурной. Возможно, что ноги (и руки?) персонажей планировалось полностью выделить по контуру, и наличие металла между ними – это результат перелива или затёков.

Непропорционально большие головы персонажей подчеркнута удлинены. Верх головы левой фигуры – округлый, правой – уплощенный (возможно, из-за необработанности места отъёма литника). Лица антропоморфов морфологически близки. Большие близко посаженные глаза выделены валиками, образующими округло-овальный контур у левой фигуры и подпрямоугольный – у правой. Удлиненные носы обозначены вертикальными валиками (на лице левого персонажа валик прерывистый) и являются продолжением линии, разделяющей глаза. Рты относительно изоморфны; они показаны валиками, образующими неправильный овальный контур. У правого персонажа рот как будто имеет фертообразную форму, у левого в уголках рта просматриваются перемычки.

Линия спины у обеих фигур выпуклая, конечности находятся в одинаковом положении. Прямые руки персонажей вытянуты вперёд, немного наклонены вниз и соприкасаются окончаниями, т. е. находятся как бы в положении «рукопожатия». Руки правого персонажа несколько длиннее. Слегка разведённые ноги дугобразно изогнуты; они, как и руки, тоже сведены к центральной оси композиции.

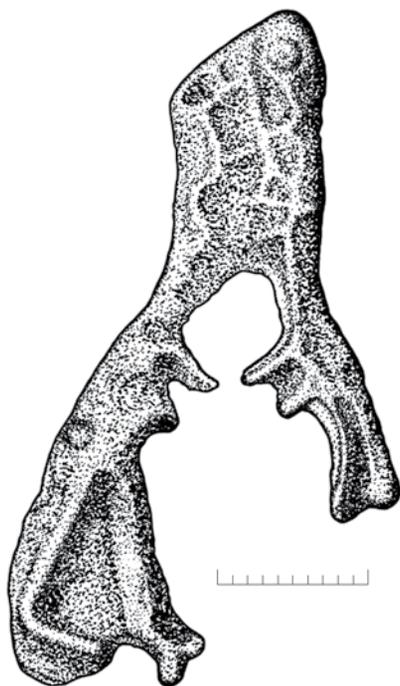
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части правой фигуры.

Размеры: высота – 3,7 см, ширина – до 1,7 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от Н.В. Канева в 1999 г.).

Место хранения: Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры), № 1043.

19. Условно-антропоморфное двухфигурное (парное) изображение

Представляет собой композицию из двух антропоморфных фигур со слившимися головами. Туловища и конечности персонажей развёрнуты в профиль и повернуты друг к другу. Они хорошо очерчены по контуру и усилены в повышенном рельефе. Короткие руки обеих фигур вытянуты вперёд и слегка опущены вниз в направлении друг к другу. Туловище левого персонажа укорочено (возможно, вследствие недолива металла). Правый персонаж имеет выпуклую линию спины, которая, закругляясь «под прямым углом», заканчивается двухчастным выступом в форме «рыбьего хвоста». Возможно, таким образом мастер стремился передать сведённые и вытянутые вперед ноги и в итоге – показать фигуру в сидячем положении.

Поверхность изделия неровная, местами фиксируются утраты металла. Детали лиц обозначены слабым повышенным рельефом. Общий абрис слившихся голов имеет прямые боковые контуры; верх резко скошен вниз к правой половине. Шеи удлинённые. Детали лиц интерпретируются с трудом. На правой половине можно увидеть профильное изображение с широко открытым ртом, выступающим носом и глазом, показанным углублением. На левой половине то, что можно принять за глаз, показано соразмерной выпуклостью. Остальные линии повышенного рельефа «читаются» плохо. Мы допускаем, что при определённом угле зрения можно увидеть в области только что описанных голов единое человекоподобное лицо en face, где отмеченные «глаза» являются правым и левым глазом одного лица. Однако с этим предположением несколько не согласуется скошенный в одну сторону верхний абрис «головы».

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

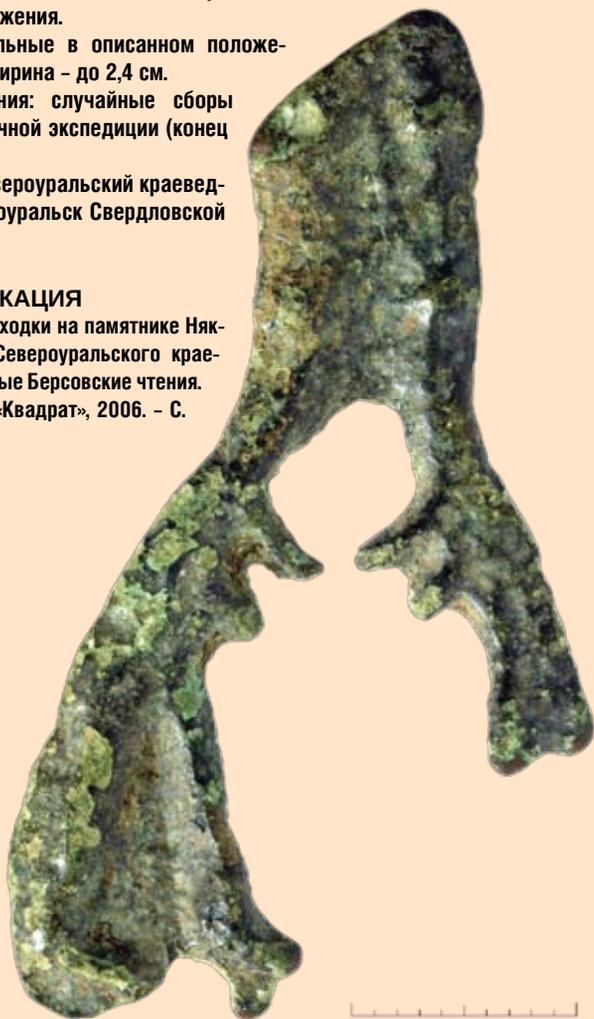
Размеры (максимальные в описанном положении): высота – 4,8 см, ширина – до 2,4 см.

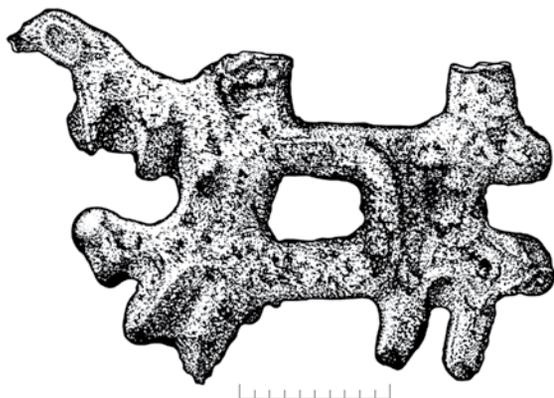
Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3700/13.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Нясимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятое Берсовское чтения. – Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2006. – С. 102. Рис. 2-б.

Представляет собой изделие, однозначная трактовка которого затруднительна. Детали изображения выделены по контуру и, местами, в повышенном рельефе. Поверхность отливки грубая, неровная, поэтому фиксируемые рельефные неровности трудно оценивать как результат запланированного моделирования. Наше прочтение так же условно, как и само изображение.

В первом варианте можно говорить о двух условно-антропоморфных фигурах, расположенных еп фасе и соединённых в области «предплечья» и «таза» удлинёнными горизонтальными пластинами. «Головы» отсутствуют (на их месте расположены выступы литников). «Туловища» выделены в результате оформления подпрямоугольного отверстия между фигурами (за счёт его наличия отливку условно можно считать ажурной). При этом «туловище» левой фигуры смещено вправо. Прямые, слегка скошенные влево ноги левой фигуры выделены по контуру и отделены друг от друга. Ноги правой фигуры образуют единый выступ, существенно скошенный влево, и разделены в основном за счёт продольного понижения между ними. Аморфные выступы, отходящие вправо от правой фигуры (массивный верхний и небольшой нижний), интерпретировать трудно: перед нами явный недолив металла.

Во втором варианте отливку можно рассматривать как условно-зооморфное изображение, показанное в профиль и развёрнутое вправо. В этом случае персонаж имеет подпрямоугольное туловище с отверстием посередине, направленные вперед конечности и необработанные литники сверху. Выступы в правой части в этом прочтении могут восприниматься как недолитая часть головы, тем более что верхний выступ вполне соотносится с выгнутой шеей и частью темени, а углубленный овал, подчеркнутый выпуклым контуром, – с глазом.

Если попытаться «совместить» оба этих варианта интерпретации, то морфологически отливку можно соотнести с изделием № 12.

Бронза (?). Литьё. Два литника располагались в верхней части изображения.

Размеры: высота – 2,3 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промхототдела с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/170.

21. Антропо-зооморфное комбинированное изображение

Представляет собой композицию из двухголовой антропоморфной фигуры в полный рост, стоящей на зооморфной фигуре. Формообразующие части изображения выделены по контуру, детали показаны повышенным и пониженным рельефом. В разрезе правая и левая половины обеих голов со стороны лиц находятся под небольшим углом друг к другу, и таким образом по «оси симметрии» смоделированы слегка выпуклые линии носов. Конечности антропоморфной и зооморфной фигур выделены с обеих сторон отливки – лицевой и оборотной.

Головы антропоморфного персонажа представлены en face, туловище и конечности – в профиль, с разворотом влево. Непропорционально большие слившиеся головы морфологически одинаковы – они имеют форму удлинённого приострѐнного овала. Детали переданы пониженным рельефом. Близко посаженные овальные глаза показаны кольцевыми углублениями, моделирующими внутри выпуклые зрачки. Над глазами расположены дуговидные углубления, передающие брови или надбровные дуги. Удлинѐнные линии носов заканчиваются горизонтальными углублениями, которые, маркируя окончание носа, возможно, обозначают верхнюю губу. Чуть ниже их расположены аналогичные углубления, передающие горизонтальную линию рта. Туловище узкое, что, возможно, объясняется стремлением передать именно профильное положение корпуса. Слегка выпуклая линия спины смыкается с ногой, отведѐнной назад. Ноги слегка разведены в положении, близком к «идущему». Наличие отверстия между ними позволяет условно считать данную отливку ажурной. Ступни на уровне щиколотки подчеркнуты углублениями, возможно, передающими низкую обувь. Короткие руки в положении «одна над другой» выставлены вперѐд и слегка опущены вниз. Их форма (особенно верхней) напоминает клюв хищной птицы. Это впечатление усиливает округлая выпуклость, возможно, маркирующая глаз. Если наше предположение верно, то верхний персонаж композиции следует признать полиморфным (антропоморфным с признаками орнитоморфного).

Зооморфная фигура тоже направлена влево. Еѐ спина изогнута, короткая голова и короткий широкий хвост слегка приподняты. В целом фигура, несмотря на прямую линию брюха, вызывает впечатление «просевшей» под тяжестью антропоморфного персонажа. Короткие двоянные передние и задние конечности выделены единым выступом по контуру и разделены продольным углублением (аналогичным образом конечности оформлены и на оборотной стороне). Овальный глаз показан кольцевым углублением, образующим в середине выпуклый зрачок. «Вырез» приоткрытой пасти тоже передан небольшим клиновидным углублением. На краю морды маленькой ямкой показана ноздря. Хвост можно условно охарактеризовать как «сетчатый»: на его поверхности две «насечки», идущие справа вниз налево, пересекаются одной, направленной слева вниз направо. Вероятнее всего, мастер стремился передать образ бобра.

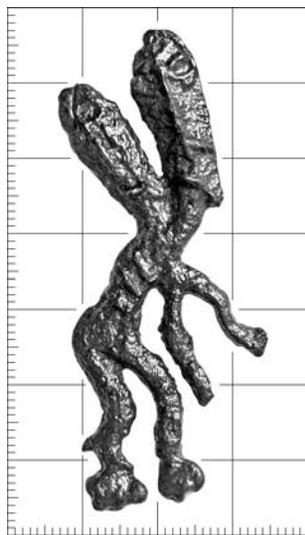
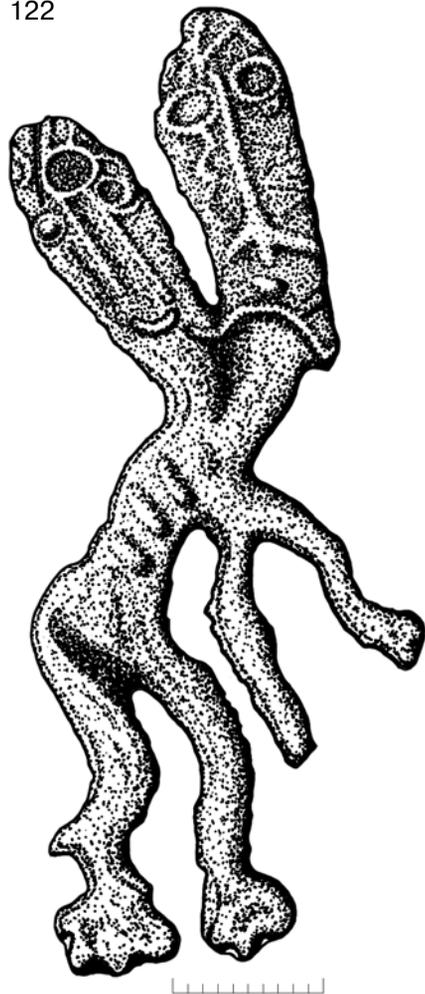
Бронза (?). Литѐе. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Место отъѐма литника отшлифовано. Края изделия подшлифованы, поверхность слегка отполирована.

Размеры: высота изделия – 6,7 см, ширина в области голов – 1,6 см, длина зооморфной фигуры – 2,1 см, толщина изделия – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от Н.В. Канева в 1999 г.).

Место хранения: Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры), № 5939.

22. Антропоморфное изображение

Представляет собой ростовую двухголовую антропоморфную фигуру, головы которой расположены en face, а туловище и конечности – в профиль с разворотом влево. Формообразующие части изображения хорошо выделены по контуру, детали показаны повышенным и, отчасти, пониженным рельефом. Поверхность отливки грубая.

Туловище персонажа наклонено вперёд; по контуру хорошо выделены изгибы выпуклой спины и ягодиц. Разведённые ноги дугообразно согнуты в коленях таким образом, что персонаж выглядит слегка присевшим. В средней части туловища отчётливо фиксируются три поперечных валика (рёбра?). Ступни массивные, визуально не вполне «антропоморфные»; это впечатление усиливается тем, что на тыльной стороне ноги, отведённой назад (левой?) по контуру выделен подтреугольный выступ, соответствующий так называемой «щётке» на конечностях копытных. На ступнях как будто прослеживается трёхпалость. Удлиненные руки вытянуты вперёд и опущены вниз. Они отходят от единого выступа под острым углом друг к другу в положении «одна над другой». «Верхняя» рука изогнута волнообразно, «нижняя» – дугой, направленной окончанием вверх.

Удлиненные, запрокинутые назад головы расположены под острым углом друг к другу и сходятся у основания. Верх голов можно условно считать скругленным. Хорошо выделенные шеи (шею левой головы можно считать удлинённой), подчеркнутые углублением между ними, смыкаются на уровне верхнего уровня спины (сзади) и примыкания к корпусу рук (спереди). Иконография и стилистика лиц, при некотором сходстве, во многом различны. Оба имеют округлые глаза: на левой голове они показаны кольцевыми валиками; на правой – таким образом оформлен только левый глаз, а соседний изображён кольцевым углублением. Удлиненные линии носа обозначены вертикальными валиками: на левом лице это один валик, переходящий близ окончания в носогубные морщины, на правом – два валика (без морщин). Рот на левой голове передан маленькой овальной выпуклостью, на правой – дуговидным валиком в положении «улыбающийся». Есть и индивидуальные отличия. Левая голова и шея разделены поперечным дугообразно выгнутым вверх валиком. Посередине лба на правой голове расположено округлое углубление, окантованное кольцевым валиком (наподобие «третьего глаза»).

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в нижней части изображения – в ногах.

Размеры: высота – 6,4 см, ширина (максимальная в описанном положении) – 2,8 см, толщина – 0,3 см.

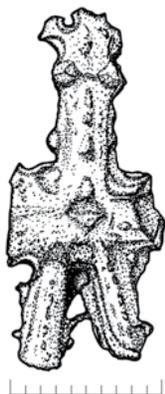
Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтегазодобывающей экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3709/22.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 102. Рис. 2-д.

23. Антропоморфное изображение

По-видимому, представляет собой фрагмент, отрубленный слева и справа от многофигурного изображения (наподобие № 11). Поверхность изделия грубая, неровная. Редуцированная антропоморфная (?) фигура показана en face. Основные части изображения выделены по контуру, детали показаны в повышенном рельефе. Вертикально вытянутая голова под прямым углом переходит в широкую горизонтально поставленную «несущую» пластину, вероятно, являвшуюся каналом заливки металла. От нижнего края этой пластины отходят две относительно узкие пластины, моделирующие короткие слегка расставленные ноги.

Глаза персонажа показаны выпуклостями, которые, кроме того, подчеркнуты слабыми выступами по контуру. Длинный нос обозначен четырьмя пунктирно идущими выпуклостями, расширяющимися книзу; при этом нижняя выпуклость смыкается со ртом, имеющим ромбовидную горизонтальную форму. Верхняя «губа» показана подтреугольным углублением, нижняя – подтреугольной выпуклостью.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось на одной из отрубленных боковых сторон. Края отливки неровные.

Размер: высота – 2,4 см, ширина – 1,0 см, толщина – 0,2–0,3 см.

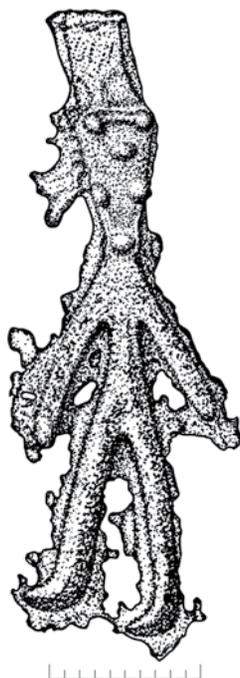
Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/180.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–9.

Представляет собой показанную en face в полный рост антропоморфную фигуру, в верхней части которой фиксируются признаки «дополнительного» изображения. Поверхность изделия грубая, бугристая. Детали выделены по контуру повышенным рельефом. Собственно фигура достаточно пропорциональна, вместе с тем ноги, являясь продолжением линии практически не выделенного короткого и узкого туловища, производят впечатление удлинённых. Руки персонажа слегка разведены в стороны. Левая рука прямая, правая слегка согнута (плавной дугой). Расставленные прямые ноги плавно переходят в приострѐнные к окончанию ступни, повѐрнутые вправо.

Общий абрис головы с вписанным в неё дополнительным изображением имеет форму вытянутого треугольника, направленного острым углом вниз. В целом голову можно назвать плоской, а подбородок – приострѐнным. Глаза и рот персонажа показаны сплошными округлыми (овальными) выпуклостями, вписывающимися в абрис нижней части лица. Аналогичными выступами, моделирующими рот и глаза (?), обозначено дополнительное изображение, расположенное над лицом основного персонажа. Здесь выпуклости глаз соединены валиком.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения – вверх от головы отходит слегка наклонѐнный вправо широкий неотрубленный (недоотрубленный?) литник. Фигура обрамлена обширными затѐками металла, к которым следует отнести и выступ справа от головы.

Размеры: высота – 4,3 см, ширина – до 1,5 см, толщина – до 0,4 см.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.). Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3711/24.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятыё Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 102. Рис. 2–в.

25. Антропоморфное изображение

Представляет собой относительно пропорциональную антропоморфную фигуру, показанную *en face* в полный рост и увенчанную дополнительным изображением. Поверхность изделия грубая, неровная. Детали выражены повышенным рельефом и частично выделены по контуру.

О форме головы судить трудно; можно лишь отметить, что она вытянута вертикально. Детали лица переданы в рельефе. Округлые глаза и короткий вертикально поставленный нос показаны выпуклостями. Глаза, помимо этого, усилены выступами по контуру. Губы (возможно, усы) смоделированы тонким валиком, который короткой вертикальной линией отходит от носа, а затем симметрично раздваивается под тупым углом, завершаясь приподнятыми уголками (кончиками усов?). Шея не обозначена; покатые, но отчётливо выделенные по контуру плечи отходят непосредственно от головы. Руки плотно прижаты к туловищу, согнуты в локтях под острым углом и сомкнуты на груди. Локти тоже выделены по контуру изображения. В месте соединения кистей обозначена овальная выпуклость. Нижняя часть фигуры показана вертикально вытянутой трапециевидной пластиной, существенно расширяющейся книзу и имеющей многочисленные затёки металла. В самом низу «читается» округлое отверстие, несомкнутое, очевидно, вследствие недолива металла. Возможно, оно было предназначено для подвешивания фигурки.

Голова персонажа увенчана вертикальным выступом, на котором намечено «дополнительное» изображение в виде личины (?). Тонким валиком обозначен горизонтальный рот с приподнятыми уголками. Выпуклостями показаны овальный горизонтально расположенный нос и нижняя половина правого глаза. Остальная часть этого выступа покрыта кавернами, что, вероятно, объясняется близостью к литнику.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: высота – 4,0 см, ширина – 0,5–1,2 см, толщина – 0,3–0,4 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

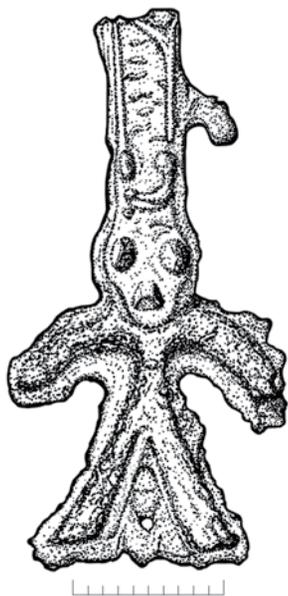
Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/178.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–4.

26. Антропоморфное изображение

Представляет собой антропоморфную фигуру, показанную en face в полный рост и увенчанную дополнительным изображением. Поверхность изделия грубая, неровная. Собственно фигура достаточно пропорциональна. Её формообразующие части хорошо очерчены по контуру, детали показаны в повышенном рельефе.

Подтреугольная голова с впальми скулами посажена ниже линии плеч. Черты лица показаны сплошными выпуклостями: глаза имеют округлую (вертикально-овальную?) форму, рот – трапецевидную. Руки персонажа разведены в стороны и слегка опущены, образуя дугу. Туловище практически не выделено. Прямые широко расставленные ноги отходят непосредственно от основания рук. В области конечностей фигура имеет обширные затёки металла. На затёке между ногами слабой выпуклостью обозначен равносторонний треугольник вершиной вниз, на которой имеется маленькое отверстие. Насколько неслучайно наличие этого элемента – судить трудно.

Дополнительное изображение расположено на пластине, вертикально отходящей непосредственно от головы и имеющей выступ с левой стороны (дефект литья?). Ширина пластины несколько меньше ширины головы. Изображение смоделировано в повышенном рельефе – выпуклостями. Можно предположить, что таким образом показаны два глаза: правый – овальный и левый – округлый, сливающийся с длинным горизонтальным ртом (подобное оформление глаз и рта – см. кат. № 15). От глаз вверх отходят длинные вертикальные валики, левый из которых близ края пластины раздваивается.

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: высота – 3,7 см, ширина – до 1,9 см, толщина – 0,2–0,3 см.

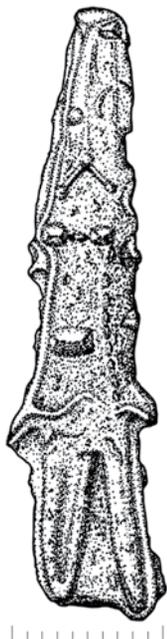
Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/181.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–5.

Представляет собой редуцированную антропоморфную фигуру, показанную en face и увенчанную дополнительным изображением. Поверхность изделия грубая, неровная. Основные детали показаны в повышенном рельефе; по контуру более или менее отчётливо выражены лишь выступы в области рук.

Фигура непропорциональна – её основную часть занимает удлинённая голова персонажа. Черты лица показаны сплошными выпуклостями: глаза имеют подквадратную форму, более крупный рот – подпрямоугольную. По правому краю изображения проходит тонкий валик, огибающий правый глаз основного персонажа (с левой стороны подобная линия обозначена пунктирно). На уровне плечей этот валик пересекает фигуру в виде трёхвершинного зигзага, концы которого вписаны в выступы – короткие опущенные вниз руки. Прямые слегка расставленные ноги отходят непосредственно от места обозначения рук; пространство между ногами залито металлом (насколько это сделано преднамеренно – судить трудно). Правая нога шире и короче левой. Посередине правой ноги проходит неглубокий желобок.

Дополнительный образ отходит вверх от основного без выделенного перехода. На нём просматриваются маленькие округлые выпуклости в форме треугольника, вершины которого справа и слева соединены тонким валиком. Возможно, таким образом условно обозначены носогубные линии. Более или менее отчётливо различим правый глаз.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

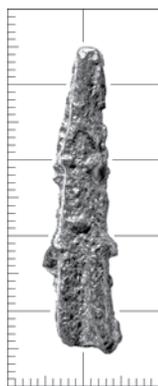
Размеры: высота – 4,1 см, ширина – до 1,0 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

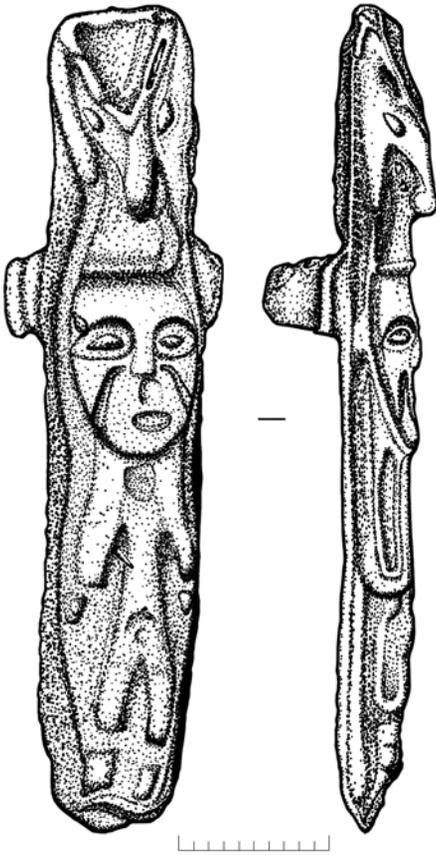
Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/182.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4-3.

28. Антропоморфное изображение

Представляет собой антропоморфную фигуру, показанную *epi face* в полный рост и увенчанную «дополнительным» зооморфным изображением. Детали изображения переданы пониженным и повышенным рельефом. Композиция размещена на лицевой стороне узкой вертикально ориентированной пластины, внешняя сторона которой выпуклая, а внутренняя – уплощенная. Отсутствие возможности выделить основную плоскость изображения, а также значительная высота рельефа в сочетании с элементами объёмности позволяют считать изображение близким к барельефному. С внутренней стороны изделия в его верхней трети расположена округлая петля, отлитая одновременно с пластиной. Предположительно изделие можно считать подвеской, с учётом того, что его можно было и насаживать.

Фигура антропоморфного персонажа имеет непропорционально большую голову в форме вертикально поставленного овала, усечённого в верхней четверти. Миндалевидные глаза показаны кольцевым углублением, образующим выпуклый зрачок. Внутренний контур глаз смыкается с линией короткого, слабо выступающего вперёд и слегка смещённого вправо носа. От его основания наклонно вниз отходят углубления, передающие носогубные морщины. Рот передан коротким овальным горизонтальным углублением. На участке между ртом и носом фиксируется небольшая впадина, которую можно предположительно оценить как попытку передать центральную часть верхней губы. Подбородок выступает вперёд до уровня носа. Туловище и конечности выделены в повышенном рельефе. Шея и плечи не показаны, опущенные вниз руки отходят от уровня нижней четверти личины. Общая линия ног уходит немного вправо. Кисти рук и стопы ног, являясь продолжением линии конечностей, отделены от них за счёт достаточно широких перемычек. Возможно, что округлое углубление на уровне «поясницы» — попытка передать пупок персонажа. Небольшую вмятину на груди (чуть ниже подбородка) трактовать трудно.

Зооморфное изображение размещено в верхней части композиции и отделено от личины желобком и валиком, по-видимому, маркирующими линию лба. Персонаж представлен головой животного, вызывающей визуальные ассоциации с антилопой. Морфологические особенности хорошо просматриваются в профиль. Рот животного раскрыт, верхняя челюсть заканчивается округлым утолщением, нижняя сходит на нет. От затылка под острым углом расходятся удлинённые рога (уши?). Миндалевидные глаза показаны выпуклостями.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: высота – 5,5 см, ширина – 1,0 см, толщина – 0,3-0,6 см, высота петли – 0,8 см.

Источник поступления: неизвестное поступление (1989 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 918/3.

29. Антропоморфное изображение

Представляет собой показанную en face в полный рост относительно пропорциональную антропоморфную фигуру. Детали изображения показаны в повышенном и пониженном рельефе. Резким повышенным рельефом выделен нос, плавным – окончания ног и рук, область подбородка и головного убора. Лицо имеет форму вертикально поставленного полуовала, усечённого сверху. Таким образом, его верх можно назвать горизонтально срезанным, подбородок – плавным (возможно, слегка раздвоенным).

Миндалевидные глаза показаны кольцевым углублением, образующим выпуклый зрачок. Они слегка наклонены к носу и смыкаются с ним. Чуть выше глаз расположены дуговидные углубления, совпадающие с верхней линией глаз и передающие брови или надбровные дуги. Прямой нос резко выступает вперёд и расширяется книзу. Рот показан дуговидным углублением, расположенным в положении «улыбающийся». Выше линии лба, обозначенной валиком и желобком, плавным повышенным рельефом показан головной убор (?), имеющий вид трёхлучевой «короны», слегка сужающейся кверху.

Шея не выделена. Покатые плечи начинаются от уровня нижней четверти лица и плавно переходят в опущенные широкие и прямые руки, расположенные на одной вертикальной линии с аналогично оформленными «столбообразными» ногами. Посередине туловища проходит узкий вертикальный валик. Трёхпалые кисти отделены «на уровне запястья» парой поперечных желобков. Подобные желобки маркируют и коленные суставы. Расположенный между ногами выступ можно трактовать как признак мужского пола. Ступни не выделены. Пальцы ног показаны выступами, расположенными на горизонтальном возвышении нижнего края изделия (сходное оформление пальцев – см. № 14). Можно говорить о «трёхпалости ног» – седьмой (центральный) выступ достаточно аморфен.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: высота – 3,6 см, ширина – 0,8–1,1 см, толщина – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: неизвестное поступление (1989 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 918/2.

30. Антропоморфное изображение

Представляет собой пропорциональную антропоморфную фигуру en face в полный рост. Поверхность изделия неровная. Детали показаны в повышенном и пониженном рельефе, а также, частично, по контуру. Наличие вертикального отверстия между ногами позволяет условно считать данную отливку ажурной.

Общий абрис головы идентифицировать трудно, возможно, из-за недолива металла (?) в правой части изображения. В целом голова слегка вытянута в вертикальной плоскости. Можно предположить, что верх головы был слегка приострѐн по центру. Горизонтально расположенные прерывистые углубления, размещѐнные на плоскости высокого лба, возможно, обозначают край головного убора персонажа. Линия подбородка плавная. Миндалевидные глаза показаны кольцевым углублением, образующим выпуклый зрачок. Они смыкаются с носом, который слегка выступает вперѐд и расширяется книзу. Рот показан дуговидным углублением, расположенным в положении «улыбающийся».

Шея не выделена, покатые плечи намечены лишь по контуру. Руки свободно опущены вниз и находятся почти на одной вертикальной линии с ногами. Окончания рук трёхпалые. Локтевые суставы обозначены поперечными перемычками. В центральной части туловища повышенным рельефом показаны четыре достаточно аморфные (подтреугольные?) фигуры, имеющие суженную нижнюю часть и расширенную верхнюю – возможно, так обозначена позвоночная часть скелета. О неслучайности такой конструкции свидетельствует сходный способ оформления «позвоночника», известный по изображению из Усть-Полуя [Усть-Полуй, 2003. – С. 20. Кат. № 26]. Ноги прямопоставленные; их внутренняя линия прямая, внешняя – расширена в области бѐдер и икр и сужена в области коленей. В области таза «валики» ног сходятся в центральной части, образуя Y-образную фигуру, по всей видимости, передающую половую принадлежность персонажа. В области стоп ноги резко изгибаются вверх и сходятся к центру под тупым углом. Не исключено, что таким образом переданы загнутые внутрь ступни.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Края изделия подработаны.

Размеры: высота – 4,0 см, ширина – 0,7–1,0 см, толщина – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: неизвестное поступление (1989 г.).

Место хранения: Берѐзовский районный краеведческий музей (п. Берѐзово ХМАО – Югры), № 918/1.

ЛИТЕРАТУРА

Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003.

Представляет собой антропоморфную фигуру, показанную en face в полный рост. Поверхность изделия грубая, неровная. Основные детали показаны в повышенном рельефе; по контуру более или менее отчётливо выражены лишь выступы в области кистей рук.

В целом фигура достаточно пропорциональна, за исключением явно удлинённой головы. Близко посаженные глаза показаны округлыми выпуклостями. От них вниз отходят два тонких ребристых валика; они переходят в горизонтально ориентированную выпуклость, обозначающую нос. Ниже носа эти валики соединяются с аналогичной (чуть меньшей) выпуклостью, моделирующей рот. Опускаясь ещё ниже и расходясь в стороны, валики обозначают линии слегка разведённых рук; при этом правая рука прямая, а у левой выделена кисть, отогнутая под тупым углом. На уровне таза прослеживается выпуклость, вероятно, имеющая отношение к признакам пола данного персонажа. От линий рук на уровне «кистей» вертикально вниз отходят валики, моделирующие линии прямо поставленных ног. Выделенные ступни отогнуты под тупым углом и подчеркнуты снизу дугообразными валиками.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. По краям фиксируются затёки металла.

Размеры: высота – 4,4 см, ширина – 0,5–0,7 см, толщина – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/179.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–2.

32. Антропоморфное изображение

Представляет собой антропоморфную фигуру, расположенную en face, с признаками дополнительного образа. Детали выделены по контуру и показаны в повышенном рельефе. Фигура имеет непропорционально большую голову и короткие (относительно рук) ноги. Абрис лица близок к овоиду, направленному острым концом вниз. Близко посаженные округлые глаза обозначены кольцевым валиком. Повышенным рельефом выделены короткий слегка расширяющийся книзу нос и удлинённый дуговидный рот, находящийся в положении «улыбающийся».

Шея широкая, короткая. Образующие широкую дугу поднятые вверх трёхпалые руки смыкаются с помещённой между ними головой. Туловище практически не выделено. Внешняя линия ног начинается непосредственно из «области подмышек». Правая нога короче и шире левой. Она слегка выгнута наружу; в слабом волнообразном рельефе её окончания можно увидеть признаки трёхпалости. Левая нога заканчивается выступами, напоминающими очертания повернутой внутрь ступни.

В верхней части головы можно увидеть признаки дополнительного изображения. На лбу основного персонажа – на участке между его глазами и округлой макушкой – расположены кольцевые валики, морфологически близкие символу глаз, но менее рельефные. По верхнему краю головы выступами по контуру выделены широко поставленные полукруглые уши. Представляется, что эти детали синтаксически связаны и в совокупности моделируют наверху – маску, «надетую» на голову антропоморфного персонажа – мотив, широко представленный на гравировках нижеобских зеркал раннего железного века. На одном из таких зеркал можно видеть, наряду с другими масками, и медвежью [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002. С. 55. Кат. № 8]. Случаи показа медвежьего образа en face достаточно редки в сравнении с профильными изображениями и более поздними барельефами, передающими голову зверя при виде сверху. Тем не менее известные изображения медведя en face на бронзовых зеркалах демонстрируют сходные черты иконографии персонажа – овальные уши на овальной «макушке» [Бауло, 2011. С. 241. Кат. № 374; Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002. С. 47. Кат. № 4]. Аналогичным образом оформлена и бронзовая фигурка медведя из Усть-Полуя [Усть-Полуй, 2003. С. 23. Кат. № 34]. Завершая сюжет, подчеркнём, что для сугубо антропоморфных изображений этой эпохи показ ушей вообще не характерен. Подчеркнуто «улыбающийся» рот в данной ситуации не может быть индикатором персонажа – он встречается как на отмеченных изображениях медведя, так и на антропоморфных изделиях (см. кат. № 2, 14, 29, 30).

Таким образом, вероятнее всего, изображение представляет собой антропоморфный персонаж с «маской» медведя на голове.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, предположительно, располагалось в верхней части изображения (между ушами дополнительного образа).

Размеры: высота – 4,1 см, ширина – до 2,7 см.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3704/17.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 100. Рис. 1–л.

ЛИТЕРАТУРА

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011.

Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века / Отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск: ГалаПресс, 2002.

Усть-Полуй: I век до н. э.: Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003.

33. Антропоморфное изображение

Представляет собой полную антропоморфную (?) фигуру, вписанную в подтреугольную рамку и местами сливающуюся с ней. Наличие отверстий между фигурой и рамкой (и внутри фигуры – в области рук) позволяет считать данную отливку ажурной. Фигура и конечности персонажа показаны в профиль. Прямая линия спины сливается внизу с рамкой и заканчивается небольшим выступом, который можно трактовать как короткий хвост. Если последнее верно, то перед нами антропо-зооморфный персонаж. Вытянутые вперёд руки сомкнуты в овальное кольцо и тоже сливаются с рамкой. Ноги согнуты в коленях почти под прямым углом; на уровне бёдер они разделены углублением, ниже – отверстием. Полностью показана правая нога с хорошо выделенной ступнёй. Левая нога на уровне колена сливается с рамкой, линия которой в этом месте образует тот же угол, что и голень правой ноги. В целом позу персонажа можно охарактеризовать как «пляшущую».

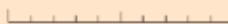
Массивная удлинённая голова, слегка откинута назад, расположена en face; в верхней части она сливается с рамкой и таким образом приобретает подтреугольный абрис. Глаза и рот показаны относительно изоморфными округлыми выпуклостями. Линия носа обозначена в виде тонкого извилистого валика, идущего от верхнего края головы до рта.

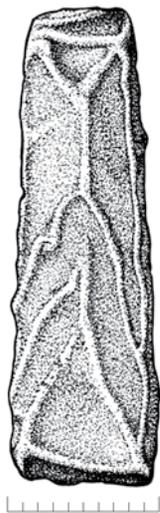
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, вероятно, располагалось в верхней части изображения. Изделие деформировано – выгнуто на лицевую сторону.

Размеры: высота – 3,3 см, ширина – до 1,7 см, толщина – 0,1–0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/176.

Размещено на высокой трапециевидной пластине, края которой подчеркнуты валикообразным утолщением. Поверхность изделия неровная. Детали изображения показаны в повышенном рельефе – узкими валиками, передающими лишь основные контуры фигуры. «Голова» персонажа имеет форму прямоугольного треугольника, повернутого прямым углом вниз. От этого угла вниз отходит длинная «шея»; она разветвляется на разведённые в стороны и опущенные вниз «руки», смыкающиеся с краями отливки. Линия «туловища» немного отстоит от линии «шеи», но, по сути, и она тоже является её продолжением. Широко расставленные «ноги» находятся по тем же углом, что и «руки», и также смыкаются с краями изделия.

Крайняя условность и схематизм изображения не позволяют однозначно определить ракурс, в котором показан персонаж – это может быть и *en face*, и профиль. В обоих случаях трудно интерпретировать длинный «отросток», отходящий вправо от туловища на участке между «рукой» и «ногой» и расположенный параллельно им.

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Размеры: высота – 3,2 см, ширина – 0,8–1,0 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/174.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. – Ил. 4–6.

35. Антропоморфное изображение (фрагмент)

Изделие, по-видимому, представляло собой композицию в прямоугольной рамке (наподобие № 14). Сохранился лишь левый верхний угол. На поверхности плоской и достаточно широкой рамки расположен орнамент в виде ряда слабо углубленных «уточек». Детали изображения выделены пониженным рельефом таким образом, что формообразующая плоскость выглядит слегка выпуклой. Наличие отверстия в углу рамки позволяет условно считать изделие ажурным.

Фрагмент изображения представляет реалистично выполненную голову антропоморфного персонажа, показанную в правый профиль. Её верх сливается с рамкой. Резко выступающий нос с массивной горбинкой слегка опущен вниз. Чётко выделены губы. Открытый рот показан глубоким полуовальным вырезом. Приострѐнный подбородок выдаётся вперѐд и вниз. Овальный глаз показан «фронтально» – кольцевым углублением, моделирующим выпуклый зрачок. Небольшое ромбовидное углубление на носу, возможно, было призвано подчеркнуть крылья носа. Идущая вдоль затылочной части линия выпуклостей, создающая впечатление перевитого шнура, возможно, передаёт часть причёски. Это же относится и к «ответвлению» с тремя направленными наружу выступами, уходящему от затылка вниз.

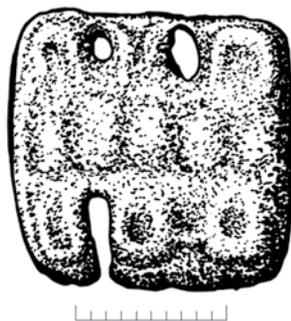
Бронза оловянистая (?). Литьѐ. Полировка.

Размеры (сохранившейся части изделия): высота – 1,6 см, ширина – 2,0 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берѐзовский районный краеведческий музей (п. Берѐзово ХМАО – Югры), № 400/193.

Эта неудавшаяся при отливке подквадратная бляшка с закругленными углами включена в группу няксимвольской металлопластики достаточно условно, но и проигнорировать её было бы неверным.

С одной стороны, она напоминает декоративные бляшки с линией выпуклостей по средней линии, нередкие в украшениях эпохи раннего железа и одной из своих разновидностей представленные в няксимвольских коллекциях (ил. 11 раздела «Хронология Няксимволя» в данном издании).

С другой стороны, нельзя пройти мимо того факта, что подобные размеры, форму и рельеф лицевой стороны имеют плакетки с изображением трёх фигур бобров при ракурсе снизу – со стороны живота. На таких отливках высоким рельефом переданы выступающие морды животных (три), подогнутые передние и задние конечности (по шесть), а углубленным – ромбовидная насечка на широких лопатообразных хвостах на нижнем уровне композиции [Бауло А.В., 2011. С. 158. Кат. № 237; Яковлев Я.А., 2013. С. 39]. Именно такое сочетание повышенных деталей рельефа на нужных для предложенной композиции участках пластического пространства и демонстрирует представляемое изделие.

Необходимо отметить, что подобные композиции – правда, не с тремя, а с одним или двумя образами бобров – нередки в урало-сибирской металлопластике раннего железного века. В частности, такое изображение с парой грызунов известно с городища Ус-Нёл, что расположено на р. Ялбынья недалеко от городища Няксимволь [Бауло А.В., 2011. С. 157. Кат. № 235; Яковлев Я.А., 2013. С. 39]. В няксимвольской художественной бронзе парные композиции, запечатлевшие этих животных как с нижнего (со стороны живота), так и с верхнего (со стороны спины) ракурсов, составляют весьма представительную группу (см. кат. № 37–48).

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла не просматривается.

Размерь: высота – 1,9 см, ширина – 1,9 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: разведочные работы А.Н. Кондрашёва (2002 г.).

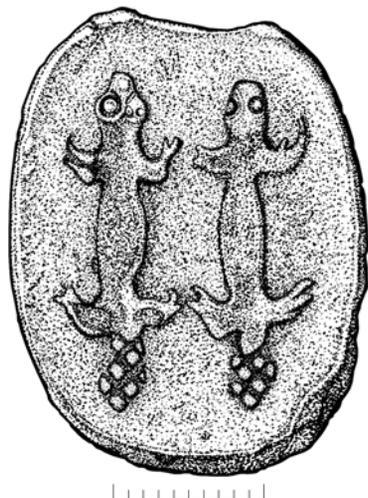
Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9297/3.

ЛИТЕРАТУРА

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011.

Яковлев Я.А. «Мы с тобой одной крови – ты и я...». – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013.

37. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные фигуры бобров размещены на овальной плакетке, усиленной по краю валиком. Поверхность фигур достаточно ровная, в отличие от бугристой плакетки.

Фигуры персонажей показаны со стороны спины и достаточно чётко оконтурены на фоне плакетки. Формообразующие элементы фигур выделены в повышенном рельефе (максимальным – до 0,15 см – в области голов и конечностей, минимальным – на протяжении туловища). Детали изображения переданы пониженным рельефом.

Левый персонаж имеет узкую морду, выделенную отчасти за счёт расширения контура головы в области глаз. Очертания головы правого персонажа менее выражены; они имеют вид неправильного прямоугольника с вписанными в него глазами. Округлые глаза показаны кольцевыми (полукольцевыми) углублениями, моделирующими выпуклый зрачок. У левого персонажа выделена широкая шея. Удлиненные туловища плавно расширяются в средней части, при этом «внутренняя» линия туловищ заметно более выпуклая, нежели внешняя. Конечности расставлены в стороны и направлены вперед. Их оформление во многом индивидуально. Объединяет их усиленная бедренная часть и преобладающая двухпалость. В большинстве случаев чётко обозначены суставы. Широкие хвосты имеют овальные очертания. Роговые пластинки хвостов обозначены углубленной диагональной сеткой.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения. При обламывании литника часть плакетки была утрачена.

Размер: длина – 3,0 см, ширина – 2,3 см.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

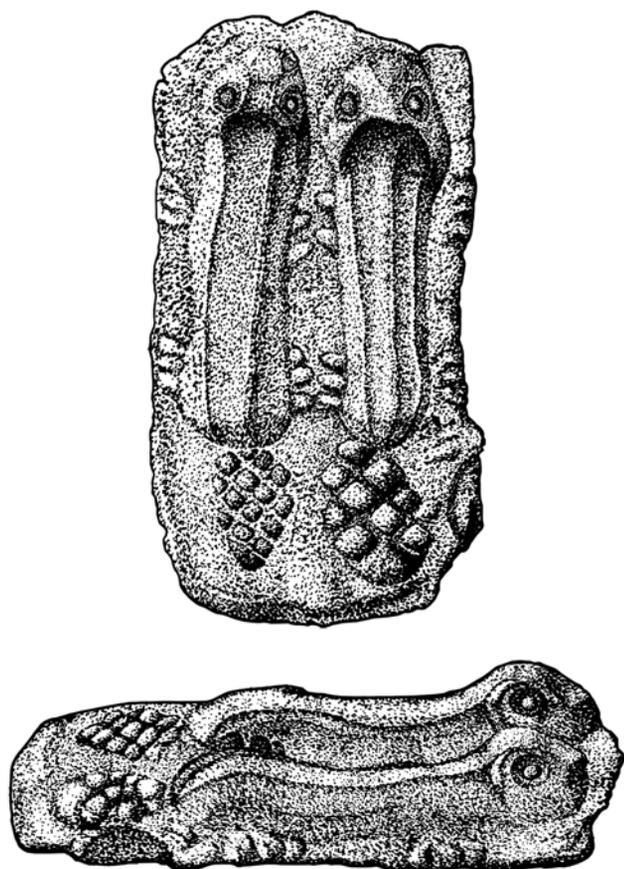
Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3705/18.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 100. Рис. 1–ж.

38. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные фигуры бобров размещены на плакетке подпрямоугольных очертаний. Основные части смоделированы в подчёркнуто неоднородном рельефе: головы - в высоком, туловища - в повышенном, хвосты - в слабо повышенном. В целом изображение занимает промежуточное положение между барельефом и горельефом.

В плане фигуры показаны со спины. Головы персонажей наиболее выпуклы и расширены в теменной части. К краям морд они плавно понижаются и сужаются; линии затылков более крутые. Округлые глаза показаны кольцевыми углублениями, моделирующими выпуклый зрачок. Рты просматриваются плохо, возможно, из-за близости к литнику. Туловища вытянутые, с чётко оформленными краями. Спины вогнуты, задние части приподняты. По поверхности туловищ проходят продольные валики-рёбра, придающие им эффект «гранённости» (у левой фигуры таких валиков два, у правой - три). Хвосты уплощены. В плане они фактически отделены от абриса туловищ и имеют овоидные очертания. Хвост правого персонажа более массивный. Роговые пластинки хвостов обозначены углубленной диагональной сеткой: у правого персонажа - крупноячеистой, у левого - мелкоячеистой. Конечности обозначены слабыми, слегка удлинёнными выступами, передающими пальцы. Они вытянуты в стороны и немного вперед - к головам. Можно говорить о преобладающей трёхпалости конечностей, хотя в двух случаях определённо прослеживается двухпалость.

Поза персонажей и их рельеф, возможно, передают фигуры в плывущем состоянии.

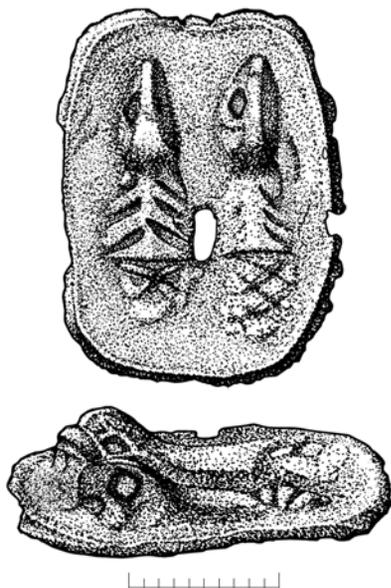
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения.

Размеры: длина - 4,0 см, ширина - 2,2 см. Толщина плакетки - 0,2 см, в области голов - 0,7 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО - Югры), № 400/191.

39. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные фигуры бобров размещены на плакетке, усиленной по краю небольшим валиком. Общий контур изделия занимает промежуточное положение между овалом и прямоугольником. Поверхность отливки грубая, бугристая.

Фигуры персонажей показаны со стороны спины. Головы выделены в высоком рельефе. Остальные части изображения смоделированы в слабо повышенном рельефе, на фоне которого углублениями обозначены детали.

Морды в плане узкие. Головы расширяются к затылочной части, а затем вновь слегка сужаются при переходе к туловищу. Близкие к ромбовидным глаза персонажей показаны контурными углублениями, моделирующими выпуклый зрачок. Рты просматриваются только в профиль. Они едва намечены небольшими выемками близ основания голов. Туловища аморфные. Удлиненные диагонально расходящиеся углубления, фиксирующиеся по обеим сторонам туловищ, вероятно всего, обозначают рёбра. Хвосты отделены от туловищ поперечными желобками. «Чешуйчатость» хвостов обозначена углубленной диагональной сеткой. Хвост левого персонажа заметно короче.

Поза персонажей и их рельеф, возможно, передают фигуры в плывущем состоянии.

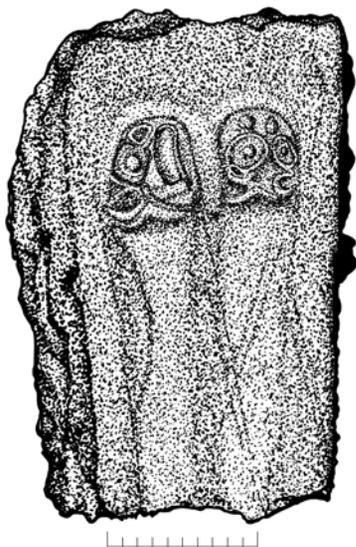
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения. Овальное отверстие между фигурами – результат недолива.

Размеры: длина – 2,5 см, ширина – 1,9 см, толщина основной части – 0,2 см, в области голов – 0,5 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/190.

40. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные редуцированные фигуры размещены на пластине, стороны которой имеют «изломанный» вид. Общий абрис пластины приближен к прямоугольнику, однако, судя по всему, целенаправленные действия по оформлению пластины не предпринимались. Более того, создается впечатление, что данная поделка является фрагментом более крупного изделия. В поперечном сечении пластина имеет дуговидный абрис (выпуклой стороной вверх). Поверхность пластины грубая, бугристая, головы персонажей относительно гладкие.

По-видимому, персонажи показаны со стороны спины. При этом отчетливо смоделированы только головы, выделенные в повышенном рельефе. Детали изображения показаны пониженным рельефом. Абрис голов имеет овальные очертания. Пара ямочек близ края морды, вероятнее всего, обозначает нос. Глаза показаны контурными углублениями, моделирующими округлый выпуклый зрачок. Левый глаз левого персонажа имеет ромбовидный абрис; в остальных случаях глаза округлые. Уши показаны небольшими углублениями, примыкающими к внешнему контуру голов. Туловища слегка выделены лишь в части, примыкающей к головам. На остальной поверхности пластины они практически не выражены.

Оформление деталей голов персонажей находит соответствия в изображениях бобров из Няксимволя. Наиболее близко в этом плане изделие кат. № 53. Сходен и сам принцип оформления фигур, при котором головы более выражены в рельефе, чем туловища (см. кат. № 38, 39). Возможно, таким приёмом подчёркивалось «плывущее» состояние персонажей.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения.

Размеры: длина – 3,4 см, ширина – 2,1–2,3 см, толщина – 0,2–0,4 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от Н.В. Канева в 1999 г.).

Место хранения: Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры), № 1045.

41. Условно-зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные фигуры размещены на подквадратной (со сглаженными углами) плакетке, усиленной по краю валиком. Поверхность изделия грубая, неровная.

Фигуры персонажей показаны в вытянутом состоянии со стороны спины (?). Формообразующие элементы фигур выделены в повышенном рельефе, детали показаны слабым повышенным (местами – пониженным) рельефом. Абрис голов близок к трапецевидному. Глаза, обозначенные слабыми округлыми выпуклостями, приурочены к месту максимального расширения головы. Выпуклость у края морды трактовать трудно. Это может быть обозначение рта или носа персонажей. Шеи удлинены, переход к ним плавный. Узкие туловища являются продолжением линии шеи. Конечности расставлены в стороны и направлены вперёд. Передние конечности персонажей слиты, задние – соприкасаются (по «оси» композиции). Узкий хвост левого персонажа немного смещён вправо относительно линии туловища, в отличие от несколько расширенного хвоста правой фигуры, который продолжает линию туловища. На корпусе левого персонажа в основании шеи прослеживается контурное углубление ромбовидной формы, моделирующее ромбовидную же «выпуклость».

Наиболее вероятно идентификация изображений с бобрами. В пользу этого свидетельствуют композиционное построение фигур и детали иконографии – направленные вперёд конечности (см. кат. № 37–38).

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла не просматривается.

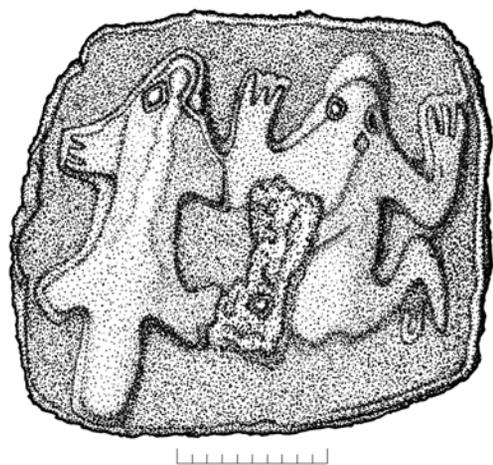
Размерь: длина – 2,6–2,7 см, ширина – 2,3 см, толщина – 0,4–0,5 см.

Источник поступления: неизвестное поступление (1989 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 919 СГН.

42. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две однонаправленные фигуры – бобра и лягушки – размещены на плакетке, форма которой близка к параллелограмму. Персонажи показаны со стороны спины и достаточно чётко оконтурены на фоне плакетки. Формообразующие элементы фигур выделены в повышенном рельефе (увеличивающемся в области голов и туловищ). Ещё более рельеф увеличивается по линии позвоночника, и в сравнении со смоделированными на более низком уровне краями (боками) персонажей это придаёт в разрезе фигурам тупоугольный абрис. Детали изображения переданы пониженным рельефом.

Фигура бобра размещена в левой части плакетки. Голова персонажа плавно сужается к краю морды, близ окончания которой просматривается овальный нос, выделенный в плавном повышенном рельефе. Левый глаз, имеющий выраженную ромбовидную форму, показан контурным понижением, образующим выпуклый ромбовидный зрачок. Правый глаз не вполне удался, но его внутренний контур указывает на относительную изоморфность левому. Туловище широкое, прямое. Конечности, немного расширяющиеся к туловищу, расставлены в стороны и немного отведены назад. Пальцы (в количестве трёх) отчётливо выделены только на левой передней конечности. Хвост широкий, подпрямоугольный.

Лягушка показана в «распластанном» состоянии, в положении, приближенном к «сидячей» позе. Двухчастные согнутые в суставах конечности подогнуты к туловищу; передние – направлены вперёд, задние – отведены назад. Пальцы (в количестве трёх) выделены только на передних конечностях. В задней части присутствует выемка по контуру, выделяющая бедренные части. Линия туловища слегка выпуклая. Голова выделена плавным повышением рельефа; внешний абрис головы – овальный, внутренний – приострѐнный. Левый глаз, имеющий округлую форму, показан контурным понижением, образующим выпуклый зрачок. Правый глаз обозначен слабо выделенным полукружьем. Насколько неслучайно наличие ромбовидного углубления близ правого глаза – сказать трудно.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла не просматривается. В центральной части плакетки участок, подвергшийся сильной деформирующей коррозии, повредил часть фигуры лягушки.

Размеры: длина – 2,8 см, ширина – 3,2 см, толщина – 0,3–0,4 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

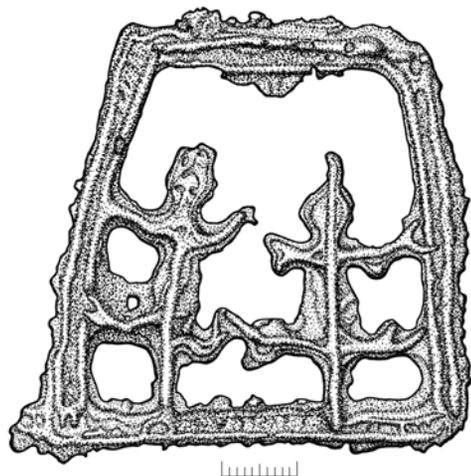
Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/2500.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–5.

43. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные фигуры заключены в трапециевидную рамку, грани которой усилены неровными валикообразными утолщениями. С рамкой целенаправленно соединены окончания конечностей и хвостов персонажей. По краям рамки и вокруг фигур фиксируются последствия перелива металла, приведшие к частичному деформированию контура персонажей. Наличие отверстий позволяет условно считать изделие ажурным. Поверхность отливки грубая, покрыта разноуровневыми выпуклостями.

Персонажи показаны со стороны спины. Правая фигура изображена в распластанном положении, левая – близка к нему. Конечности обеих фигур можно назвать удлинёнными. Их положение во многом определяет морфологические особенности каждого изображения. Конечности правой фигуры расположены перпендикулярно туловищу, левой – направлены вперёд (их оформление достаточно индивидуально – от прямой и слабо изогнутой до сильно согнутой). В оформлении края конечностей преобладает двухпалость, в остальных случаях пальцы не выделены.

Основные детали фигур подчёркнуты в рельефе – узкими валикообразными утолщениями. Форма головы и туловища каждого персонажа определяется весьма условно – не всегда ясно, где заканчиваются затёки металла и начинается «запланированная» линия. Голова левого персонажа имеет подпрямоугольные очертания, слегка расширенные в «затылочной» области. Абрис головы правого персонажа близок к ромбовидному. Узкий удлиненный выступ, отходящий вперёд от края «морды» вряд ли случаен, но интерпретировать его трудно. Достаточно отчётливо выделены шеи. Туловища можно определить как расширяющиеся к задней части. Хвосты узкие.

Наиболее вероятно идентификация изображений с бобрами. В пользу этого говорит композиционная близость с парными изображениями, где персонажи менее стилизованы (см. кат. № 37, 38), а также ракурсы и детали иконографии (направленные вперёд конечности). В то же время отметим, что узкие хвосты персонажей мало соотносятся с манерой передачи этой детали, сформировавшейся у западносибирского населения в эпоху железа.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла определить трудно.

Размеры рамки: основание – 6,1 см, боковые стороны – 5,4 и 5,9 см, верх – 4,1 см. Толщина – 0,6 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2003 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9468/469.

ПУБЛИКАЦИИ

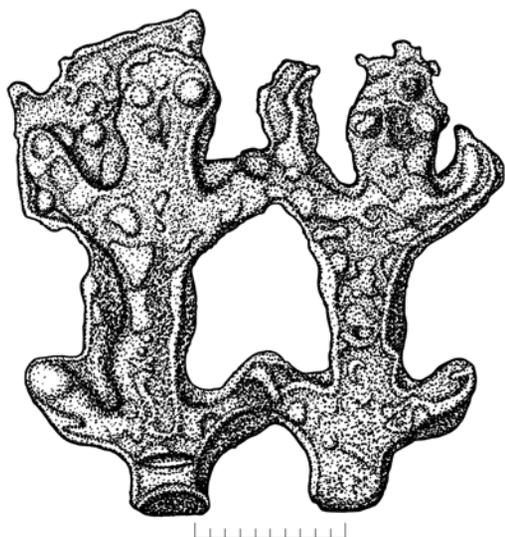
Историческое время: Альбом-каталог Государственного музея природы и человека. – М.: Эпифания, 2006. – С. 28, 214.

Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. Фото Е.С. Листюка. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 20–22. Кат. № 4.

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–1.

44. Условно-зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Представляет собой две относительно изоморфные однонаправленные фигуры, соединённые в области конечностей. Формообразующие части изображения выделены по контуру и местами усилены в рельефе. Обширные затёки металла по краям отливки свидетельствуют о том, что абрис изображения задумывался более чётким. Детали показаны в повышенном рельефе. Поверхность отливки грубая, покрытая разноуровневыми выпуклостями. Наличие отверстия между фигурами позволяет условно считать изделие ажурным.

Фигуры персонажей показаны в вытянутом состоянии со стороны спины (?). «Отсекая» затёки металла, можно предположить, что левый персонаж имеет притупленную морду, а правый – приострённую. Глаза, обозначенные округлыми выпуклостями, посажены в месте максимального расширения голов. У правого персонажа аналогичной выпуклостью показан нос (?), у левого он как будто отсутствует. У левой фигуры небольшим пережимом обозначена широкая шея. Туловища, сопряженные с передними конечностями, немного сужаются к задней части. Конечности расставлены в стороны и вытянуты вперед. Передние конечности правого персонажа изогнуты к голове.

Короткий широкий хвост показан у правого персонажа. У левого – то, что можно принять за хвост, является неотломанным литником со следами поперечного надруба. Вместе с тем не исключено, что в хвостовой части правой фигуры находился второй питатель.

Наиболее вероятна идентификация изображений с бобрами. В пользу этого свидетельствуют композиционное построение фигур и детали иконографии – направленные вперед конечности (см. кат. № 37-39). Вместе с тем нельзя не отметить наличие другого толкования, предложенного Я.А. Яковлевым в качестве второго варианта интерпретации композиции: «...Это пара фронтальных человекообразных фигур с поднятыми вверх руками» [*Художественная металлопластика. 2007. – С. 18*].

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,3 см, ширина – 3,3 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: разведочные работы А.Н. Кондрашёва (2002 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9297/2.

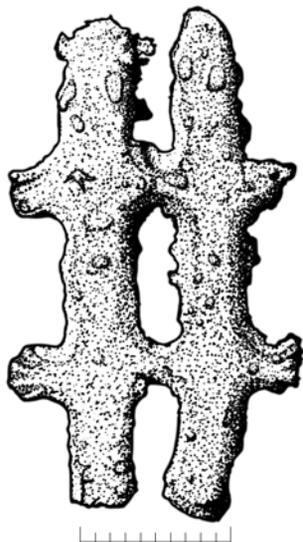
ПУБЛИКАЦИИ

Кондрашёв А.Н. Обследование состояния городища Няксимволь I в Берёзовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 247–248. Ил. 3.

Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. Фото Е.С. Листюка. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 17–19. Кат. № 3.

45. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Представляет собой две относительно изоморфные однонаправленные фигуры бобров (?) со стороны спины (?). Основные детали изображения выделены по контуру. Наличие отверстия между фигурами позволяет условно считать изделие ажурным. Поверхность отливки грубая, неровная.

Фигуры оформлены на базе удлинённых пластин, от которых перпендикулярно отходят широкие выступы коротких конечностей, сливающиеся в центральной части изображения. Головы удлинённые. Морда левого персонажа имеет округлый абрис, правого – приострѐнный. Уплощенные неровные выпуклости «в области глаз», вероятнее всего, носят случайный характер. Пальцы более или менее отчётливо прослеживаются на задней левой конечности левого персонажа. В этом случае можно говорить о четырёхпалости. В остальных случаях пальцы либо плохо просматриваются, либо вообще не выделены из-за плохого качества отливки. Удлинённые хвосты имеют подпрямоугольный абрис. Хвост правого персонажа слегка загнут влево.

В качестве бобров персонажи идентифицируются не столько с морфологических позиций, сколько композиционных – по аналогии с более реалистичными изображениями (см. кат. № 37–39), передающими пару бобров в плывущем состоянии.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,2–3,4 см, ширина – 1,9 см, толщина – 0,2–0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от Н.В. Канева в 1999 г.).

Место хранения: Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры), № 1046.

46. Условно-зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Представляет собой предельно стилизованное изображение двух однонаправленных (?) фигур, идентификация которых с бобрами (?) может быть произведена только по аналогии с менее стилизованными изображениями (см. кат. № 45). Детали изображения выделены по контуру. Наличие отверстия между фигурами позволяет условно считать изделие ажурным. Поверхность отливки грубая, неровная.

Фигуры оформлены на базе удлинённых пластин, от которых перпендикулярно отходят короткие подтреугольные выступы конечностей, сливающиеся в центральной части изображения. «Головная» часть правой фигуры обломана в результате неудачного удаления литника. Впрочем, у левого персонажа голова не просматривается и при отсутствии видимых повреждений. Отверстие, разделяющее фигуры в области туловищ, имеет округлую форму. Близкое по форме и размерам углубление в «головной части», возможно, тоже должно было быть сквозным. Широкие хвосты оформлены подпрямоугольными выступами.

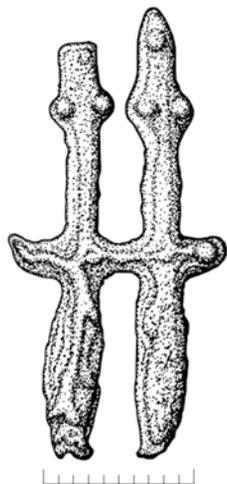
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения.

Размер: длина - 2,1 см, ширина - 1,7 см, толщина - 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО - Югры), № 400/150.

Представляет собой две одинаправленные предельно стилизованные зооморфные (?) фигуры, показанные со стороны спины (?) и соединённые в средней части парой слившихся конечностей. Основные части изображения выделены по контуру и местами усилены в повышенном рельефе. Таким же образом - в повышенном рельефе - представлены и детали.

Фигуры оформлены на базе удлинённых пластин. Перпендикулярно к туловищу расположенные конечности разделяют фигуры персонажей на морфологически различные части - переднюю и заднюю. Передние (головные) части оформлены в виде более узких и относительно ровных пластин. Головы маркированы сплошными выпуклостями глаз; по сути, наличие глаз, приведшее к расширению пластины по контуру, и позволяет говорить о наличии голов у персонажей. Морда левого персонажа имеет подпрямоугольный абрис. Морда правого персонажа заметно длиннее, чем у левого, и имеет вытянутые приострénные очертания; близ её края просматривается сплошная округлая выпуклость, возможно, маркирующая нос.

Конечности оформлены относительно короткими перпендикулярными выступами по контуру, слегка усиленными в повышенном рельефе.

Хвосты персонажей в сравнении с пластинами туловищ более широкие, более аморфные и более выраженные в рельефе. Несмотря на определённые морфологические различия в этой части образа, можно говорить о том, что у основания и на концах хвосты более узкие, чем в средней части. Хвост левого персонажа имеет слабо выраженное двухчастное окончание. Концы хвостов как будто слегка изогнуты к центру композиции.

Идентификация персонажей затруднена. Принцип композиционного построения фигур - парой с соединёнными конечностями - вызывает ассоциации с водоплавающими, показанными в «пловущем» состоянии.

Бронза (?). Литъё. Место заливки металла не ясно.

Размеры: длина - 3,0 см, ширина - до 1,5 см, толщина - 0,2 см.

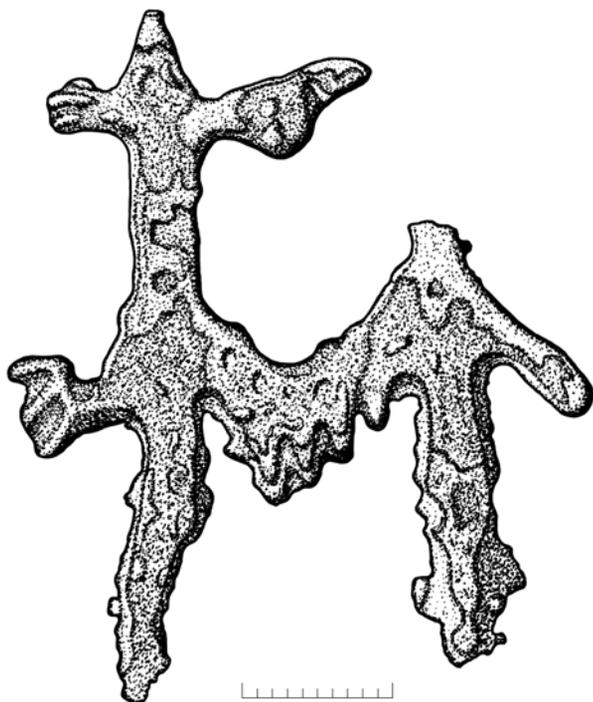
Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтегазодобывочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3698/11.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. - Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2006. - С. 100. Рис. 1-д.

48. Условно-зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Представляет собой две однонаправленные предельно стилизованные зооморфные (?) фигуры, показанные со стороны спины (?) и соединённые в средней части парой слившихся конечностей. Поверхность отливки грубая, покрыта разноуровневыми выпуклостями.

Морфологически фигуры различны. Вероятно, речь должна идти о двух разных персонажах, лишённых голов (на их месте расположены литники). Справедливости ради отметим, что если передний край левой фигуры всё-таки принять за подтреугольную голову, то на ней можно увидеть две относительно симметрично расположенные аморфные выпуклости, соотносящиеся (в этом варианте прочтения) с глазами.

Левый персонаж заметно крупнее. Морфологически выделяются области туловища, конечностей и хвоста. Туловище оформлено на базе прямой, относительно узкой пластины, продолжением которой является длинный, постепенно сужающийся и как бы немного извивающийся хвост. Четыре конечности оформлены неодинаково. Правая передняя конечность, по-видимому, не удалась при отливке. Короткая левая передняя конечность отходит от туловища под прямым углом; её трёхпалость передана плавным повышением рельефа. Задние конечности левого персонажа отходят от той области расширения туловища, которая, по всей видимости, должна была подчеркнуть массивность задней части фигуры. Левая задняя конечность достаточно крупная: короткий узкий «перешеек» резко расширяется в массивную область пальцев, немного отведённую назад (трёхпалость показана повышенным рельефом).

Правый персонаж приблизительно на треть меньше левого. Он сформирован на основе относительно узкой неровной пластины, от верхней части которой отходят две конечности, существенно различающиеся по оформлению. Прямая правая конечность, лишённая каких-либо деталей, отходит от «туловища» назад под острым углом. Левая конечность, отходящая от фигуры под тем же (острым) углом, смыкается с правой задней конечностью левого персонажа на достаточно большой площади. Верхняя кромка этого участка имеет вид плавной дуги; нижняя, несомненно, передаёт какие-то детали слившихся конечностей обоих персонажей. Совершенно определённо можно говорить о четырёх опущенных вниз коротких выступах (усиленных в рельефе), которые не вызывают никаких иных ассоциаций, кроме маховых перьев птицы.

Идентификация персонажей затруднена.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: длина - 4,5 см, ширина - 3,9 см, толщина - 0,2 см.

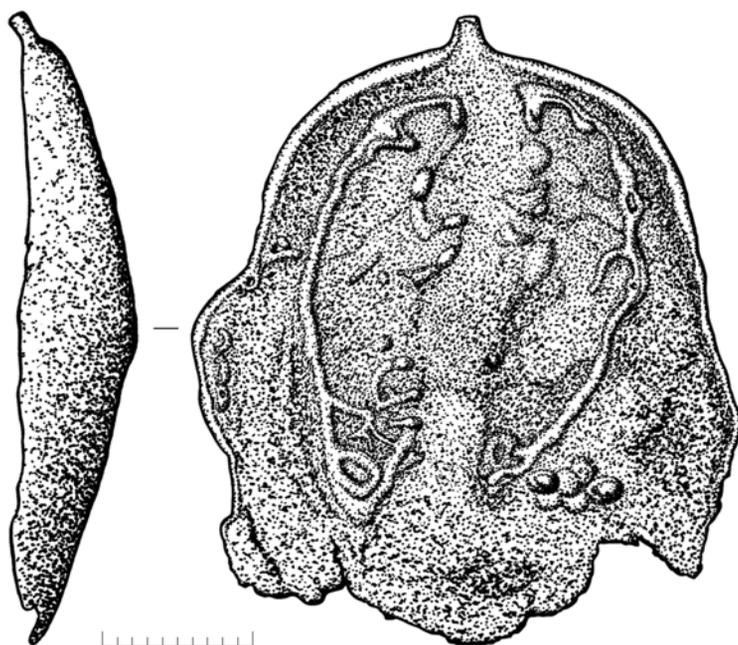
Источник поступления: случайные сборы рабочих нефте-разведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3699/12.

ПУБЛИКАЦИЯ

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. - Екатеринбург: Квадрат, 2006. - С. 100. Рис. 1-е.

49. Зооморфное двухфигурное (парное) изображение

Изделие представляет собой матрицу для изготовления литейной формы. Верхняя часть изделия имеет правильные округлые очертания, контур нижней части, немного расширяющейся книзу, – неровный. Можно предположить, что перед нами не вполне удавшееся изделие. По-видимому, мастер планировал получить плакетку овальной формы.

Тыльная сторона матрицы выпуклая, лицевая – почти плоская. На ней выпуклым контуром обозначены две фигуры бобров (?), расположенных в так называемой геральдической позе – в профиль навстречу друг другу. Внешний контур фигур (по линии голова – спина – хвост) имеет дуговидные очертания, соответствующие абрису самого изделия в его верхней части. Задняя (хвостовая) часть приострена. Внутренний контур фигур соотнобразует с внешним, но имеет меньшую степень изогнутости.

При относительной изоморфности фигур детали просматриваются только на левой. Здесь можно увидеть сужающуюся голову с притупленной мордой и выделенной областью глаз, изгиб шеи, выступ передних конечностей, направленный немного вверх. В области хвоста просматриваются разнонаправленные линии, возможно, свидетельствующие о попытке передать его «сетчатость».

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

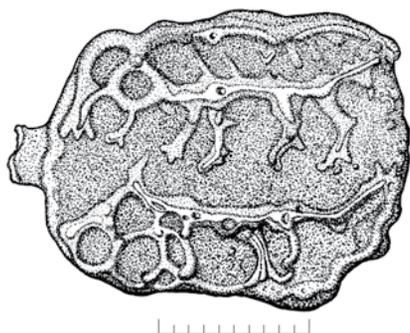
Размеры: высота – 4,2 см, ширина – 3,7 см, толщина в центральной части – 0,5 см, по нижнему краю – 0,1 см.

Источник поступления: недокументированная находка в фондах музея, включённая в коллекцию городища Няксимволь предположительно (акт № 6 от 25 февраля 2000 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 1878/14.

BM 1879
74

50. Условно-зооморфное двухфигурное изображение

Две относительно изоморфные однонаправленные зооморфные фигуры размещены на плакетке подпрямоугольных очертаний. Края отливки неровные, на одной из коротких сторон фиксируется необломанная часть литника. Поверхность изделия достаточно ровная. Персонажи показаны контурным выпуклым рельефом (зачастую разноуровневым).

Оба персонажа, демонстрирующие иконографическую близость, представляют собою профильные изображения, направленные вправо, расположенные одно над другим и занимающие почти всю поверхность плакетки. Туловища узкие, горизонтально поставленные. Головы крупные, их теменная часть возвышается над линией спины, но в целом (с учётом расположения пасти) головы следует считать опущенными. Пасти (рты) подчеркнута большие (соответствуют по размерам голове). Пасть (рот) верхнего персонажа имеет вид несомкнутой окружности. Пасть (рот) нижнего персонажа, имея сходные очертания, смыкается с нижним краем плакетки; кроме того, её передняя часть образует прямую линию с абрисом головы. На «макушке» головы нижнего персонажа заметен вертикальный выступ, который можно принять за попытку показать ухо.

У каждого персонажа показаны четыре относительно короткие конечности, сгруппированные попарно. Линию брюха (определяемую в пространстве между передними и задними конечностями) можно определить как короткую. Постановка конечностей близка к вертикальной, но их окончания, как правило, направлены вперёд. Оформление конечностей персонажей имеет свои особенности. У верхней фигуры, как правило, чётко (изломом) выделены суставы, окончания лап (ног) достаточно индивидуальны, но во всех случаях наблюдается попытка передать их особенности. Конечности нижней фигуры в основном имеют вид плавной дуги, направленной окончанием вперёд, хотя и здесь можно видеть не вполне понятные ответвления. Обе фигуры имеют длинные узкие хвосты, приподнятые с заметным изломом. На спине верхнего персонажа наличествуют три шиповидных выступа с наклоном вперёд – в сторону головы.

Обоих персонажей можно условно определить как хищников.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в передней части изображения.

Размеры: длина (с литником) – 2,7 см, высота – 2,0 см, толщина – 0,3 см.

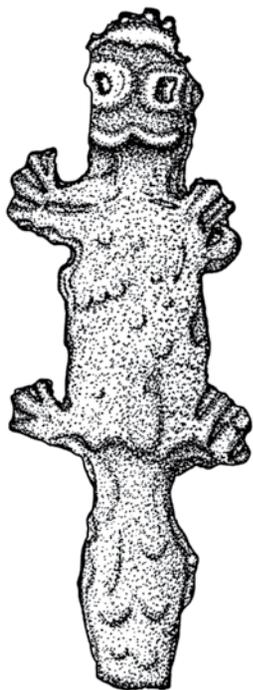
Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/12.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–4.

Представляет собой фигуру бобра (?), показанную со спины. Формообразующие части изображения выделены по контуру, детали показаны в повышенном (местами — в пониженном) рельефе. Поверхность отливки грубая, бугристая.

Голову персонажа можно определить как широкую. Край округлой морды заметно усилен в повышенном рельефе. Глаза, размещённые почти на всю ширину головы, смоделированы выпуклостями, в центре которых углублениями показаны зрачки. Левый глаз округлый, очертания правого близки к деформированному ромбу. От короткой шеи голову отделяет валикообразное утолщение, которое выглядит как две союзные «надбровные дуги». Туловище прямое, широкое. Трёхпалые конечности расставлены в стороны и направлены вперёд (правые конечности не вполне удались при отливке). Широкий хвост имеет усечённо-ромбовидную форму. От туловища он отделён слабо выраженной в рельефе зигзагообразной линией.

Заметим, что голова персонажа (с характерным утолщением по краю морды) в значительной степени напоминает голову выдры.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения. Размеры: длина — 4,5 см, ширина — 0,6–1,6 см, толщина — 0,3 см.

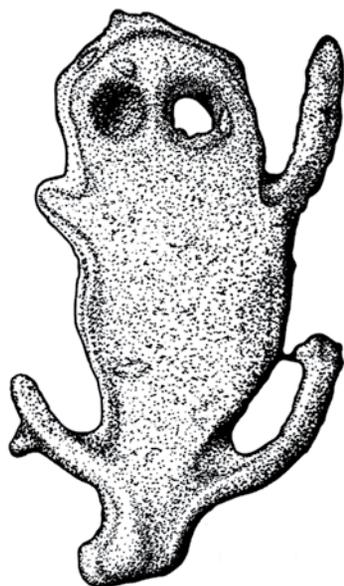
Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО — Югры), № 400/192.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 149. Ил. 4–11.

52. Зооморфное изображение

Представляет собой схематичное изображение фигуры, иконографически близкое фигурам бобров с передачей персонажа со стороны спины. Немного выгнутое вправо туловище и детали головы размещены на сплошной широкой овальной пластине без выделения их по контуру или в рельефе. Голову маркируют глаза, левый из которых показан округлым углублением, правый – овальным (?) отверстием. Судить о том, что является литейным дефектом глаз – либо перелив левого, либо недолив правого, – трудно.

Конечности показаны по контуру слегка изогнутыми удлинненными выступами, вытянутыми вперед под острым углом. Левая часть отливки не вполне удалась: передняя конечность обозначена лишь небольшим выступом.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,8 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2003 г.)

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9468/466/1.

ПУБЛИКАЦИИ

Историческое время: Альбом-каталог Государственного музея природы и человека. – М.: Эпифания, 2006. – С. 32, 214.

Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог / Сост. и авт. текста Я.А. Яковлев. Фото Е.С. Листюка. – Ханты-Мансийск: [б.и.], 2007. – С. 23–25. Кат. № 5.

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–2.

Представляет собой реалистично выполненную горельефную фигурку бобра. Изделие полое. Детали изображения показаны в пониженном и, местами, в слабо повышенном рельефе.

Фигура показана в вытянутом положении. Туловище, расширенное в средней части, плавно переходит в голову и, столь же плавно, – в хвост. Вдоль спины (параллельно бокам) проходят два неглубоких желобка, расширяющиеся посередине и сужающиеся ближе к голове и хвосту. В профиль верхняя линия изображения почти прямая: уплощенная голова лишь слегка выступает вверх за счёт выделенного затылочного выступа. Крайне слабо прогнута спина находится почти на одной линии с чуть приподнятым хвостом.

Морда в плане приострена, нижняя челюсть слегка выдвинута вперёд. Рот показан удлинённым горизонтальным углублением, разделяющим верхнюю и нижнюю челюсти. Нос имеет округлые очертания. Ноздри обозначены небольшими овальными ямками. Глаза показаны контурными углублениями: ромбовидных очертаний – у левого глаза, округлых – у правого. Зрачки, смоделированные этими углублениями, в обоих случаях округлые. Уши выделены слабо торчащими подтреугольными выступами и подчёркнуты уголковыми углублениями.

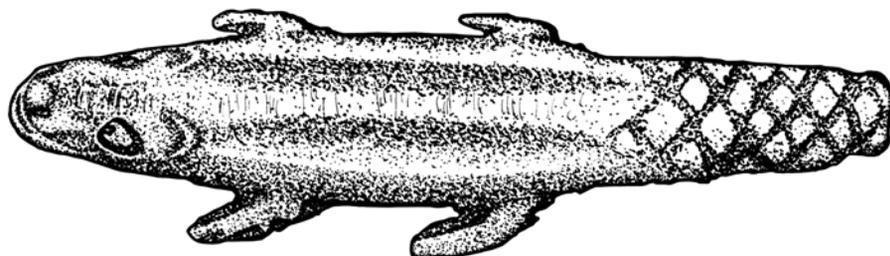
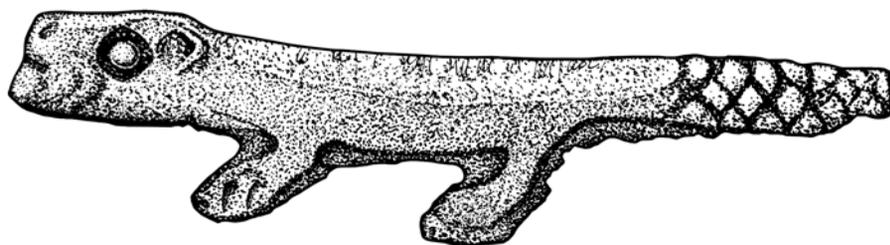
Расширяющиеся к конечностям лапы чётко выделены по контуру. Они слегка расставлены и довольно сильно выгнуты вперёд. Пальцы, обозначенные углублениями, определённо фиксируются только на одной из них (левой передней). Широкий подпрямоугольный хвост подчёркнуто уплощён. Роговые пластинки обозначены углубленной диагональной сеткой. На конце хвоста фиксируется пережим, возможно, каким-то образом связанный с литником.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения. Внешняя поверхность изделия местами полирована.

Размеры: длина – 5,7 см, ширина – 1,6 см, высота – 1,4 см, толщина – 0,1–0,2 см.

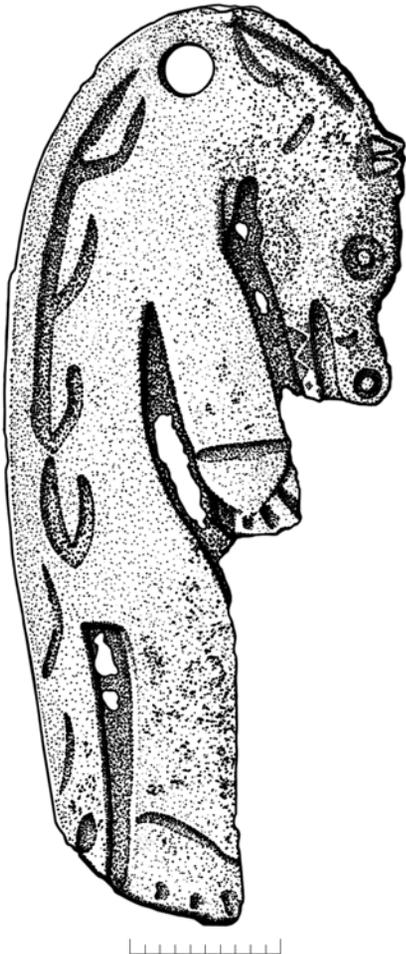
Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Нясимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/171.

54. Зооморфное изображение

Представляет собой профильную фигуру медведя, показанную в положении «стоя» с разворотом влево. Основная поверхность изделия плоская, ровная (местами полированная), однако часть её подверглась коррозии, что существенно затрудняет «дешифровку» деталей, особенно в области головы. Основные части изображения выделены по контуру. Фиксирующиеся отверстия трактовать трудно: участки по обеим сторонам передней лапы и с тыльной стороны задней лапы могли быть как полностью залитыми металлом, так и полностью свободными от него. Детали изображения переданы пониженным рельефом и лишь в одном случае – слабо повышенным.

Персонаж передан в «сгорбленном» состоянии. Слабовыпуклая линия спины принимает в верхней части фигуры (в холке) выраженные овалы очертания, к низу от которых абрис фигуры приобретает формообразующие характеристики. Крупная голова персонажа свисает резко вниз. По контуру фиксируются выраженная лобная часть и удлинённая морда. В затылочной области прослеживаются два маленьких уха, едва выступающих по контуру и усиленных в слабо повышенном рельефе. Круглая ноздря на краю носа показана кольцевым углубленным контуром. Аналогичным образом обозначен глаз (заметим, что его форма и местоположение носят во многом реконструктивный характер). Удлиненный прямой желобок разделяет край морды на массивную верхнюю и субтильную нижнюю челюсти. На поверхности нижней челюсти угадывается орнамент в виде выпуклого зигзага.

Прямая широкая передняя лапа, свободно свисающая вниз, отделена и от головы, и от туловища. Её стопа ограничена поперечным желобком, ниже которого в виде небольших углублений фиксируются пальцы (когти?). Более массивная (столбообразная) задняя лапа отделена от линии спины узким вертикально ориентированным углублением. Лапа слегка выставлена вперёд и как бы согнута в суставе. Стопа показана аналогично – поперечным желобком, ниже которого как будто просматриваются углубления пальцев (когтей?).

Вдоль линии спины и холки пониженным рельефом видна местами прерывистая линия с периодическими ответвлениями внутрь фигуры. Возможно, это способ показа длинной шерсти.

В верхней части изделия расположено круглое отверстие (для подвешивания?) диаметром 0,3 см.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла не ясно.

Размеры: высота – 6,1 см, ширина – 1,3–2,6 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Прохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

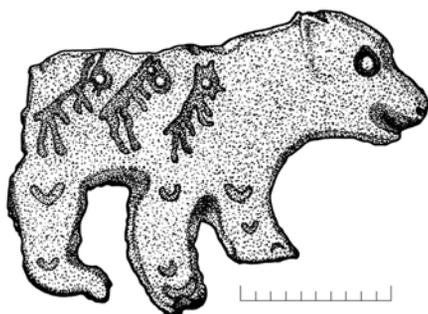
Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/189.

ПУБЛИКАЦИИ

Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 32. Рис. 4.

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 17–10.

55. Зооморфное изображение

Представляет собой профильную фигуру медведя, показанную в стоячем (идушем?) положении «на четырёх лапах» в направлении влево. Основные части фигуры выделены по контуру. Детали переданы пониженным рельефом и лишь в одном случае – слабо повышенным. Поверхность отливки ровная, немного крупитчатая. В задней части фигуры присутствуют три дополнительных образа.

Персонаж имеет характерную массивную голову и сильную шею. Приоткрытая пасть показана небольшим удлинённым углублением, сопровождающимся слабой выемкой по контуру. Нижняя челюсть в результате выглядит низкой и немного укороченной. Массивная верхняя челюсть имеет овальный абрис; она слегка выдвинута вперёд, на краю её небольшой ямкой обозначен нос. Округлый глаз показан кольцевым углубленным контуром, моделирующим зрачок. Лобная доля хорошо выражена по контуру, теменная часть уплощенная. В затылочной области прослеживается маленькое ухо, едва выступающее по контуру и подчеркнутое в слабом повышенном рельефе. Холка выражена слабо, линия спины прямая. От нижней челюсти дугой отходит выраженная линия шеи, плавно переходящая в ближнюю к голове конечность. Лапы широкие. Две передние морфологически близки: они не имеют выраженных стоп и слегка изогнуты вперёд (ближняя к голове заметно короче). Задняя лапа отделена от передних очень короткой линией брюха. Она явно расширена в бедренной части и имеет хорошо выраженную стопу. На всех трёх лапах на местах суставов расположены углубления «скобковидной» формы.

Явные следы слома металла в задней части фигуры дают возможность предположить, что персонаж имел четвертую лапу. Во всяком случае, единственная почти полная аналогия данному изображению – фигурка медведя из Канинской пещеры – имеет все четыре конечности [Канивец В.И., 1964. С. 86–87. Рис. 31–4].

На поверхности задней части фигуры пониженным контуром нанесены три профильные антропоморфные (?) фигуры, выставленные в ряд и развернутые влево. Иконографически их объединяет подчеркнута наклонённое вперёд туловище, наличие двух ног (которые тоже слегка выставлены вперед) и короткого хвоста. Линия спины прямая. Головы массивные, на каждой из них фиксируются едва намеченные уши. Опущенные руки, как правило, отходят от единого выступа. У двух крайних персонажей показаны penis'ы. Заметим, что на «канинском медведе» тоже изображены три сходных персонажа.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,1 см, высота – 2,0 см, толщина – 0,1 см.

Источник поступления: случайные сборы рабочих нефтеразведочной экспедиции (конец 1990-х гг.).

Место хранения: Североуральский краеведческий музей (г. Североуральск Свердловской обл.), № 3703/16.

ПУБЛИКАЦИИ

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – С. 99.

Викторова В.Д. «Шагающие» медведи // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы тематической науч. конф. – СПб., 2004. – Рис. 2; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamalarchaology.ru/index.php?func=viewpage&module=subjects&pageid=131&pageno=13>.

Панина С.Н. Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 100. Рис. 1–3.

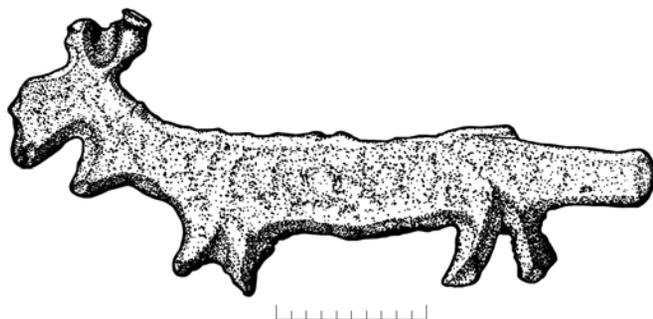
ЛИТЕРАТУРА

Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском северо-востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья: Сб. статей / Ред. Л. А. Чиндина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 37. Рис. 3–8.

Канивец В. И. Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – С. 86–87. Рис. 31–4.

56. Условно-зооморфное изображение

Представляет собой профильное изображение фигуры животного, направленной вправо. Поверхность изделия относительно ровная, шероховатая. Пропорции приземистые и удлинённые. Все детали показаны по контуру и не выделены в рельефе. Хорошо выраженная голова увенчана развернутыми en face U-образными рогами (ушами?). Массивный лобный выступ переходит в верхнюю челюсть. Рот оформлен глубоким вырезом по контуру. Аналогичный, но более широкий вырез между нижней челюстью и передними конечностями моделирует массивную шею. Передние конечности оформлены смыкающимися у основания и расходящимися в стороны подтреугольными выступами, подчеркнутыми небольшим углублением между ними. Брюхо слегка отвислое. Задние конечности аналогичны передним, с той лишь разницей, что они имеют вытянутую подпрямоугольную форму и разделены более глубоким вырезом. Линия спины практически прямая; в задней части она заканчивается небольшим взъёмом, а тот переходит в короткий уступ, маркирующий окончание спины. Далее горизонтальная линия изображения переходит в массивный горизонтальный поставленный хвост, которым фигура и заканчивается.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 4,3 см, высота – 1,7 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/177.

57. Условно-зооморфное изображение

Представляет собой профильное изображение зооморфной (?) фигуры, обращённой вправо. Поверхность изделия неровная, покрытая разноуровневыми выпуклостями. Голова показана весьма условно – в виде широко раскрытой пасти с равномерно разведёнными челюстями. Выступающая вверх уплощённая теменная часть плавно переходит в покатый затылок. Относительно узкое туловище примерно посередине спины имеет слабый излом, за счёт чего выглядит изогнутым. Это впечатление усиливается благодаря слабой выпуклости линии живота.

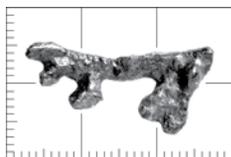
Передние конечности показаны в виде цельного расширяющегося выступа, расположенного под прямым углом к туловищу. Две задние конечности тоже сведены вместе, однако они разделены как по контуру изображения (небольшой выемкой), так и на плоскости (двумя широкими углублениями). Эта пара конечностей расположена под острым углом к туловищу и наклонена в сторону головы. Вдоль края спины – от основания головы до точки изгиба позвоночника – расположены шесть «насечек», наклоненных слева вниз направо. Возможно, что седьмая «насечка» сливается с местом излома линии спины.

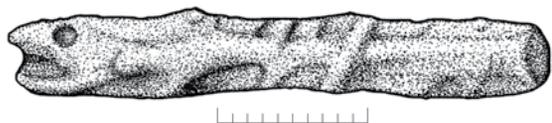
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры (максимальные): длина – 2,5 см, высота – 1,1 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промоходотделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/157.

Изображение сформировано на базе стрежня овального сечения. Основные детали изображения переданы слабым повышенным рельефом и, местами, неглубоким пониженным рельефом.

Рот показан слабым вырезом по контуру, подчеркнутым горизонтально ориентированным углублением. Глаз обозначен слабым округлым углублением. Плохо просматривающиеся детали рельефа интерпретировать трудно. В области морды можно увидеть подчёркивающее нижнюю челюсть небольшое углубление. Валикообразные утолщения, пересекающие фигуру по диагонали, можно трактовать как конечности (в нижней части) и как гребень (в верхней части). Однако все эти объяснения более чем гипотетичны.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,6 см, диаметры 0,4 и 0,6 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2003 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-9468/470.

59. Условно-зооморфное изображение

Представляет собой профильное изображение зооморфной фигуры, развёрнутой влево. Поверхность изделия неровная, покрытая разноуровневыми выпуклостями. Пропорции фигуры можно охарактеризовать как удлинённые и приземистые. Контуры изображения неровные, основные черты показаны в повышенном рельефе валикообразными утолщениями. Верхняя часть головы выделена выступом по контуру; посередине этого выступа расположен глаз, показанный горизонтально расположенной овальной выпуклостью. Пасть широко раскрыта, нижняя челюсть отогнута несколько больше, чем верхняя. Относительно узкое туловище слегка выгнуто вверх.

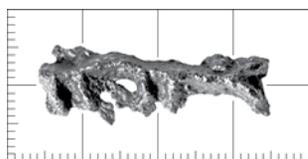
Передние конечности расположены под прямым углом к туловищу и разделены овальным углублением. Первая от головы конечность трёхпалая, растопыренная. Возможно, таким же задумывалось окончание соседней конечности, но сейчас отчётливо видны лишь два «пальца» и небольшой выступ от третьего. Пара задних конечностей разделена вытянутым углублением и слегка наклонена в сторону головы. Предпоследняя пара завершается трёхпалым выступом, выделенным как по контуру, так и в рельефе. «Пальцы» сомкнуты.

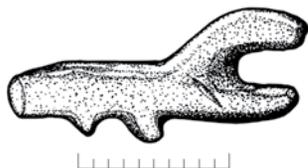
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,1 см, высота – 0,8 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Про-мохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/169.

Представляет собой профильное изображение зооморфной (?) фигуры, направленной влево. Поверхность изделия относительно ровная; местами прослеживаются каверны. Все детали изображения показаны по контуру и не выделены в рельефе. Округлая голова оформлена массивным выступом, расширяющимся вверх от практически прямой линии спины. Пасть смоделирована глубоким овальным, горизонтально расположенным вырезом. Передние конечности оформлены небольшим единым выступом, направленным в сторону головы, задние переданы маленьким подтреугольным выступом. Фигура явно непропорциональна – её голова лишь немногим меньше туловища. Близ основания головы на поверхности прослеживается выпуклая риска, направленная слева вниз направо.

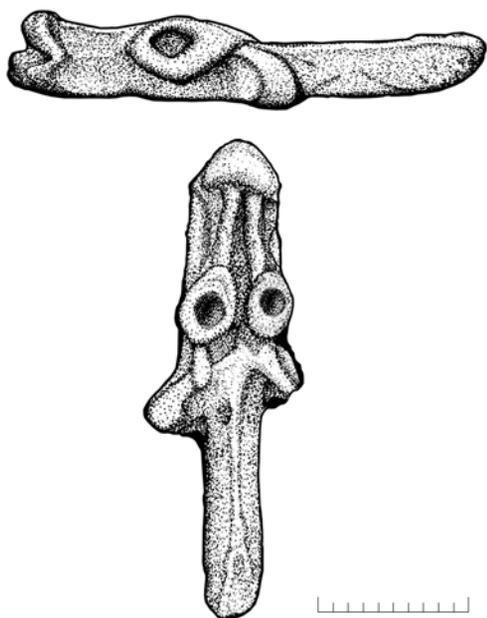
Бронза (?). Литъё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения. Абрис фигуры отшлифован.

Размеры: длина – 2,0 см, высота – 0,9 см, толщина – 0,2 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Про-мохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/175.

61. Условно-зооморфное изображение

Изделие по объёмным показателям близко понятию «барельеф» (оборотная сторона плоская). Представляет собой голову зооморфного персонажа и может быть условно разделено на собственно голову и «шею» (прямой стержень, отходящий от затылочной части и, несомненно, связанный с литником). Основные черты персонажа показаны разноразмерным повышенным рельефом, по сути, придающим изделию объёмность.

В целом голову можно назвать удлинённой. В плане она плавно расширяется от носогубной части морды к затылочной, которая оформлена двумя достаточно резкими симметричными подтреугольными выступами, скошенными назад – в направлении «шеи» (правый выступ либо недолит, либо обломан). В целом эти выступы соединены повышением рельефа, образующим в плане остроугольный валик.

Передняя часть морды оформлена в виде массивной выпуклой (слегка «вздёрнутой») верхней губы и отделённой от неё небольшим вырезом уплощённой нижней губы. Визуально эти детали образа вызывают ассоциации со ртом рыбы. Большие глаза посажены ближе к затылочной части; они оформлены массивными валикообразными утолщениями (зрачки в этом варианте имеют вид округлых ямок). Общий абрис глаз приближен к овалу (левый – возможно, к ромбу); ориентированы они по длинной оси изделия (вдоль головы). Оба глаза оформлены достаточно объёмно: в плане они слегка выходят за пределы общего абриса головы, при виде сбоку – образуют заметную плавную выпуклость. От каждого глаза по направлению к верхней губе проходит слабо выраженное валикообразное утолщение, так что в итоге участок между глазами и верхней губой занят двумя утолщенными относительно параллельными линиями.

Идентификация персонажа затруднена; его ассоциация с рыбой хотя и допустима, но весьма субъективна.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 3,1 см, ширина – 1,0 см, толщина – 0,4–0,5 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/188.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–12.

62. Условно-зооморфное изображение

Представляет собой удлинённую голову зооморфного персонажа, показанную сверху. Очертания изображения по контуру достаточно аморфные. Основные детали показаны контурным повышенным рельефом. Внешняя сторона изделия немного выпуклая, так что правая и левая части изображения находятся под небольшим углом друг к другу; место их стыка усилено валикообразным утолщением.

Морду персонажа можно назвать приострѐнной. Близ её края выпуклым контуром показаны крупные ноздри. Они оформлены в виде полуовалов, вытянутых вдоль краевых линий изображения и усечѐнных по центральной оси. Глаза, приуроченные к затылочной области, занимают всю ширину головы. Они имеют форму овала, оформленного контурным валиком, и, как и ноздри, ориентированы вдоль длинной оси изделия. На правом глазу валик образует спиралевидную фигуру, центр которой придаѐт этому участку видимость зрачка.

Затылочная область маркируется небольшим пережимом, за которым начинается расширяющийся стержень, условно определённый нами как шея. Эта часть изделия, несомненно, связанная с литником, разделяется на две неравные части: левую – удлинѐнную, широкую; правую – короткую, подтреугольную.

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры: длина – 4,0 см, ширина – 0,9 см, толщина – 0,4 см.

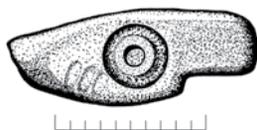
Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/50.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17-6.

Представляет собой профильное изображение приземистой зооморфной (?) головы, повернутой вправо. «Нос» слегка вздёрнут. Дуговидная нижняя челюсть уступом переходит в короткую «шею». Посередине изображения пониженным рельефом показан круглый глаз. Его края оконтурены желобком шириной около 0,1 см; в центре круглым углублением обозначен зрачок.

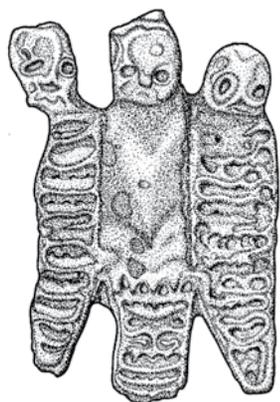
Бронза (?). Литьё. Поверхность изделия ровная. Основание «шеи» уплощено; видимо, с этой стороны заливался металл, и литник был раскован, а затем отрублен. На лицевой поверхности остались три параллельные углубленные линии (от молоточка или щипцов).

Размеры: длина – 1,7 см, высота – 0,7 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Про-мохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/107.

64. Орнитоморфное изображение

Представляет собой фигуру орнитоморфного персонажа с тремя головами, показанную en face (со стороны груди). Формообразующие части изображения выделены по контуру и в повышенном рельефе. Детали показаны в пониженном рельефе. На поверхности просматриваются отдельные утраты металла.

Узкие приотрѐнные на концах крылья расправлены и опущены; их внешняя линия почти вертикальная. Головы размещены примерно на одном уровне. Центральная голова отходит от узкого туловища, боковые – от верхней части крыльев. Правая голова несколько отведена наружу и имеет в основании небольшой пережим, маркирующий шею. Центральная и левая головы посажены плотно. В плане линия перехода к крылу просматривается только по внешнему контуру левой головы. Тем не менее все три головы хорошо выделены в объёме. Абрис верхней части голов в целом можно определить как округлый (неровности центральной головы – следствие необработанности обломанного литника). Детали голов показаны весьма условно: клювы – объёмными выступами, глаза – округлыми и овальными углублениями.

Хорошо выделенный выступающий киль визуально отделѐн от брюшной части. Ноги показаны «в поджатом состоянии» – на участке между брюхом и хвостом можно увидеть четыре маленьких подтреугольных выступа, выстроенных горизонтально и подчеркнутых расположенными между ними подтреугольными же углублениями. Широкий прямоугольный хвост находится почти на одной линии с окончаниями крыльев. Оперение крыльев и хвоста обозначено достаточно аморфными поперечными углублениями, в которых тем не менее местами просматривается «четырёхдольность», сокращающаяся к концам крыльев до одной-двух «долей».

Бронза (?). Литьѐ. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения.

Размеры: высота – 2,7 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,2–0,4 см.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/181.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 148. Ил. 17–8.

Оформлено на фрагменте изделия, неудавшегося при отливке и частично утраченного уже в наше время. Изделие, по-видимому, планировалось в виде плакетки овальной формы, усиленной по краю ребристой «рамкой». Поверхность отливки грубая, неровная.

Фрагмент представлен верхним и левым «полукружьем» плакетки. В его левой части расположена фигура орнитоморфного персонажа. Определить, с какой стороны показана фигура – со спины или груди, – невозможно. Голова изображена в профиль и наклонена влево к рамке. Не ней как будто фиксируется округлый глаз, показанный выпуклостью. Сохранившееся крыло расправлено и с небольшим изломом опущено вниз; край его широкий, двухчастный. Овальный хвост опущен вниз.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Сохранился фрагмент литника.

Размеры (сохранившиеся): высота – 2,4 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,2–0,3 см.

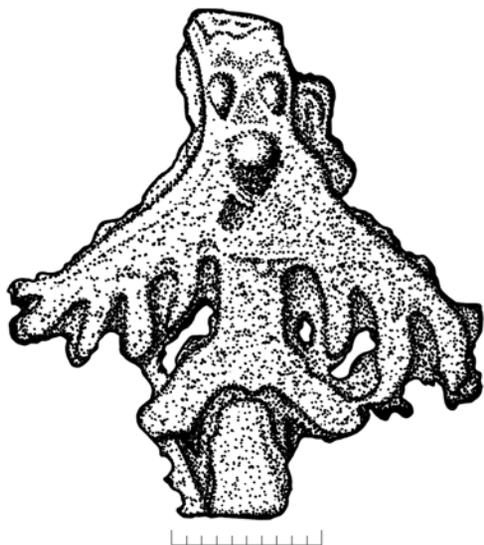
Источник поступления: случайные сборы переданы в 1924–1930 гг. неизвестными лицами) [Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея... № 317].

Место хранения: Свердловский областной краеведческий музей (г. Екатеринбург), № 8934/А.

ЛИТЕРАТУРА

Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / Е.М. Берс. – Свердловск, 1959.

66. Орнитоморфное изображение

Представляет собой фигуру орнитоморфного персонажа, показанную en face (со стороны груди) с расправленными крыльями. Основные элементы выделены по контуру. Обширные затёки металла по краям отливки свидетельствуют о том, что абрис изображения задумывался более чётким. Детали показаны в повышенном и, частично, пониженном рельефе. Поверхность изделия грубая, бугристая.

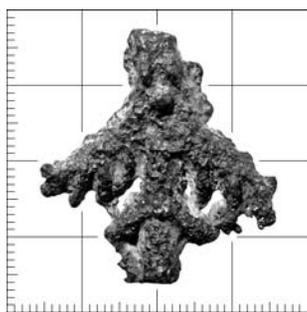
Вертикально вытянутая голова персонажа немного наклонена вправо. Верх головы не обработан, на нём фиксируются остатки литника. Детали обозначены выпуклостями: клюв – округлой, глаза – каплевидные (острием вниз). От линии головы плавно отходят развёрнутые и опущенные вниз крылья. Внешняя линия крыльев прямая. Опущенные вниз маховые перья показаны длинными выступами по контуру. На левом крыле их три, на правом – не менее четырёх. Небольшая брюшная часть с вертикально оформленными краями плавно переходит в широкие ноги (лапы), расставленные под тем же углом, что и крылья. Расположенный между ногами (лапами) небольшой подтреугольный выступ, возможно, указывает на пол персонажа. Трапециевидный хвост отделён от остальной фигуры небольшим углублением.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в верхней части изображения. Возможно, что ещё один питатель находился в нижней части фигуры.

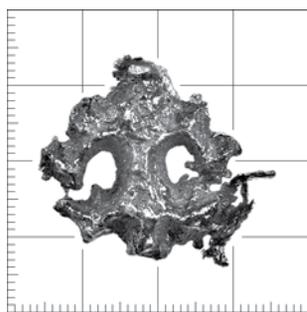
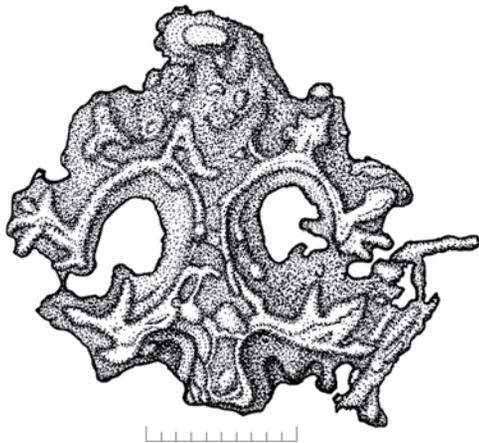
Размеры: высота – 3,4 см, ширина – 0,8–3,1 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от неизвестного лица в 1989 г.).

Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 926.

67. Орнитоморфное изображение

Представляет собой фигуру орнитоморфного персонажа. Обширные за­тёки металла по краям отливки привели к существенной деформации кон­тура. Поэтому формообразующие части изображения в основном читаются в повышенном рельефе и, весьма неопределённо, по абрису изделия. Кон­туры видимых отверстий, вероятно, тоже являются результатом перелива металла. Поверхность отливки грубая, бугристая.

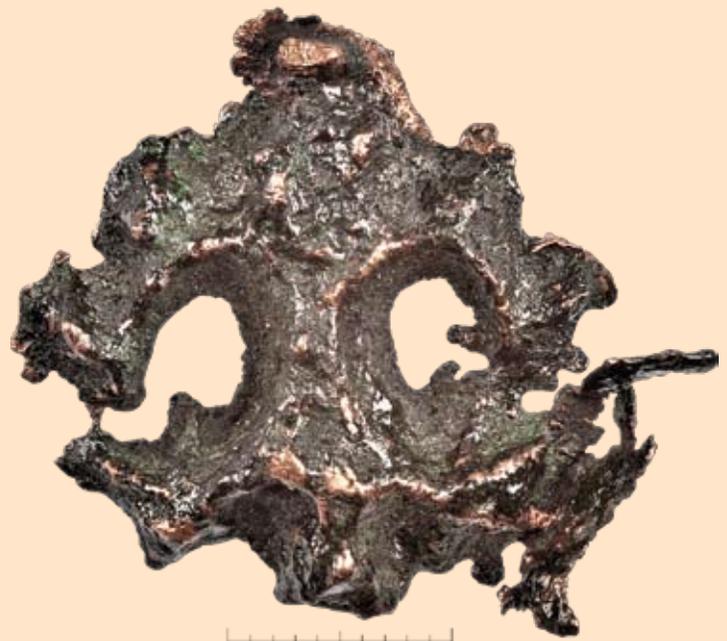
Голова персонажа показана в профиль и повёрнута вправо. Она имеет вид небольшого горизонтально поставленного овала и усилена в центре выпуклостью. Основная часть фигуры показана en face (со стороны гру­ди). Крылья расправлены и опущены вниз; их общий абрис дуговидный. На концах крыльев имеются выступы, направленные в стороны и вверх, – воз­можно, так переданы какие-то детали оперения. Трёхпалые ноги разведены в стороны, массивные пальцы растопырены и направлены немного вверх. Хвост короткий, трапецевидный.

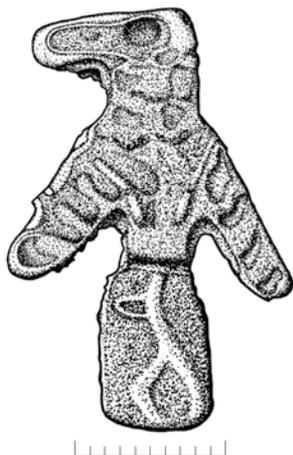
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, вероятнее всего, располага­лось в нижней части изображения.

Размеры: высота – 2,8 см, ширина – 3,1 см, толщина – 0,6 мм.

Источник поступления: раскопки Д.О. Стародумова (2007 г.).

Место хранения: Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ-13792/462.

Представляет собой фигуру орнитоморфного персонажа с дополнительным изображением. Формообразующие части изображения выделены по контуру. Детали показаны в повышенном и пониженном рельефе. Поверхность изделия грубая, бугристая.

Голова персонажа показана в профиль и развёрнута вправо. Область клюва достаточно массивная, со скругленным окончанием. Детали клюва не просматриваются. Глаз обозначен овальным углублением. Плоская теменная часть резко переходит в почти вертикальную затылочную. Основная часть фигуры показана en face (со стороны груди). Узкие крылья расправлены и опущены вниз. Внешняя линия крыльев прямая, концы их скруглены. Оперение передано чередованием поперечно и диагонально расположенных углублений и выпуклостей (определить основную плоскость изображения здесь невозможно). Часть этих «неровностей» заходит в область груди. Ноги изображены в поджатом состоянии – двумя невысокими короткими выступами, диагонально направленными к центру. Массивный, слегка расширяющийся книзу (трапециевидный?) хвост отделён от остальной фигуры поперечным желобком.

На «плоскости» хвоста в повышенном рельефе обозначен контур профильной условно-антропоморфной фигуры, развёрнутой, как и голова орнитоморфа, вправо. Изогнутая линия спины плавно переходит в отставленную назад конечность. Другая конечность резко выставлена вперёд и согнута в колене. В верхней части фигуры вправо от неё отходит кольцевой выступ. Он может быть трактован и как голова (см. изделие кат. № 55), и как сомкнутые в кольцо руки (см. изделие кат. № 33).

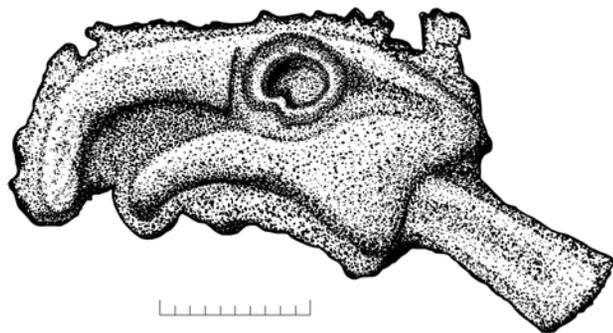
Бронза (?). Литьё. Место заливки металла, по-видимому, располагалось в верхней части изображения.

Размерь: высота – 2,7 см, ширина – до 1,9 см.

Источник поступления: разведочные работы А.П. Зыкова 1990 г. (поступление в музей – 1991 г.).

Место хранения: Археологический музей Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), № 3492/75.

69. Орнитоморфное изображение

Представляет собой голову орнитоморфного персонажа, показанную в профиль с разворотом вправо. Изображение хорошо очерчено по контуру, детали показаны в пониженном и повышенном рельефе. Поверхность изделия грубая, бугристая.

Голова выглядит уплощенной за счёт слабо выраженной теменной части, от которой плавно отходит достаточно массивное надклювье, резко загибающееся вниз. Изогнутое в том же направлении подклювье гораздо короче. Клюв можно назвать приоткрытым. Обширные затёки металла по краям отливки позволяют предполагать, что пространство между надклювьем и подклювьем планировалось свободным от металла. Линия затылка достаточно резко изгибается внутрь; аналогичным образом оформлено и основание подклювья. Удлиненная шея персонажа одновременно является необломанным (?) литником.

Морфологически персонаж наиболее близок к орлу.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в задней части изображения.

Размеры (в описанном положении): высота – 2,2 см, длина – 4,1 см, толщина – 0,3 см.

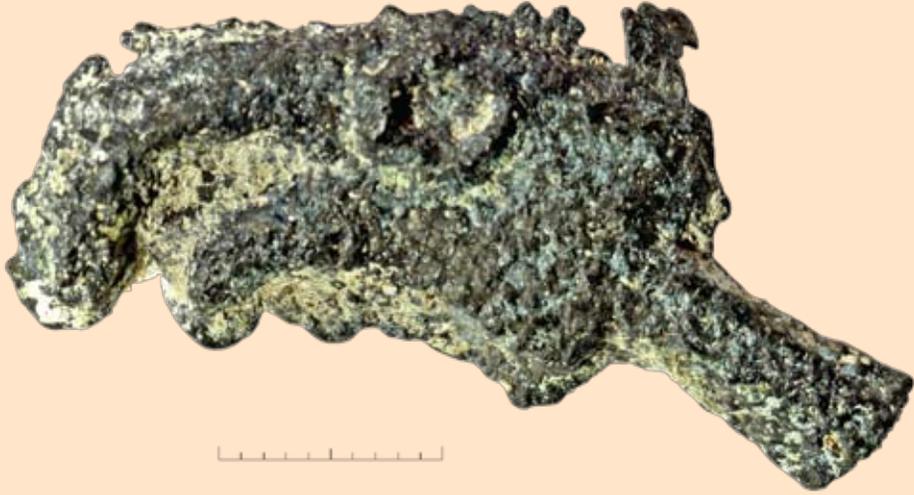
Источник поступления: случайные сборы (переданы сотрудниками Промохототделения с. Няксимволь 2 марта 1982 г.).

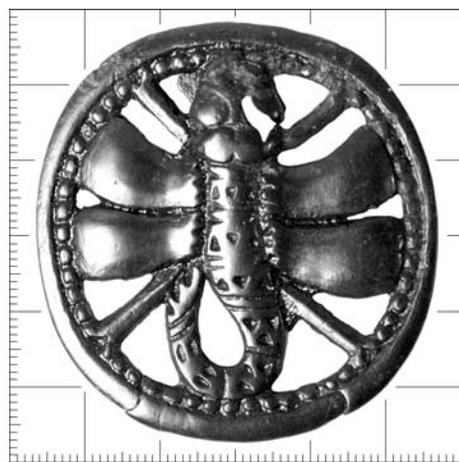
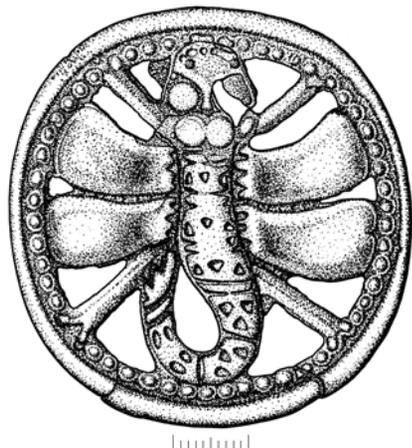
Место хранения: Берёзовский районный краеведческий музей (п. Берёзово ХМАО – Югры), № 400/194.

ПУБЛИКАЦИЯ

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 140. Ил. 4–13.

70. Инсектоморфное изображение

Представляет собой изображение стрекозы, помещённое в овальный (ближе к округлому) кольцевидный обод. Внешняя сторона обода гладкая, на внутренней стороне – цепочка перлов. Персонаж показан со спинки с развёрнутыми крыльями и петлеобразно свёрнутым брюшком. Изображение соединено с ободом в области головы, крыльев и части брюшка. Помимо этого, фигура смыкается с ободом четырьмя узкими ребристыми пластинами, расходящимися от условного центра изображения. Судя по оборотной стороне изделия, эти перемычки выполняли функцию дополнительных питателей и к решению образа отношения не имеют. Два тонких поперечных дуговидных «желобка», расположенные почти симметрично в нижней части кольца-обода и производящие впечатление трещин, вероятнее всего, являются «точками слияния» металла, быстро остывавшего после заливки в форму. Наличие отверстий позволяет условно считать изделие ажурным.

Грудка персонажа широкая; она слегка расширяется в области заднегруди и достаточно резко сужается, переходя в брюшко. В нижней части изображения брюшко слегка изгибается сначала вправо, затем резко влево – и в итоге образует петлевидную фигуру с отверстием внутри. На конце брюшка тремя выступами оформлены так называемые щипцы.

В области переднегруди расположены уплощенные спинные щитки, которые, смыкаясь, образуют горизонтально ориентированную восьмеркообразную фигуру. Помимо этого, грудка и брюшко покрыты орнаментом, представляющим собой чередование одного-двух поперечных желобков. Участки между желобками заполнены лунками преимущественно подтреугольных очертаний (овальные лунки фиксируются лишь на задней части брюшка).

Достаточно широкие изогнутые в рельефе крылья можно охарактеризовать как «равнокрылые». Они отходят от области грудки в сомкнутом положении, затем слегка расширяются к скругленным концам, где и расходятся, образуя небольшие отверстия. Основание крыльев зубчатое. Передние крылья в плане слегка изогнуты вверх.

Голова персонажа имеет плавный трапециевидный абрис. Её правая сторона не удалась при отливке; здесь наблюдается недолив металла и сопутствующие ему деформации. Сохранился лишь левый глаз, имеющий уплощенную округлую форму. От остальной плоскости головы он отделён узким дуговидным желобком. По обеим сторонам головы просматриваются две маленькие относительно симметрично расположенные выпуклости, трактовка которых затруднительна. Ещё труднее говорить о неслучайном появлении цепочки миниатюрных ямок, прослеживаемых вдоль края морды.

На оборотной стороне изделия находятся четыре припаянные петли, расположенные попарно (сверху и снизу). Их высота составляет около 0,4 см, ширина – около 0,5 см, длина – 0,9 см. В рабочем состоянии сохранилась лишь одна из верхних петель, остальные проносились и находятся в разомкнутом виде.

Бронза (?). Технология заливки металла требует специальных исследований. Внешняя поверхность изделия полирована.

Размеры: высота – 5,6 см, ширина – 5,3 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (переданы в 1924–1930 гг. неизвестными лицами) [Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея... № 317].

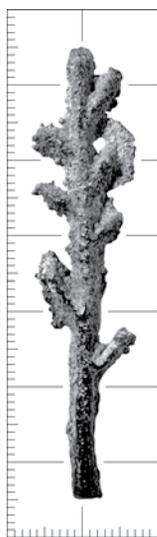
Место хранения: Свердловский областной краеведческий музей (г. Екатеринбург), № 8934/К

ЛИТЕРАТУРА

Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / Е.М. Берс. – Свердловск, 1959.

Представляет собой вертикальный слегка изогнутый стержень с отходящими от него вверх под острым углом короткими и более узкими ветвями: с правой стороны их три, с левой – четыре. Все эти отростки расположены асимметрично: их основания находятся на разных уровнях ствола. При этом и с той, и с другой стороны нижние ветви удалены от остальных на большее расстояние, чем интервал между вышерасположенными ветвями. И именно нижние ветви на конце раздваиваются.

Бронза (?). Литьё. Место заливки металла располагалось в нижней части изображения. По абрису ветвей фиксируются затёки металла.

Размеры: высота – 6,0 см, ширина – до 1,4 см, толщина – 0,3 см.

Источник поступления: случайные сборы (поступило от Н.В. Канева в 1999 г.).

Место хранения: Музей истории и этнографии (г. Югорск ХМАО – Югры), № 1047.

авт.	- автор
автореф. дис.	- автореферат диссертации
АН	- Академия наук
АУ	- автономное учреждение
б.и.	- без издательства
в.	- век
вв.	- века
вкл.	- наклейка
вып.	- выпуск
г.	- год; город (<i>в зависимости от контекста</i>)
гг.	- годы
ГИМ	- Государственный исторический музей
гос.	- государственный (-ая, -ое)
ГПНТБ	- Государственная публичная научно-техническая библиотека
д.	- дом
ед. хр.	- единица хранения
зап.	- записки
ИАЭ	- Институт археологии и этнографии
ИАЭТ	- Институт археологии и этнографии
ИД	- Издательский дом
изд.	- издание
изд.-во	- издательство
ил.	- иллюстрация
ин-т	- институт
исслед.	- исследования
ИФ	- издательская фирма
ИЯЛИ	- Институт языка, литературы и искусства
кат. №	- каталожный номер
канд. ист. наук	- кандидат исторических наук
кв. см	- квадратный сантиметр
кн. изд.-во	- книжное издательство
КоминЦ УрО АН СССР	- Коми научный центр Уральского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
конф.	- конференция
Л.	- Ленинград
М.	- Москва
междунар.	- международный (-ая, -ое)
МНПО	- Межрегиональное научно-производственное объединение
МУ	- муниципальное учреждение
МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора»	- Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
науч.-практ.	- научно-практическая (-ая, -ое)
НИР	- научно-исследовательская работа
нов. сер.	- новая серия
н. з.	- наша (новая) зра
отв. ред.	- ответственный редактор
п.	- посёлок
пед.	- педагогический
пер.	- перевод
р.	- река
РАН	- Российская академия наук
РИО	- редакционно-издательский отдел
рис.	- рисунок
р-н	- район
с.	- страница
сб. науч. тр.	- сборник научных трудов
сер.	- серия
см	- сантиметр
см.	- смотри
сн.	- снято
СО	- Сибирское отделение
сов.	- советский (-ая, -ое)
сост.	- составитель; составление (<i>в зависимости от контекста</i>)
СПб.	- Санкт-Петербург
ср.	- сравни
СССР	- Союз Советских Социалистических Республик
СурГПИ	- Сургутский государственный педагогический институт
т.	- том
табл.	- таблица
тез. докл.	- тезисы докладов
тип.	- типография
тр.	- труды
тыс.	- тысячелетие (-ия)
ул.	- улица
ун-т	- университет
УрО	- Уральское отделение
ч.	- часть
ХМАО	- Ханты-Мансийский автономный округ
экз.	- экземпляр
ЯНАО	- Ямало-Ненецкий автономный округ

Содержание

Яковлев Я.А.

Наследие Няксимволя – утраченное или спасённое? 3

Коптилов М.П.

Няксимвольское городище. (Предварительное регистрационное описание) 17

Стародумов Д.О., Комова Н.Г.

Городище Няксимволь: история исследования 19

Ширин Ю.В.

Хронология Няксимволя 33

Викторова В.Д.

Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций 53

Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н.

Стилистика и иконография металлопластики Няксимволя 67

Каталог металлопластики 91

Список сокращений 198

НЯКСИМВОЛЬ

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка В.Б. Малиновский

Подписано в печать 08.10.2014 г. Формат 60x90¹/₈.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 25,0; уч-изд. л. 24,0.
Тираж 400 экз. Заказ
